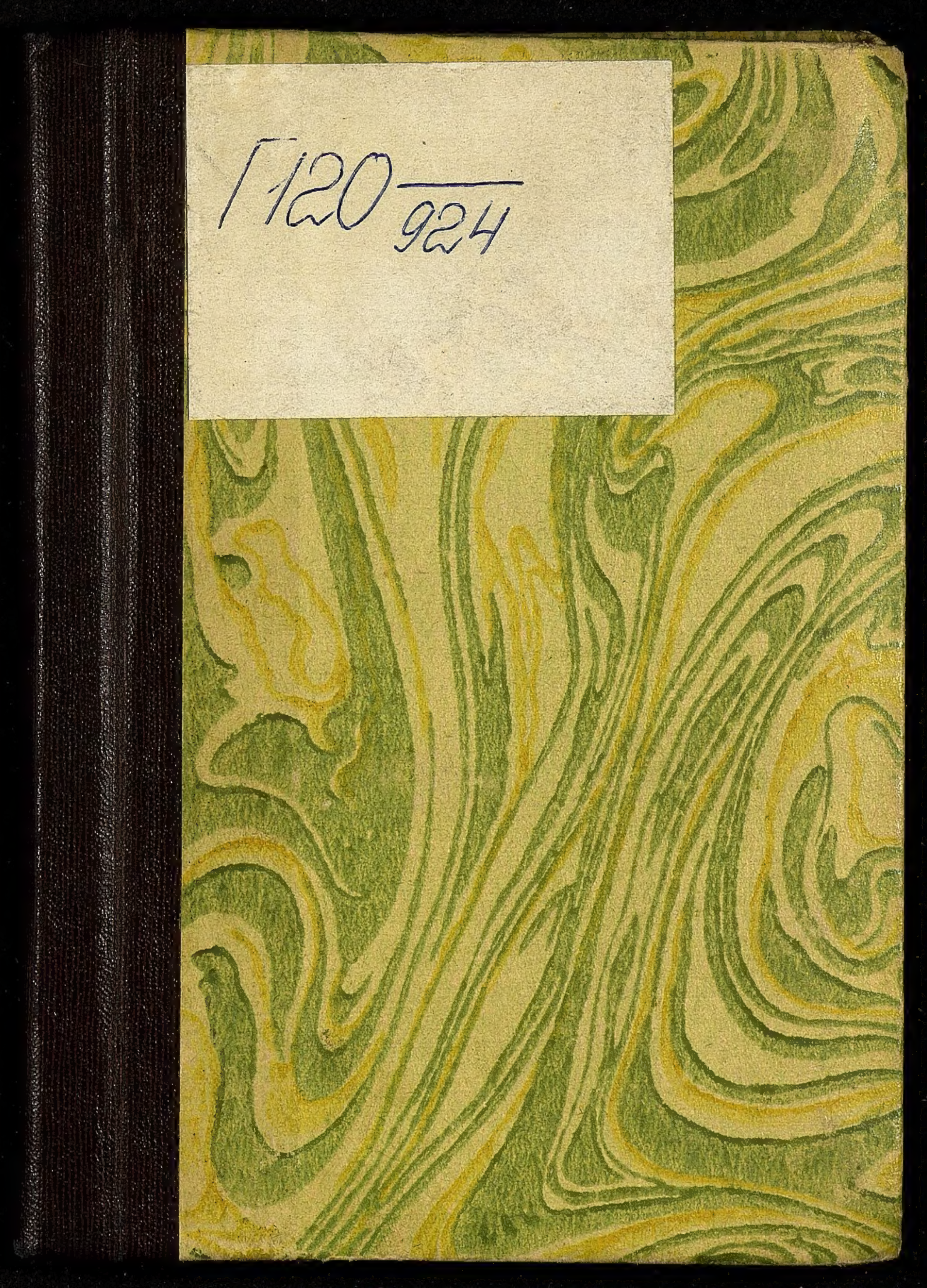
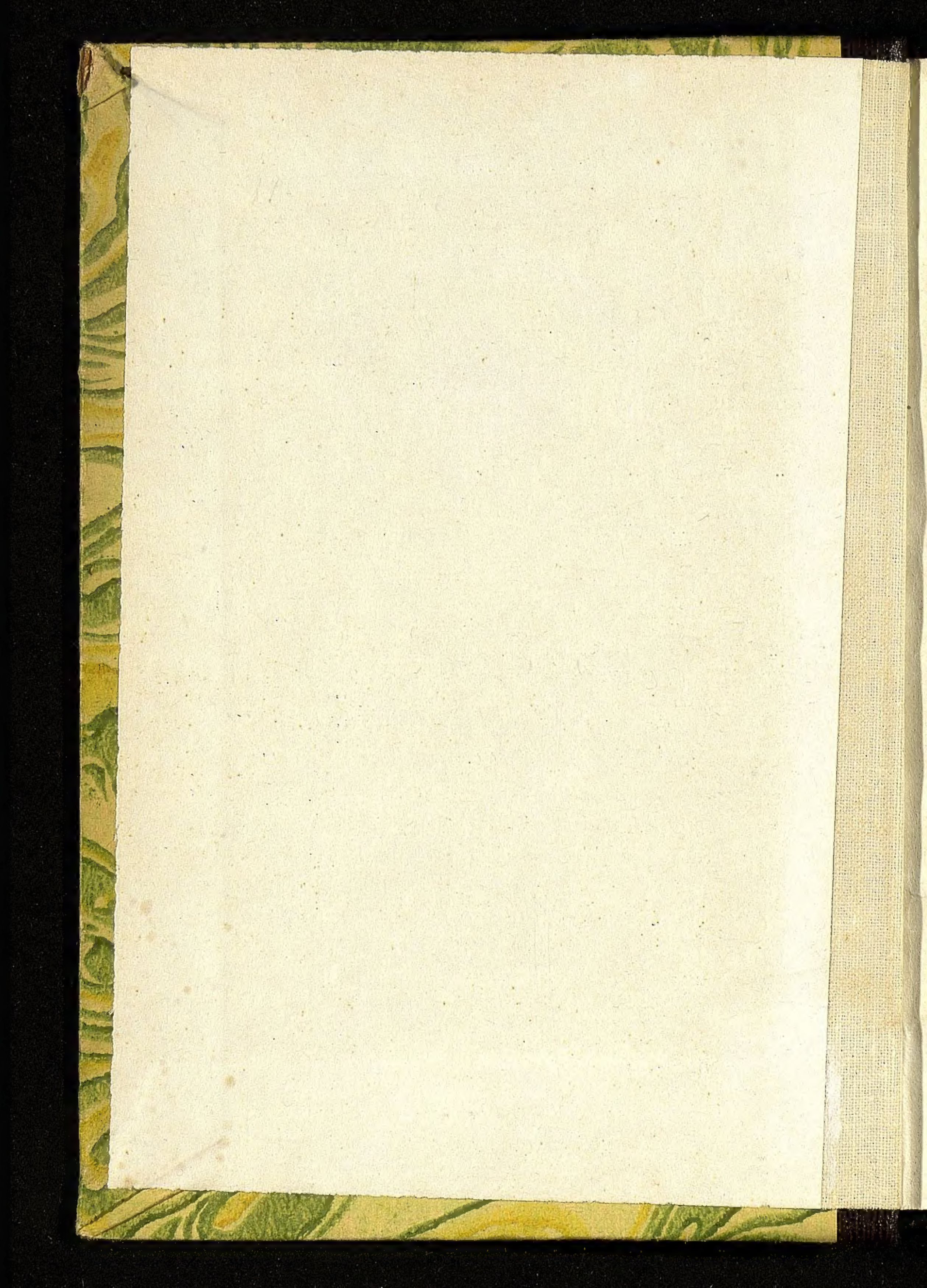
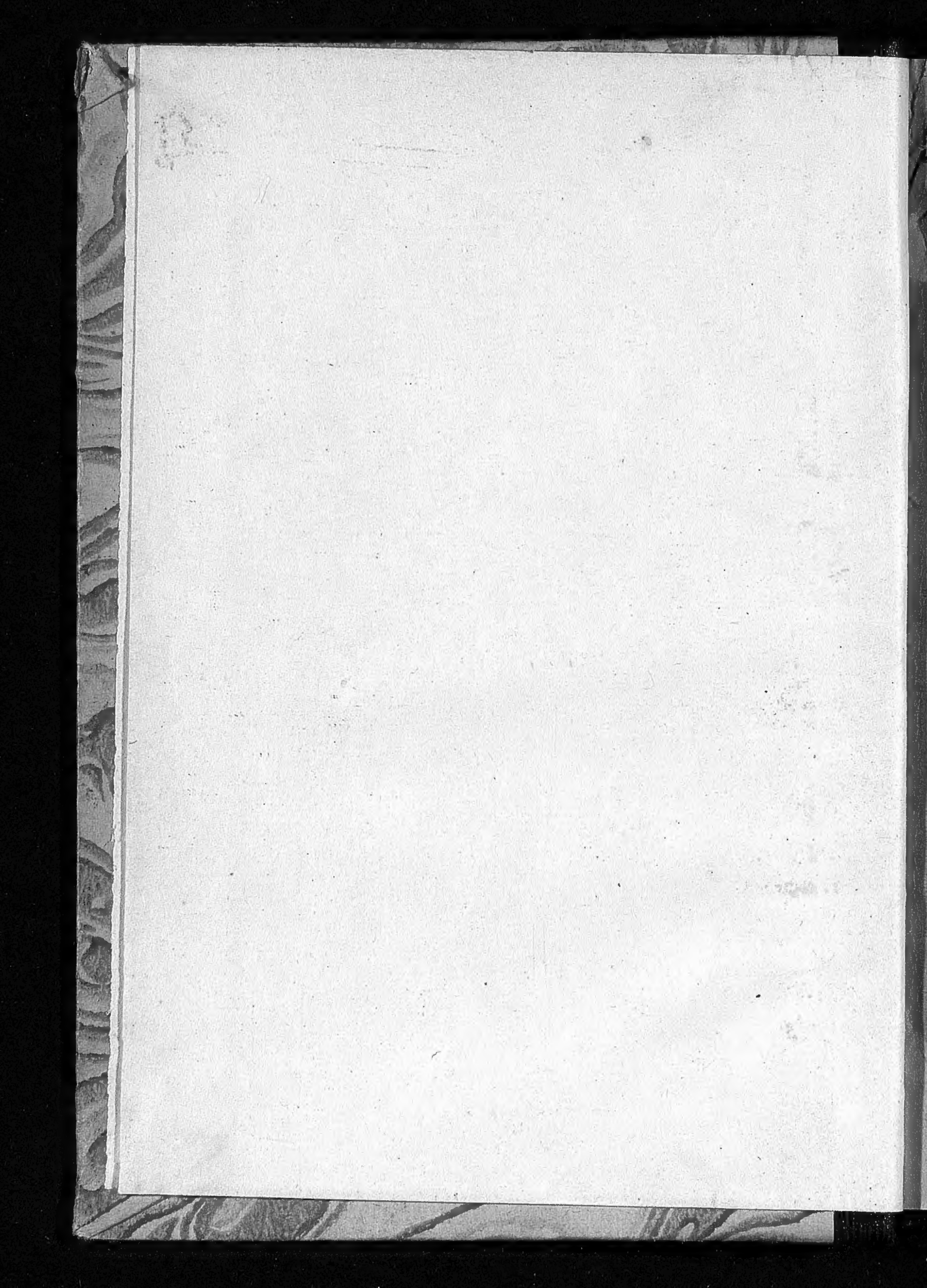

Г120 / 924





М. Горенбергъ.

ТЕОРІЯ СОЮЗНАГО ГОСУДАРСТВА

ВЪ ТРУДАХЪ

современныхъ публицистовъ Германіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Лебедева. Невскій просп., д. 8.

1891.

М. Горенбергъ.

ТЕОРІЯ СОЮЗНАГО ГОСУДАРСТВА

ВЪ ТРУДАХЪ

современныхъ публицистовъ Германіи.

Б. Иванов

1909 г.

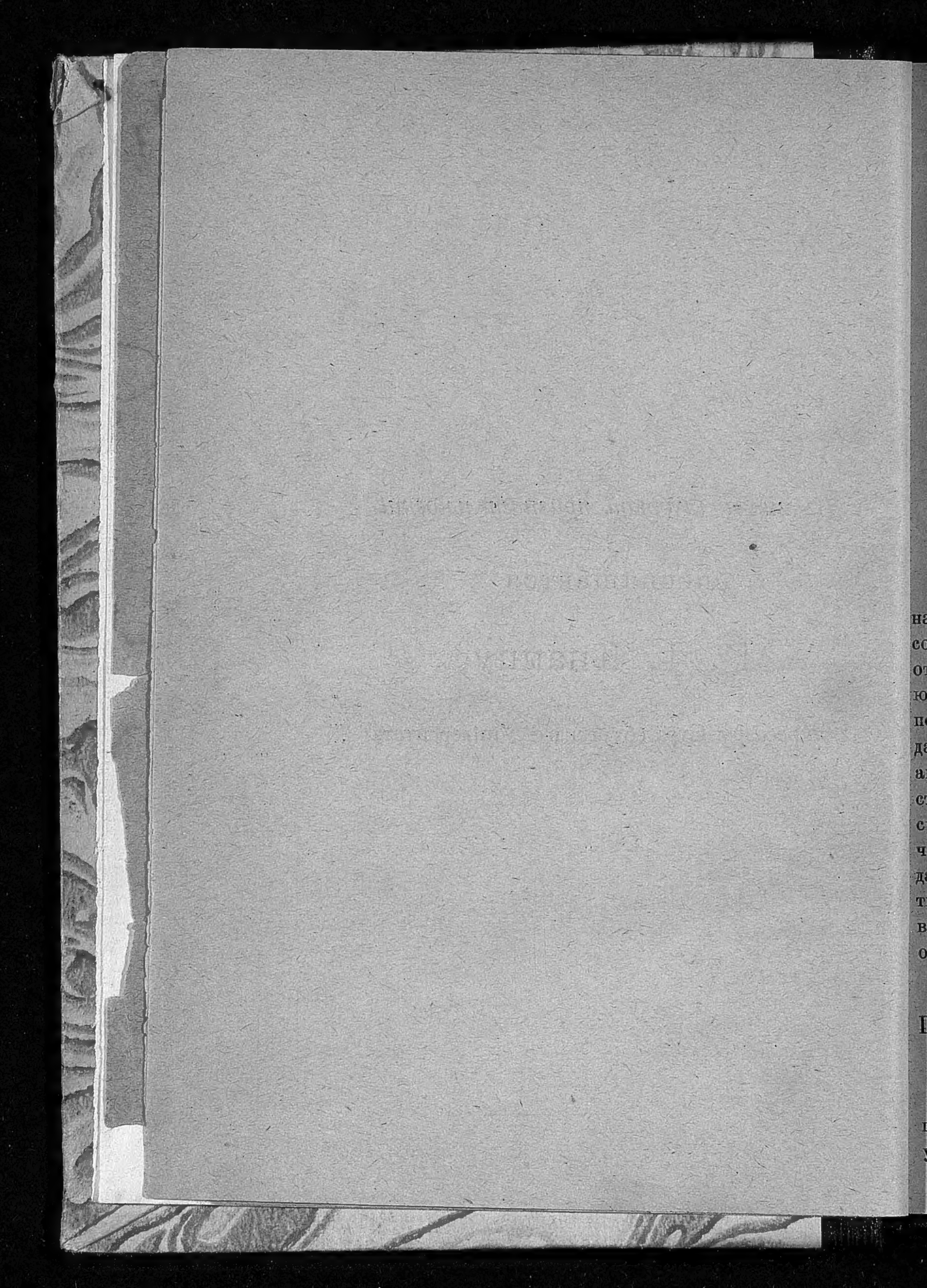
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. А. Лебедева. Невскій просп., д. 8.
1891.

Въ знакъ глубокой признательности

посвящается

Г. Ф. Кнаппу,

Профессору Страссбургскаго Университета.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Введеніе.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Главные моменты въ исторіи ученія о союзномъ государствѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Заключенiе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Введеніе.

Кто слѣдилъ за нѣмецкой литературой государственнаго права послѣднихъ пятнадцати - двадцати лѣтъ, тотъ не могъ не замѣтить новаго движенія въ наукѣ, которое зародилось въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, въ семидесятыхъ получило значеніе «школы» и, достигнувъ въ настоящее время господства въ Германіи, нашло себѣ видныхъ представителей среди публицистовъ Австріи, Венгріи, Швейцаріи, Голландіи, Финляндіи. Чтобы ни говорили по поводу этого движенія — но одно стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, что оно сопровождалось безпримѣрнымъ разцвѣтомъ науки, которая разсѣяла туманъ надъ многими вопросами, переходившими изъ курса въ курсъ, изъ монографіи въ монографію въ ихъ традиціонной обработкѣ, нисколько не разъяснявшей существа дѣла, и вовлекла въ область научнаго изслѣдованія предметы, которыхъ не касалась прежняя доктрина. Очевидно, что богатство добытыхъ результатовъ не можетъ быть объяснено исключительно талантливостью тѣхъ или дру-

гихъ изслѣдователей [1]), въ которыхъ и прежде недостатка не было. Причина указаннаго явленія лежитъ гораздо глубже—въ измѣнившихся пріемахъ, въ новомъ методѣ изслѣдованія. Подобно многому въ современной жизни Германіи и означенное движеніе стоитъ въ тѣсной связи съ переворотомъ 1867 и 1871 года, преобразовавшимъ политическій строй Германіи и осуществившимъ завѣтную идею единства на началахъ правового государства. Само собою разумѣется, почему до образованія сѣверо-Германскаго союза, да и въ первое время послѣ его образованія, общественное вниманіе останавливалось главнымъ образомъ на политической сторонѣ государственныхъ учрежденій, на вопросахъ, насколько та или другая организація способна будетъ осуществить начало единенія съ сохраненіемъ самостоятельности отдѣльныхъ частей, насколько прочнымъ представится вновь созданный порядокъ вещей и окажется ли онъ пригоднымъ къ тому, чтобы содѣйствовать благу націи въ смыслѣ осуществленія культурныхъ ея стремленій. Напротивъ, вопросы о томъ, каковъ юридическій характеръ возникшихъ отношеній, какія юридическія категоріи должны быть къ нимъ примѣнены—эти вопросы были отодвинуты на задній планъ. Только впослѣдствіи, когда возбужденіе, вызванное событіями 1866 и 1870 г., мало по малу стихло, когда существованіе Германскаго союза стало неизмѣннымъ фактомъ и когда конституція пере-

[1]) Какъ это думаетъ проф. Stoerk, Zur Methodik des oeffentlichen Rechts, Grün. Zeitschr. B. 12 (1885), стр. 114.

стала быть предметомъ раздора партій, а, напротивъ, явилась для нихъ общей почвой дѣятельности и единымъ исходнымъ пунктомъ—только тогда отступили на задній планъ вопросы о томъ, слѣдуетъ ли считать благотворнымъ введеніе союзной конституціи, и общественное вниманіе стали привлекать вопросы объ основахъ этой конституціи, о существѣ и характерѣ вновь возникшихъ правовыхъ образованій. Но кромѣ того, по мѣрѣ примѣненія и развитія конституціи, реальныя отношенія новаго публичнаго права развѣтвляются шире и богаче и становятся вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе сложными; болѣе трудно, но за то и тѣмъ болѣе важно удержать теперь въ отдѣльныхъ явленіяхъ публично правовой жизни единство основныхъ положеній и руководящихъ принциповъ; наконецъ, благодаря самой практикѣ, возникаетъ безграничное количество вопросовъ и сомнѣній, которые должны быть разрѣшены внѣ соображеній политической силы и внѣ политическихъ желаній—на началахъ дѣйствующаго права. Словомъ, когда преобразованіе Германіи стало совершившимся фактомъ, тогда явилась потребность понять и этотъ фактъ и вытекающія изъ него послѣдствія [1]).

Между тѣмъ въ своемъ прежнемъ состояніи нѣмецкая наука государственнаго права не могла дать яснаго отвѣта на вопросы, поставленные жизнью. При первой попыткѣ конструировать отношенія между членами союза и вновь образованнымъ цѣлымъ возникалъ

[1]) Laband, Staatsrecht des deutschen Reiches. 1876. Vorwort.

вопросъ о свойствахъ государства, который принадлежа[ть]
къ самымъ запутаннымъ въ прежней литературѣ. О[тъ]
эпохи естественнаго права и по настоящее время понят[ія]
о государствѣ и его необходимыхъ признакахъ являл[ись]
продуктомъ отвлеченной спекуляціи, между тѣмъ ка[къ]
матеріаломъ для остальнаго изслѣдованія публична[го]
права служили конституціи, законы, договоры и т. [д.]
Подобно тому, какъ при установленіи общихъ понят[ій]
часто оставлялись безъ вниманія факты дѣйствительност[и],
такъ и при обработкѣ положительнаго права впадали в[ъ]
противоположную крайность, оставляя въ сторонѣ всяку[ю]
критику, ограничиваясь однимъ констатированіемъ суще-
ствующаго и не выводя изъ положительнаго матеріал[а]
никакихъ высшихъ понятій. Даже попытки болѣе глубо-
каго научнаго изслѣдованія носили скорѣе историческі[й],
нежели юридическій характеръ и посвящались не столь[ко]
логической конструкціи, сколько процессу развитія суще-
ствующаго. Результатомъ такого двойнаго происхождені[я]
публичнаго права было то, что абстрактныя поняті[я]
уживались наряду съ конкретными явленіями государ-
ственной жизни безъ всякой связи и внѣ логическаго их[ъ]
согласованія. Наиболѣе яркимъ примѣромъ противорѣчій,
въ которыя впадала вслѣдствіе этого доктрина, могут[ъ]
служить такіе выдающіеся публицисты, какъ Робертъ
фонъ-Моль и Блунчли, которымъ наука несомнѣнно обя-
зана многими своими пріобрѣтеніями и которые, про-
возглашая единство и нераздѣльность суверенитета въ
одномъ мѣстѣ, говорили о двойственности его, когда

ѣчь заходила о государствѣ сложномъ. Не въ нелогичности мышленія лежитъ причина указанныхъ противорѣчій; онѣ являются необходимымъ слѣдствіемъ того, что въ области публичнаго права не было единства и что дедукція отъ общихъ понятій и индукція отъ жизненныхъ явленій шли различными путями, такъ что встрѣча ихъ становились невозможной [1]).

Другимъ зломъ, которое постоянно тяготѣло надъ наукой государственнаго права, было смѣшеніе политики съ юриспруденціей, отражавшееся одинаково вредно на познаніи той и другой. Государство политики и исторіи относится къ государству юриспруденціи, какъ человѣкъ въ его индивидуальной и общественной жизни къ человѣку какъ къ лицу въ юридическомъ смыслѣ. Если изслѣдованіе юридическое замѣнить соображеніями политическими, то этимъ уничтожается все правовое въ природѣ государства и въ отношеніяхъ государствъ между собою, подобно тому какъ мы затемнили бы представленіе о гражданскомъ правѣ, еслибы точность юридическихъ понятій принесли въ жертву соображеніямъ и представленіямъ экономической жизни [2]). Gierke, который давно борется съ „формалистическимъ“ и „цивилистическимъ“ направленіемъ въ правѣ, не могъ однако не признать, что „прагматическое“ направленіе, при полномъ игнорированіи абстракціи и логической выработки право-

---

[1]) Iellinek, Die Lehre von Staatenverbidungen 1882, стр. 5, 6.

[2]) Ibid., стр. 8.

выхъ категорій и понятій, терялось въ богатствѣ ма... ріала, довольствовалась неопредѣленными представле... ями, прибѣгало къ образнымъ сравненіямъ и пускало и... обращеніе опьяняющія фразы, не заключавшія въ себѣ ни... какой опредѣленной мысли [1]). Достаточно вспомни... хотя бы пресловутую параллель, которую проводилъ поко... ный Блунчли между государствомъ и супругомъ съ одн... стороны, церковью и супругой съ другой, самымъ серьезны... образомъ дѣлая отсюда различные выводы и примѣняя и... къ разработкѣ отдѣльныхъ институтовъ государственна... права [2]). Достаточно вспомнить выраженіе „pacti... Verfassung“, которое заключаетъ въ себѣ такъ ... мало смысла, какъ выраженіе „договорный законъ“ ... при помощи котораго тѣмъ не менѣе оперировалъ так... популярный писатель, какъ Ренне, употребляя его вмѣс... категорическаго отвѣта на вопросъ, что представляе... собою союзная конституція договоръ или законъ—дост... точно указать на эти наудачу схваченные примѣры, что... стало ясно, до какой степени правы тѣ, которые и ... области государственнаго права требуютъ, вмѣсто безпло... ныхъ сравненій, ясныхъ положеній и, вмѣсто ничего ... значущихъ словъ, точно формулированныхъ юридически...

[1]) Die Grundbegriffe des Staatsreechts und die neuesten St... atsrechtstheorien. Zeitschr. f. die gesam. Staatswisensschaft 187... c. 161.

[2]) Такъ въ своемъ Staatswörterbuch'ѣ, отказывая женщина... въ избирательномъ правѣ, Блунчли мотивируетъ это между пр... чимъ тѣмъ, что государство есть «нѣчто мужское» (см. сло... Wahlrecht).

понятій [1]). Замѣняя конструкціи всѣми возможными соображеніями, которыя при обиліи различныхъ точекъ зрѣнія и при попыткахъ всесторонней оцѣнки всѣхъ наличныхъ моментовъ не приводили ни къ какой опредѣленной цѣли, публицисты старой школы не въ состояніи были выдѣлить тѣхъ пунктовъ, которые являются рѣшающими въ вопросахъ о юридическомъ характерѣ изслѣдуемаго факта. Они склонны были переносить на научные выводы ту неопредѣленность границъ, какую представляетъ собою жизнь въ ея переходныхъ и смѣшанныхъ формахъ; они уничтожали границы понятій, вмѣсто того, чтобы конструировать ихъ такимъ образомъ, чтобы онѣ обнимали развивающіяся жизненныя отношенія. Между тѣмъ, по признанію самого Gierke, именно это „прагматическое“ направленіе, совершенно игнорирующее систему формально-юридическихъ понятій, исключительно господствовало до послѣдняго времени въ области государственнаго права. Государственное право не выдѣлилось изъ исторіи и философіи; изслѣдователи философствовали о существѣ и цѣляхъ государства и не заботились о точномъ формулированіи публично-правовыхъ понятій. Неудивительно поэтому, что, при первой попыткѣ критическаго анализа, старыя понятія тотчасъ же обнаруживали всю свою несостоятельность.

[1]) Уже Gerber, въ своемъ сочин. Grundzüge eines Systems des Deutschen Staatsrechts Lpzg. 1865 указываетъ на необходимость отдѣлять политическую точку зрѣнія отъ юридико-догматической и на болѣе точное формулированіе основныхъ понятій, какъ на ближайшую задачу государственнаго права. (Vorwort, стр. VIII).

Въ статьѣ своей о понятіи союзнаго государств
которая составляетъ, по моему мнѣнію, эпоху въ истор
ученія о союзномъ государствѣ, M. Seydel показалъ вс
непрочность основъ, на которыхъ разработывались час
ности государственнаго права, на крайнюю путанницу в
воззрѣніяхъ, безпросвѣтную тьму противорѣчій и ничег
не значущихъ словъ, которыми пробавлялись даже кори
феи нѣмецкой науки въ кардинальныхъ вопросахъ пу
личнаго права. „Эти неясныя понятія, говоритъ Seyde
болѣе опасны для науки права, нежели явно ложны
ибо послѣднія опровергаются сами собою, между тѣм
какъ въ первыхъ нужно разсѣять сгустившійся над
ними туманъ, прежде чѣмъ раскроешь въ нихъ ошибку [1])

Таково было состояніе нѣмецкой литературы, когд
въ ученыхъ кругахъ распространился слухъ, что страс
бургскій проф. Павелъ Лабандъ предпринялъ разработк
имперскаго государственнаго права [2]). Сенсація, произве
денная уже однимъ этимъ слухомъ, не удивитъ насъ, есл
мы примемъ во вниманіе, что Лабандъ уже прежде за
рекомендовалъ себя въ другихъ областяхъ права трудами
которые свидѣтельствовали какъ о глубинѣ и тонкост
его юридическаго анализа, такъ и о ясной опредѣленно
сти его логическихъ построеній. Съ выходомъ первыхъ
двухъ томовъ Государственнаго Права Германской Импе
ріи, трудъ Лабанда былъ признанъ образцомъ научнаго

---

[1]) Der Bundesstaatsbegriff. (Zeitschr. f. Staatsw. 1874, c. 195).
[2]) v. Martitz, Zeitschrift für Staatswissenschaft. 1876, c. 561.

изслѣдованія [1]), достойнымъ занять видное мѣсто не только въ исторіи нѣмецкаго, но государственнаго права вообще [2]). Въ самомъ дѣлѣ, новое сочиненіе выгодно отличалось отъ всего до того времени написаннаго прежде всего ясностью въ формулировкѣ основныхъ понятій государственнаго права, полнымъ отсутствіемъ всего того излишняго балласта, который подавляющимъ образомъ дѣйствовалъ на умъ читателя, нисколько не разъясняя существа дѣла, наконецъ отсутствіемъ тѣхъ субъективныхъ соображеній цѣлесообразности и произвольной оцѣнки институтовъ, которые въ лучшемъ случаѣ доставляли индивидуальное удовлетвореніе, теряя подчасъ всякое научное значеніе. Трудъ Лабанда свидѣтельствовалъ о новыхъ пріемахъ изслѣдованія, о строго выдержанномъ методѣ, о сознательно выполненной задачѣ. Эту задачу авторъ видѣлъ „въ анализѣ вновь возникшихъ публично-правовыхъ отношеній, въ установленіи ихъ юридической природы и въ отысканіи тѣхъ общихъ правовыхъ понятій, которымъ онѣ подчинены“ [3]).

Такая задача не могла быть разрѣшена ни посредствомъ подведенія статей имперской конституціи и имперскихъ законовъ подъ извѣстные заголовки, ни при-

---

[1]) *M. Seydel*, Die neuesten Gestaltungen des Bundesstaatsbegriffes (Annalen des Deutsch. Reiches. 1876, стр. 642).

[2]) Gierke, Grünhuts Zeitschrift. 1879, с. 222. Срав. его же ст. Labands Staatsrecht und die deutsche Rechtswissenschaft (Schmollers Jahrbücher. Bd. VII).

[3]) Paul Laband, Das Staatsrecht des Deutschen Reiches. 1876 I B. Vorwort.

соединеніемъ сюда извлеченій изъ мотивовъ, законопроектовъ и трудовъ рейхстага, которые въ большинствѣ случаевъ являются только соображеніями de lege ferenda. Полемизируя противъ тѣхъ пріемовъ изслѣдованія, которые ограничиваются однимъ констатированіемъ фактовъ, внѣ всякаго ихъ обобщенія и логической группировки, Лабандъ замѣчаетъ, что нельзя уклоняться отъ вышеупомянутой задачи потому, будто бы, что конституція Германской Имперіи слишкомъ своеобразна и не подходитъ ни подъ какую изъ обычныхъ юридическихъ категорій. Въ Германской конституціи, какъ и во всякомъ конкретномъ правовомъ образованіи, своеобразно лишь фактическое осуществленіе и группировка общихъ правовыхъ понятій; но созданіе новаго правоваго института, котораго нельзя было бы подвести подъ болѣе общее правовое понятіе, также невозможно, какъ невозможно изобрѣтеніе новой логической категоріи или новой стихіи. Трудно бываетъ узнать въ какомъ-либо новомъ явленіи правовой жизни, изъ какихъ правовыхъ элементовъ состоитъ его юридическое существо; но научная обработка права заключается не только въ описаніи, но и въ объясненіи явленій правовой жизни и подведеніи ихъ подъ болѣе общія понятія. Но этого мало. Задача не исчерпывается отысканіемъ болѣе общихъ принциповъ; остается еще сдѣлать выводы изъ отысканныхъ принциповъ и привести ихъ въ согласіе съ фактически существующими учрежденіями и постановленіями законовъ [1]).

[1]) Ibid.

На необходимость болѣе строго разграничить публично-правовыя понятія и измѣнить пріемы изслѣдованія государственнаго права указываетъ и другой современной публицистъ проф. Iellinek въ своемъ извѣстномъ сочиненіи, цитируемомъ и въ русской литературѣ. До сихъ поръ, говоритъ онъ, утверждаютъ, что границы между союзомъ государствъ и союзнымъ государствомъ неуловимы и что въ союзахъ государствъ существуетъ множество переходныхъ ступеней отъ простыхъ Alliance'овъ до единаго государства. Такое утвержденіе есть результатъ смѣшенія политики съ юриспруденціей. Юридическія понятія точно разграничены и незамѣтный переходъ одного изъ нихъ въ другое былъ бы смертью для науки да и для правовой жизни [1]). Нельзя отдѣлываться отъ конструкціи публично-правовыхъ отношеній тѣмъ, что онѣ-де эфемерны, иррегулярны, преходящи и непостижимы, ибо задача юриспруденціи заключается въ объясненіи не только постоянныхъ, но и преходящихъ правоотношеній. Множество юридическихъ отношеній гражданскаго права возникаетъ и исчезаетъ въ короткое время — тѣмъ не менѣе онѣ поддаются юридической квалификаціи [2]). Чтобы избѣжать ошибокъ, бывшихъ результатомъ тѣхъ научныхъ пріемовъ, которые практиковались до сихъ поръ, слѣдуетъ установить болѣе правильный методъ изслѣдованія основныхъ понятій. Этотъ методъ заключается въ отдѣленіи политики отъ юриспруденціи не въ смыслѣ отрицанія

---

[1]) Iellinek, Die Lehre von Staatenverbindungen. 1882, с. 15.
[2]) Ibid, стр. 13.

всякой не юридической обработки, но въ смыслѣ сознательнаго разграниченія правовой точки зрѣнія отъ всякой другой [1]). Этому взгляду Iellinek остался вѣренъ и въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи о законѣ и распоряженіи [2]).

Такое же недовольство историко-политической обработкой государственнаго права высказываетъ проф. Кенигсбергскаго Университета Филиппъ Цорнъ. Государственное право должно возвратиться къ строгому порядку юридическаго мышленія вмѣсто историческихъ доводовъ и политическихъ словечекъ, которыми оно изобиловало до сихъ поръ. Но въ отличіе отъ Лабанда и Iellinek'а проф. Цорнъ называетъ этотъ новый путь, по которому отнынѣ должно слѣдовать государственное право, путемъ философскимъ. Государственному праву недостаетъ твердой почвы принципіальныхъ понятій, тогда какъ юридическая систематика деталей его даетъ гораздо меньше повода къ жалобамъ, ибо уже въ первой половинѣ нашего столѣтія она насчитывала цѣлый рядъ отличныхъ работъ. Въ настоящее время въ государственномъ правѣ предстоитъ отыскать и установить принципіальныя понятія, а такъ какъ отыскивать принципы и формулировать вытекающіе изъ нихъ выводы есть дѣло философіи, то и задача, которую ставятъ теперь наукѣ государственнаго права, можетъ быть названа философской въ противоположность къ историко-политической обработкѣ пред-

[1]) Iellinek, стр. IX.

[2]) Gesetz und Verordnung. Freiburg. 1887. Vorrede, стр. IX.

мета. Вопросы объ отличительныхъ признакахъ государства, о суверенитетѣ, о природѣ и формѣ союзовъ государствъ находятся на границѣ философіи и правовѣдѣнія и являются столь же философскими, сколько юридическими [1]).

Такова непосредственная задача, которую предстоитъ разрѣшить наукѣ государственнаго права по мнѣнію современныхъ публицистовъ Германіи. Какъ бы ни назывались пріемы разрѣшенія этой проблемы—философскими, или юридическими, но они имѣютъ своей цѣлью выработку и строгое разграниченіе основныхъ понятій публичнаго права, которое можетъ быть достигнуто только посредствомъ выдѣленія этой науки изъ области историческихъ и политическихъ изслѣдованій. Знаніе исторіи несомнѣнно необходимо для пониманія современнаго государственнаго строя; но историческое изслѣдованіе не останавливается на положительномъ правѣ — оно ведетъ къ политикѣ. Насколько историческая обработка не является сама по себѣ цѣлью, она должна стремиться къ тому, чтобы изъ хода историческихъ событій извлечь тотъ опытъ, который необходимъ для возможно лучшаго устройства государственныхъ учрежденій. Государственное право, какъ юридическая дисциплина, не можетъ поэтому подлежать обработкѣ исключительно путемъ историческаго метода и только полнымъ смѣшеніемъ элементовъ изслѣдованія историческаго съ юридическимъ можно объ-

[1]) Zorn. Streitfragen des deutschen Staatsrechts. Zeitschrift f. Staatswissenschaft Bd. 37 (1881), с. 294.

яснить тотъ фактъ, что, по свидѣтельству Цорна, „вліяніе исторической школы въ Германіи на государственное право было скорѣе вредно, нежели благопріятно для его развитія“ [1]). Тоже самое нужно сказать и относительно политики. Воззрѣніе, согласно которому публичное право не можетъ освободиться отъ связи съ политикой, подобно тому какъ гражданское право выдѣлилось въ самостоятельную въ отношеніи этики и экономики науку, отправляется отъ того факта, что государства недостаточно уважаютъ право. Несомнѣнно, всегда будутъ случаи, гдѣ государство дѣйствуетъ противъ того права, которое само оно признало обязательнымъ. Всякое право имѣетъ ближайшимъ образомъ только идеальное существованіе; оно представляетъ собою то, что должно быть и чему факты могутъ противорѣчить; право стремится регулировать человѣческія дѣйствія и слѣдовательно возможность его нарушенія вытекаетъ изъ его характера нормы. Противорѣчія фактовъ тому, чего требуетъ правовой порядокъ, также неизбѣжны въ государственной жизни, какъ они неизбѣжны въ частной. Но нарушеніе, если оно не образуетъ только правила, не уничтожаетъ права, а наоборотъ обнаруживаетъ его важность и значеніе [2]).

Отстаивая самостоятельный характеръ догматическаго изслѣдованія, современное направленіе въ публичномъ правѣ нисколько не отрицаетъ пользы историческихъ.

---

[1]) Zorn, стр. 295.

[2]) Iellinek, Staatenverbindungen, стр. 9.

политическихъ и философскихъ изслѣдованій и не умаляетъ сомостоятельнаго значенія историческаго и сравнительнаго метода въ изученіи государственныхъ учрежденій. Наоборотъ, Iellinek, напр., въ своемъ послѣднемъ сочиненіи прямо ставитъ себѣ цѣлью показать, между прочимъ, что историко-сравнительная и формально-юридическая обработка государственнаго права не только не представляются противоположными, но взаимно себя обусловливаютъ и дополняютъ [1]). Самый строгій изъ современныхъ догматиковъ Лабандъ не стремится, по его словамъ, къ осужденію другихъ методовъ изслѣдованія, и хотѣлъ бы только устранить диллетантизмъ, который съ одной стороны довольствовался голымъ сопоставленіемъ законовъ и законодательнаго матеріала, а съ другой стороны выдавалъ за изслѣдованія государственнаго права банальныя разсужденія политики дня, поверхностныя соображенія цѣлесообразности и безсвязные историческіе факты.

Болѣе того, Лабандъ признаетъ, что исключительное господство логической обработки права было бы крайне вредною односторонностью и привело бы въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ гибели юридической науки. Но не будучи единственной стороной правовѣдѣнія, догматика все же является одной изъ ея сторонъ. Научная задача *догматики* какого-либо опредѣленнаго положительнаго права заключается въ конструкціи юридическихъ институтовъ

---

[1]) Gesetz und Verodnung, стр. 2.

и въ сведеніи отдѣльныхъ правоположеній къ болѣе общимъ понятіямъ, а съ другой стороны—въ извлеченіи изъ этихъ понятій вытекающихъ изъ нихъ слѣдствій. Независимо отъ изученія дѣйствующихъ положительныхъ норм и всесторонняго ознакомленія съ обрабатываемымъ матеріаломъ—это есть чисто логическая, мыслительная работа. Для осуществленія этой задачи имѣется одно только средство—это логика. Въ виду указанной цѣли, ее ничѣмъ нельзя замѣнить. Какъ бы ни были сами по себѣ цѣнны историческія, политическія и философскія разсужденія—для догматики конкретнаго юридическаго матеріала онѣ не имѣютъ значенія и служатъ часто для того чтобы скрыть отсутствіе всякой конструкціи [1].—Несправедливъ также упрекъ, который дѣлаютъ характеризуемому здѣсь направленію въ томъ, что оно ограничивается перенесеніемъ понятій гражданскаго права въ областъ публичнаго права. И Лабандъ и Iellinek оговариваютъ, что такое перенесеніе чуждыхъ понятій вредно отразилось бы на разработкѣ государственнаго права. Но не слѣдуетъ съ другой стороны забывать, что въ гражданскомъ правѣ циркулируетъ множество понятій, которыя не составляютъ исключительнаго достоянія частно-гражданскихъ отношеній, а присущи праву вообще. Между тѣмъ подъ осужденіемъ цивилистической методы часто скрывается уклоненіе отъ юридической обработки государственнаго права и въ стремленіи избѣжать понятій граж-

[1]) Laband, das Staatsrecht des deutschen Reiches, 1888, Vorwort zur zweiten Auflage.

данскаго права, исключаютъ правовыя понятія вообще, замѣняя ихъ философскими и политическими соображеніями.

Таковы характеристическія черты новаго движенія въ нѣмецкой литературѣ государственнаго права, которое отразилось уже на разработкѣ этого предмета у романскихъ, скандинавскихъ и славянскихъ народовъ. Несмотря на свое широкое распространеніе, внутренній смыслъ означеннаго движенія обнаруживается ближайшимъ образомъ въ связи съ условіями его возникновенія на германской почвѣ. Нуженъ былъ безконечный рядъ попытокъ объединенія, начало которыхъ теряется въ глубинѣ германской исторіи; нужны были разочарованія 1848 года, послѣдующая реакція и новые планы реформъ, наконецъ крупныя событія 1866 и 1870 годовъ, кончившіяся образованіемъ Сѣверо-Германскаго Союза и Германской имперіи, чтобы усталая страна съ чувствомъ успокоенія взглянула на добытые столь дорогою цѣною результаты и чтобы человѣческая мысль обратилась отъ выработки плановъ будущаго къ изслѣдованію настоящаго. Теперь, когда желанія націи были im Grossen und Ganzen удовлетворены, нужно было отдать себѣ отчетъ въ существующемъ. Таковъ, по нашему мнѣнію, тотъ внутренній психическій процессъ, который привелъ къ стремленію изслѣдовать существующія публично-правовыя отношенія, обобщить ихъ и свести къ немногимъ основнымъ понятіямъ. Но этого мало. Къ указанному присоединяется еще одинъ моментъ—преобразованіе Германіи на нача-

лахъ правоваго государства. Нужна твердая увѣренност въ непоколебимости правоваго строя и въ безусловном господствѣ закона, чтобы умъ изслѣдователя остановил на логической конструкціи юридическихъ отношеній. Твердость и прочность правопорядка есть необхомимое услові плодотворности установленныхъ конструкцій. Тамъ гдѣ границы между законами и административными распоряженіям случайны и шатки, гдѣ различныя функціи управленія самоуправленія смѣшаны, гдѣ отношенія союзнаго государства къ его членамъ не основывались бы на твердыхъ началахъ конституціи—тамъ не возникло бы потребност въ анализѣ юридическихъ отношеній и въ разграничені понятій: государства, общины, самоуправленія, закона договора и др. категорій публичнаго права. Этимъ обусловливаются область примѣненія догматическаго метод въ публичномъ правѣ и его дальнѣйшіе успѣхи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Главные моменты въ исторіи ученія о союзномъ государствѣ.

I. Понятіе союзнаго государства есть достояніе новѣйшаго времени. Мы встрѣчаемся съ нимъ не ранѣе 17 столѣтія. Древности было чуждо представленіе о государствѣ, состоящемъ въ свою очередь изъ государствъ [1]), и хотя общежитія, болѣе или менѣе приближавшіяся къ формамъ союзнаго государства, встрѣчаются уже въ то время, но эти случайныя явленія не оказывали вліянія на воззрѣнія Грековъ и Римлянъ. Въ эпоху расцвѣта государственной жизни Греціи, каждый городъ съ прилегающими къ нему поселеніями представлялъ самостоятельное государство. Отъ этихъ городовъ-государствъ абстрагировали свои представленія о государствѣ политическіе мыслители до Аристотеля включительно. Въ виду опредѣленныхъ цѣлей, города вступали между собою въ договоры, но далѣе этихъ договорно-обязательственныхъ отно-

[1]) Brie, Bundesstaat, 1874, стр. 9; Gierke, Genossenschaftsrecht. 3 B. c. 28.

шеній политическія связи того времени не шли. Федеральныя организаціи эпохи македонскаго и римскаго владычества явились слишкомъ поздно, чтобы оказать вліяніе на греческую науку о государствѣ, которая пережила уже періодъ своего расцвѣта. Господствовавшія въ то время философскія школы относились отрицательно къ существовавшему въ дѣйствительности государству и оставляли безъ вниманія новыя формы государственныхъ образованій. Что касается Римлянъ, то въ области государствовѣдѣнія они были слишкомъ не самостоятельны для того, чтобы изобрѣсти сложное понятіе, совершенно чуждое греческому міру. Кромѣ того, у нихъ не было и практическихъ поводовъ къ тому, чтобы выработать теорію союзовъ государствъ, ибо хотя Римъ и распространялъ путемъ договоровъ область своего господства, но онъ никогда не объединялъ своихъ союзниковъ въ одинъ союзный организмъ. Впослѣдствіи Римъ обнималъ множество городскихъ поселеній съ широко развитою автономіею, но ни одно изъ нихъ не носило самостоятельнаго характера государства.

Въ средніе вѣка, въ эту эпоху преобладанія абстрактнаго мышленія, идея союзнаго государства тоже не сдѣлалась предметомъ научной обработки. Во главѣ возстановленной Римской Имперіи стояла власть, возвышавшаяся надъ различными народами и нѣсколько походившая на центральную власть организованнаго союза государствъ, но, не смотря на слабость этой центральной власти, средневѣковая теорія смотрѣла на это „imperium romanum“, какъ на простое государство и отдѣльнымъ

„regna“ отказывала въ свойствахъ самостоятельныхъ общежитій. Еще болѣе напоминала собою союзъ государствъ феодальная организація, охватившая со времени десятаго и одиннадцатаго столѣтій всю западную Европу. Но въ виду преобладанія частно правовыхъ отношеній трудно было въ феодальной организаціи отыскать публично правовые признаки и ленное право постоянно занимало въ теоріи самостоятельное и независимое мѣсто на ряду съ государственнымъ правомъ; и хотя съ 18 столѣтія появляются свободныя единенія съ организаціей союзовъ государствъ, а иногда даже съ характеромъ союзнаго государства, но явленія эти были слишкомъ незначительны пространственно и во времени, чтобы дать толчекъ къ изслѣдованію этихъ новыхъ формъ общежитія. Федераціи новаго времени—Швейцарская и Нидерландская —не могли быть, конечно, не замѣчены наукою. Но связь, объединявшая ихъ членовъ была, слишкомъ слаба и въ этихъ союзахъ усматривали договорно-дружественныя отношенія независимыхъ другъ отъ друга суверенныхъ государствъ. Тѣ же политическія образованія, во главѣ которыхъ стояла центральная власть съ далеко идущими полномочіями, относили къ категоріи простыхъ государствъ, не смотря на широкую самостоятельность ихъ составныхъ частей [1]).

II. Порядокъ, созданный вестфальскимъ миромъ, явился удобной почвой для конструкціи отношеній между имперіей и ея частями. Съ другой стороны идея союз-

[1]) Brie, 16.

наго государства была подготовлена предшествовавшимъ умственнымъ движеніемъ и особенно федералистическимъ ученіемъ Іоанна Альтузія [1]). Согласно этому ученію между индивидомъ и государствомъ находится еще цѣлый рядъ союзовъ—семья, товарищества (Berufsgenossenschaften), общины, провинціи; въ этомъ общественномъ строѣ болѣе обширныя единенія составляются изъ корпоративныхъ единицъ меньшихъ союзовъ и только при посредствѣ этихъ послѣднихъ охватываютъ индивидовъ. Каждый изъ этихъ союзовъ проявляетъ самостоятельную общественную жизнь съ самостоятельною правовою сферою и уступаетъ изъ нея высшему союзу только въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для осуществленія специфическихъ его цѣлей. Однородное съ этими союзами, государство отличается отъ нихъ признакомъ суверенитета. При всей полнотѣ присущихъ ему правъ, государство находитъ себѣ предѣлъ въ собственныхъ правахъ этихъ меньшихъ союзовъ, предѣлъ, котораго оно не должно нарушать подъ страхомъ прекращенія договора и перехода суверенитета къ этимъ меньшимъ союзамъ. Но какъ ни близокъ былъ Іоаннъ Альтузій къ идеѣ союзнаго государства, онъ этаго понятія не развилъ. Только послѣдователь его Hænonius сталъ называть государства, состоящія изъ множества городовъ—respublica composita, въ противоположность къ государству простому—respublica simplex. Christoph Besold примѣнилъ этотъ терминъ „civitas composita“ къ такимъ

---

[1]) Род. 1557, ум. 1638. Учебникъ «Политики» 1603 г.

общежитіямъ, гдѣ многія „gentes" съ различными „leges" соединены въ „unum corpus politicum" съ „unum imperium". Главнымъ образцомъ такого сложнаго государства была, по ученію Besold'а, Германская Имперія, въ которой „majestas" хотя и принадлежала цѣлому, но ея части все же носили характеръ государствъ. Сорокъ лѣтъ спустя это понятіе Staatenstaat'а было развито Ludolf'омъ Hugo, проводившимъ мысль о дѣленіи государственной власти между суверреннымъ союзомъ и его членами [1]. Но эта первая попытка научно обосновать теорію сложнаго государства, не смотря на свой первоначальный успѣхъ, встрѣтила вскорѣ отпоръ въ одномъ изъ выдающихся мыслителей XVII вѣка, Самуилѣ Пуффендорфѣ. Опираясь на Бодена и Гоббеса, Пуффендорфъ защищалъ единство государства и независимость его отъ какойлибо другой власти. Съ этой точки зрѣнія онъ находилъ совершенно немыслимымъ, чтобы государство состояло изъ нѣсколькихъ государствъ. Ученіе Лудольфа Гуго было забыто и одинъ изъ лучшихъ знатоковъ литературы германскаго государственнаго права Johann Stephan Pütter, не будучи знакомъ съ его работой, считалъ себя основателемъ новаго ученія. Какъ и его предшественники Pütter совершенно самостоятельно утверждалъ, что нѣмецкія земли и имперскіе города суть государства, но что и Германія, какъ цѣлое, представляетъ собою ничто иное, какъ государство. Въ вопросѣ о происхожденіи союзнаго государ-

[1] O. Gierke, Iohannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien. 1880, стр. 244, 246, 251.

ства Pütter отправляется не отъ разчлененія государства, а отъ соединенія нѣсколькихъ государствъ въ одно цѣлое, причемъ каждое изъ этихъ государствъ сохраняетъ свое устройство, правительство и верховныя права; но при всемъ этомъ оно подчиняется общей высшей власти. Пюттеръ допускаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность обратнаго процесса образованія, и именно такимъ образомъ, т. е. путемъ распаденія большого государства на части, все-таки оставшіяся подъ эгидой единой высшей власти, возникла Германская Имперія. Пюттеръ подмѣтилъ, кромѣ того, родство, существующее между понятіемъ государства, составленнаго изъ государствъ и понятіемъ системы государствъ. Не смотря, однако, на то, что основа этого ученія нашла себѣ приверженцевъ въ лицѣ выдающихся публицистовъ восемьнадцатаго вѣка, общая теорія союзовъ государствъ оставалась въ теченіи всего этого столѣтія на точкѣ зрѣнія, установленной Пуффендорфомъ.

Съ паденіемъ Германской Имперіи ученіе о союзномъ государствѣ не исчезло. Рейнскій Союзъ, охватившій вскорѣ большинство Германскихъ государствъ, служилъ предметомъ сравненія съ прежнимъ государственнымъ устройствомъ Имперіи. А такъ какъ ближайшее изслѣдованіе неопровержимо доказывало, что Рейнскій Союзъ не есть государство, а представляетъ собою систему государствъ, т. е. союзъ ихъ, то указанное сравненіе подсказывало необходимость болѣе точнаго установленія сходства и различія между главными категоріями соединенія государствъ. Благодаря этому обстоятельству образовалась болѣе точ-

ная терминологія. Такъ возникли въ это время выраженія „Völkerbund", „Staatenbund" для системы, т. е. союза государствъ и „Völkerstaat", а также „Bundesstaat" для союзнаго государства.

Можно было бы ожидать, что союзное государство станетъ предметомъ ревностныхъ теоретическихъ изслѣдованій и практическихъ попытокъ осуществленія въ періодъ 1814—1815 годовъ, т. е. въ эпоху, слѣдовавшую за освобожденіемъ отъ чужестраннаго владычества, когда вопросъ о будущемъ устройствѣ Имперіи особенно сильно, казалось, волновалъ современниковъ. Въ дѣйствительности ничего этого не случилось. Въ литературѣ того времени нѣтъ ни одного научнаго изслѣдованія о союзномъ государствѣ. Если въ проектахъ и докладныхъ запискахъ касательно новаго устройства Германіи и встрѣчается иногда выраженіе „союзное государство", то все-таки не было сдѣлано ни одной попытки воскресить ученіе о союзномъ государствѣ хотя бы въ прежнемъ его состояніи. Государственнымъ дѣятелямъ того времени понятіе союзнаго государства было еще совершенно чуждо и если ими и употреблялось, то въ крайне неопредѣленномъ смыслѣ. Представленія о возможныхъ соединеніяхъ государствъ были вообще очень поверхностны. Также неопредѣленны и неясны были воззрѣнія на то, что практически необходимо и возможно для Германіи. Во всякомъ случаѣ созданію союзнаго государства мѣшалъ дуализмъ Австріи и Пруссіи, а также соглашенія державъ о независимости нѣмецкихъ государствъ. Планы, созидав-

шіеся въ этихъ узкихъ рамкахъ, установленныхъ дипломатическими переговорами, не могли имѣть своимъ предметомъ союзнаго государства. Тѣ же голоса, которые высказывались за возстановленіе имперской короны, руководствовались при этомъ не столько теоретическими соображеніями о свойствахъ союзнаго государства, сколько воспоминаніями о старой имперіи, которую они хотѣли возстановить съ измѣненіями, соотвѣтствующими требованіямъ времени.

По заключеніи союзныхъ актовъ, стала явной необходимость опредѣлить правовой характеръ вновь основаннаго союза, ибо только такимъ образомъ можно было установить точку отправленія для дальнѣйшаго его развитія. Но правильнаго и согласнаго рѣшенія вопроса, которое бы плодотворно подѣйствовало и на ученіе о союзномъ государствѣ, не воспослѣдовало. Воззрѣнія на причины, почему новое твореніе слѣдуетъ считать союзомъ государствъ, были слишкомъ смѣлы и разнорѣчивы. Кромѣ неопредѣленности политическихъ желаній и смутности представленій о союзномъ государствѣ, трудность задачи обусловливалась и самимъ характеромъ союзныхъ актовъ, крайнею бѣдностью ихъ содержанія.

Большая ясность и опредѣленность въ ученіи о союзномъ государствѣ замѣчается съ тѣхъ поръ, какъ Германскій Союзъ обнаружилъ свой международный характеръ, а его произвольное вмѣшательство во внутреннія отношенія отдѣльныхъ государствъ стало порождать недовольство и вызывать протестъ современниковъ. Мало

по малу распространилось убѣжденіе, что Германскій Союзъ предполагаетъ суверенитетъ его членовъ и представляетъ собою международный союзъ государствъ, основанный для внѣшнихъ цѣлей защиты. Въ силу этого, либералы того времени отказывали ему въ правѣ вмѣшательства во внутреннія дѣла своихъ членовъ. Но этимъ цѣлямъ протеста вполнѣ удовлетворяло ученіе о союзномъ государствѣ въ той формулировкѣ, какую ему дали публицисты старой имперіи. Прежнее ученіе осталось такимъ образомъ неизмѣненнымъ и, въ виду указанныхъ практическихъ цѣлей, подчиненіе отдѣльныхъ государствъ высшей центральной власти и завѣдываніе этой послѣдней также дѣлами внутренняго управленія считались характерическими признаками союзнаго государства.

III. Шагъ впередъ въ ученіи о союзномъ государствѣ замѣчается съ момента, когда подъ вліяніемъ движенія, вызваннаго въ Германіи іюльской революціей, нѣкоторые политическіе мыслители предприняли попытку противопоставить существующимъ учрежденіямъ союза положительную политическую программу, выражающую народныя желанія и воззрѣнія на общее устройство Германіи. Стремясь къ единству націи, которое должно было выразиться въ государственномъ устройствѣ, они считали вмѣстѣ съ тѣмъ полезнымъ продлить существованіе отдѣльныхъ государствъ и приходили такимъ образомъ къ идеѣ союзнаго государства. А такъ какъ существующія учрежденія союза считались весьма несовершенными, то представленіе о союзномъ государствѣ строилось путемъ проти-

вoположенія его учрежденіямъ дѣйствительности. Отсюд[а] требованіе строгаго подчиненія государствъ центрально[й] власти, уступка въ пользу этой послѣдней правъ верхо[в]венства въ области внѣшнихъ сношеній и расширен[ія] компетенціи центральной власти до возможности осу[]ществленія ею всѣхъ общихъ культурныхъ цѣлей. Изъ того же источника вытекало требованіе непосред[]ственныхъ сношеній между центральнымъ правительством[ъ] и гражданами, а отсюда выводилась необходимость вве[]денія національнаго собранія. Единство должно был[о] найти себѣ выраженіе въ общемъ главѣ государства. Кромѣ отрицательнаго отношенія къ существовавшем[у] тогда союзу, были и другіе моменты, вліявшіе на выра[]ботку представленій о союзномъ государствѣ, въ особен[]ности же господствовавшее въ то время пристрастіе к[ъ] наслѣдственной конституціонной монархіи съ системо[й] двухъ палатъ, воспоминанія о старой имперіи и, наконецъ, такой образецъ, какъ Сѣверо-Американскіе Соединенны[е] Штаты.

Планы союзно-государственной организаціи, форму[]лированные немногими политиками, пріобрѣтаютъ себ[ѣ] множество приверженцевъ въ революціонную эпоху 184[8] года. Преобразованіе Германіи было, конечно, кратковре[]менно и несовершенно. Ясно выраженныя формы союзно-государственной организаціи Швейцаріи оказались болѣе прочными и продолжительными. Но для исторіи ученія о союзномъ государствѣ неудавшіяся попытки преобразо[]ванія Германіи имѣютъ гораздо большее значенія, не-

жели удавшееся преобразованіе Швейцаріи, и если нельзя отрицать вліянія послѣдняго на измѣненіе теоріи, то во всякомъ случаѣ ближайшимъ поводомъ къ такому измѣненію послужила борьба партій въ Германіи. Объясняется это, независимо отъ большаго пространства Германіи, различнымъ ходомъ преобразовательныхъ попытокъ въ той и другой странѣ. Въ реформѣ союза Швейцарцы руководствовались исключительно практическими соображеніями и въ началѣ не чувствовали никакой необходимости сравнивать новыя постановленія конституціи съ теоретическими воззрѣніями на союзное государство. Пересмотрѣнная конституція такъ спокойно вступила въ жизнь, что эта перемѣна среди крупныхъ катастрофъ того времени не возбудила вниманія Европы. Напротивъ въ Германскомъ движеніи на ряду съ воскресшими воспоминаніями о старой Имперіи слово и понятіе союзнаго государства были съ самаго начала весьма важнымъ факторомъ преобразованія и сдѣлались впослѣдствіи политическимъ лозунгомъ. Замѣна союза государствъ союзнымъ государствомъ становится единственною цѣлью національныхъ стремленій. Спорные вопросы практики, которые вскорѣ выступили наружу и, наконецъ, печальный исходъ борьбы оказали несомнѣнное вліяніе на теорію; въ виду практическихъ требованій прежнее ученіе въ нѣкоторыхъ его пунктахъ оказывалось неудовлетворительнымъ и недостаточнымъ; это вызвало въ немъ измѣненія и дополненія. Но до какой степени общественное мнѣніе Германіи было проникнуто мыслью, что союзное государство

есть единственная форма политическаго устройства, которая соотвѣтствуетъ потребностямъ націи, показали совѣщанія и постнновленія (Besehlüsse) семнадцати лицъ, присоединенныхъ къ Bundestag'у, для пересмотра конституціи союза. Единогласно признали они необходимымъ дальнѣйшее существованіе отдѣльныхъ государствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовали государственнаго устройства, основаннаго на національномъ единствѣ. Такъ же точно Германское Національное Собраніе уже, въ началѣ своей дѣятельности, видѣло свою задачу именно въ созданіи союзнаго государства; это явствовало изъ закона о введеніи временной центральной власти для общихъ дѣлъ Германской Имперіи, который называлъ Германію союзнымъ государствомъ, и дѣйствительно сообщалъ ей этотъ характеръ. Содержаніе вновь выработанной имперской конституціи соотвѣтствовало въ главныхъ пунктахъ теоріи, созданной въ оппозиціи къ существовавшему въ дѣйствительности союзу. Союзное государство предназначалось для осуществленія совокупныхъ національныхъ интересовъ; отдѣльныя государства должны подчинятся центральной власти, но сохраняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ свою самостоятельность и всѣ верховныя права, насколько онѣ не ограничены имперской косституціей. Отдѣльные атрибуты имперской власти точно обозначены, но вмѣстѣ съ тѣмъ ей предоставлена возможность расширенія своей дѣятельности, если въ будущемъ этого потребуютъ совокупные интересы Германіи. Центральной власти предоставлена возможность вмѣшательства во внутреннія дѣла

съ цѣлью содѣйствія народному благосостоянію. Граждане обязываются союзными законами непосредственно; а съ другой стороны вводится общее гражданство, гарантирующее существенныя права личности. Единство организаціи нашло себѣ выраженіе въ установленіи единаго главы государства, на ряду съ которымъ дѣйствовалъ рейхстагъ, состоящій изъ двухъ палатъ—представительства отъ государствъ и представительства отъ народа.

Множество сочиненій, вызванныхъ движеніемъ 1848 года и посвященныхъ вопросу о государственномъ устройствѣ Германіи, стояли на точкѣ зрѣнія оппозиціонной литературы тридцатыхъ годовъ. Только къ концу 1848 года, когда стремленія большинства національнаго собранія яснѣе обозначились, когда съ другой стороны правительства собрались съ силами и консервативная партія снова почувствовала себя бодрой, тогда стали обнаруживаться попытки исправить господствовавшія воззрѣнія на союзное государство. Такимъ образомъ многіе вопросы стали предметомъ научнаго изслѣдованія, какъ напр. вопросы о томъ, принадлежитъ ли центральной власти право управленія, вопросы о финансовыхъ средствахъ и др. Но главнымъ признакомъ союзнаго государства въ противоположность къ союзу государствъ считалась самостоятельная организація союза. Такимъ образомъ въ силу соображеній о происхожденіи, организаціи и компетенціи было установлено принципіальное различіе между понятіями: „Bundesstaat“ и „Reich“—союзнаго государства и имперіи [1].

[1]) Brie, стр. 82.

IV. Говоря о различныхъ моментахъ, вліявшихъ на судьбы ученія о союзномъ государствѣ, нельзя обой[ти] молчаніемъ такого крупнаго факта въ литературѣ госу-дарственнаго права, какъ сочиненіе Токвиля „De la Dé-mocratie en Amerique“, Paris, 1835. Принадле[жа] перу француза и трактуя объ учрежденіяхъ Сѣверо-аме-риканскихъ Соединенныхъ Штатовъ, оно опредѣляющи[мъ] образомъ подѣйствовало на дальнѣйшій ходъ ученія [о] союзномъ государствѣ въ Германіи благодаря главны[мъ] образомъ посредничеству Вайца. Ученіе Токвиля согла-совалось въ существѣ своемъ съ практическими выводa-ми, къ которымъ привело Германское національное дви-женіе и съ намѣченнымъ уже направленіемъ въ даль-нѣйшемъ развитіи теоріи. Вопросы о томъ, насколько не-зависимой должна быть центральная власть и прина-лежитъ ли отдѣльнымъ государствамъ какая либо сфе[ра] безусловной самостоятельности выступили въ это время [на] первый планъ. Воспоминанія недавняго прошлаго долж[ны] были заставить искреннихъ приверженцевъ нѣмецка[го] союзнаго государства отвѣтить утвердительно на оба во-проса, ибо съ одной стороны было ясно, что національ-ные интересы не будутъ удовлетворены на почвѣ добро-вольнаго взаимодѣйствія отдѣльныхъ государствъ и ч[то] центральная власть будетъ обречена на безсиліе, если осуществленіе ея распоряженій будетъ зависѣть отъ добро[й] воли отдѣльныхъ государствъ. Съ другой стороны обна-ружилась непреодолимая трудность побудить представи-телей власти въ отдѣльныхъ государствахъ къ отказу от[ъ]

извѣстныхъ верховныхъ правъ и къ подчиненію центральной власти, въ лицѣ независимаго отъ нихъ главы союза. Въ виду этого теорія Токвиля, подчеркивавшая самостоятельность центральной власти и требовавшая въ то же время самостоятельности отдѣльныхъ государствъ, теорія, основанная при томъ на союзно-государственномъ строѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, считавшемся въ то время образцовымъ, казалось, наиболѣе соотвѣтствовала истинѣ. Но независимо отъ своего вліянія на нѣмецкую доктрину, изслѣдованіе Токвиля является само по себѣ весьма крупнымъ фактомъ въ исторіи ученія о союзномъ государствѣ, какъ первая попытка цѣльной научной конструкціи союзныхъ учрежденій Сѣверной Америки безъ помощи какихъ-либо понятій, привнесенныхъ извнѣ; это была первая теорія союзнаго государства, абстрагированная отъ сѣверо-американскихъ учрежденій, причемъ не слѣдуетъ, конечно, упускать изъ виду и того вліянія, какое оказали на Токвиля комментаторы Сѣв.-Американской конституціи Kent и Story, а также Federalist. Союзныя учрежденія интересовали французскаго наблюдателя главнымъ образомъ со стороны вложенныхъ въ нихъ демократическихъ принциповъ. Въ Американскомъ Союзѣ Токвиль видѣлъ осуществленіе новой государственной идеи—соединеніе нѣсколькихъ народовъ въ одинъ, для достиженія ихъ общихъ интересовъ, и полную раздѣльность и самостоятельность ихъ въ отношеніи всего прочаго. Интересуясь вопросами централизаціи и децентрализаціи, Токвиль видѣлъ въ учрежденіяхъ Сѣверо-Амери-

канскихъ Соединенныхъ Штатовъ осуществленіе при
ципа, въ силу котораго и цѣлое и его части сами за
тятся объ относящихся до нихъ предметахъ. Отдѣльн
государства управляются самостоятельно во всемъ, что к
сается ихъ благосостоянія, между тѣмъ какъ союзъ печет
объ общихъ интересахъ націи. Центральной власти до
жны быть предоставлены предметы, требующіе единаго р
ководства, какъ напр., сношенія съ иностранными го
дарствами. Компетенція союза есть исключеніе, комп
тенція отдѣльнаго государства—общее правило. Въ пр
тивоположность Франціи, суверенитетъ въ Сѣверо-Амер
канскихъ Соед. Штатахъ представляется не единымъ, г
раздѣленнымъ между союзомъ и его членами. Отлич
тельный признакъ Сѣверо-Американскаго Союза по срав
ненію съ конфедераціей 1781 года заключается въ ед
непосредственной власти надъ гражданами.

Эти воззрѣнія Токвиля легли въ основу теорі
Вайца, которая стала господствующей въ нѣмецкой ли
тературѣ и, не говоря о нѣкоторыхъ исключеніях
удержала за собою это господствующее положеніе д
самаго послѣдняго времени. Вайцъ (Grundzüge de
Politik, 1862) противопоставляетъ два понятія: Staaten
bund и Staatenreich. Въ каждомъ изъ нихъ онъ
усматриваетъ начало раздѣленія государственной дѣя
тельности; но въ Staatenbund'ѣ цѣлое не есть госу
дарство, а въ Staatenreich'ѣ — члены не имѣютъ ха
рактера государствъ. Между тѣмъ въ союзномъ го
сударствѣ обѣ части представляютъ собою настоящі

государства. Союзъ государствъ предполагаетъ наличность общихъ политическихъ интересовъ и общей государственной дѣятельности; но союзъ этотъ образуютъ государства, и центральная власть есть власть делегированная. Этому не противорѣчатъ ни постановленія по большинству голосовъ, ни постоянно правящее центральное учрежденіе, ни собраніе, образованное изъ представителей отдѣльныхъ государствъ. Непосредственныя отношенія цѣлаго къ народу — вотъ существенный признакъ союзнаго государства. Цѣлое, какъ и отдѣльныя государства, покоится на національной почвѣ; область государственной дѣятельности раздѣлена между ними и въ своихъ предѣлахъ каждое изъ нихъ суверенно. Полная самостоятельность центральной власти и власти отдѣльныхъ государствъ есть необходимое слѣдствіе ихъ свойства государственной власти; эта самостоятельность зиждется на непосредственныхъ отношеніяхъ каждаго изъ нихъ къ народу и необходимымъ условіемъ ея является дѣленіе государственныхъ задачъ между центромъ и отдѣльными государствами. Самостоятельность центральной власти проявляется въ трояком отношеніи: въ образѣ дѣйствій, въ средствахъ осуществленія ея задачъ и, наконецъ, въ организаціи.

Въ предоставленныхъ ей предѣлахъ центральная власть никогда не должна дѣйствовать при посредствѣ государствъ, а всегда вступать въ непосредственныя сношенія съ народомъ. Она не должна ограничиваться однимъ изданіемъ законовъ съ обязательною силою, но и

сама ихъ исполнять. Въ противномъ случаѣ дѣятел
ность ея будетъ парализована, а отдѣльныя государст
будутъ низведены до недостойной роли подчиненна
учрежденія.—Что касается средствъ осуществленія зада
союза, то во избѣжаніе конфликтовъ, должностныя ли
государствъ не должны быть употребляемы для осуществл
нія задачъ цѣлаго. Послѣднее должно имѣть свой собстве
ный служебный персоналъ и стоять къ нему въ непосре
ственныхъ отношеніяхъ. Исключеніе дѣлается для войск
въ виду того, что отдѣльныя государства также ну
даются въ контингентахъ для поддержанія внутренн
спокойствія и безопасности и не могутъ содержать д
этого особыхъ войскъ. Въ силу изложенныхъ соображен
Вайцъ высказывается противъ матрикулярныхъ взносов
Источникомъ дохода центральной власти должны служи
косвенные налоги, а источникомъ дохода отдѣльныхъ г
сударствъ—налоги прямые.—Наконецъ, союзное госуда
ство, какъ всякое простое государство, должно имѣть пр
вительство, народное представительство и суды. Сущ
ственный признакъ союзно-государственной организаціи з
ключается именно въ независимости его главы или пр
вительства отъ отдѣльныхъ государствъ. Поэтому о д
легаціи не можетъ быть рѣчи. Участіе, какое пред
ставлено народу въ дѣлахъ простого государства, долж
быть ему предоставлено и въ союзномъ государствѣ, тѣм
болѣе, что эта форма общежитія предполагаетъ еще боль
шее самосознаніе націи. Но это собраніе не должно со
стоять изъ делегатовъ отдѣльныхъ народныхъ представи

тельствъ, ибо народъ долженъ быть представленъ именно въ его непосредственныхъ отношеніяхъ къ цѣлому. Существованіе палаты представителей отъ государствъ Вайцъ оправдываетъ соображеніями цѣлесообразности. Въ виду того, что ходъ дѣлъ въ союзномъ государствѣ будетъ неминуемо отражаться и на судьбахъ отдѣльныхъ государствъ, послѣднимъ должно быть предоставлено право защиты ихъ интересовъ въ центральномъ пунктѣ. Это лучше всего достигается при помощи собранія, составляющаго часть законодательнаго корпуса. Наконецъ, судъ долженъ быть, конечно, самостоятельнымъ. Участіе государствъ допускается только въ томъ случаѣ, если судъ этотъ является учрежденіемъ для разбирательства споровъ между государствами.

Теорія Вайца оказала большое вліяніе на Германскую литературу. Рядъ выдающихся ученыхъ присоединился къ ней вполнѣ или съ незначительными оговорками; ея громадное значеніе обнаруживается еще въ большей степени въ томъ, что при послѣдующихъ попыткахъ юридически конструировать порядокъ вещей, соданный послѣ 1866 года, точкою отправленія служили обыкновенно положенія, установленныя Вайцомъ, которыя принимались, или отвергались, но никогда не оставлялись безъ вниманія. На ряду съ этимъ мы встрѣчаемъ воззрѣнія, отчасти родственныя Вайцу, отчасти отличающіяся отъ нихъ, но во всякомъ случаѣ образовавшіяся не подъ его вліяніемъ. Замѣчаемое родство воззрѣній находитъ себѣ объясненіе въ одинаковомъ вліяніи событій 1848—1850 при

однородности основныхъ политическихъ взглядовъ. Укл
няющіяся-же отъ Вайца воззрѣнія установлялись консерв
тивными ученіями, которыя опирались на старую доктри
господствовавшую среди изслѣдователей положительна
государственнаго германскаго права и пытались док
зать практическую трудность или неосуществимость
зданія германскаго союзнаго государства. Также иностра
ные писатели, интересовавшіеся теоріею союзнаго го
дарства, хотя и не знали ученія Вайца, но усвоили се
воззрѣнія Токвиля и пришли къ выводамъ, весьма ро
ственнымъ съ воззрѣніями Вайца.

V. Подобно тому, какъ преобразованія въ госуда
ственномъ устройствѣ Германіи со времени вестфальска
мира опредѣляющимъ образомъ дѣйствовали на возни
новеніе и развитіе ученія о союзномъ государствѣ, та
и новое ея преобразованіе, начатое въ 1867 году
законченное въ 1871, должно было оказать сильное вл
ніе на теорію союзнаго государства. Съ самаго нача
теорія находилась въ затруднительномъ положеніи
отношеніи новаго общежитія. Люди, призванные, на это
разъ возвести новое государственное устройство не бы
учеными, какъ въ 1848 и 1849 годахъ; не наукѣ бы
обязанъ своимъ возникновеніемъ и планъ этого преобр
зованія. Этотъ планъ былъ набросанъ теперь дѣ
выми государственными людьми, которые руководство
лись при этомъ чисто практическими соображенія
Нужно даже предположить, что главный государстве
ный дѣятель, въ умѣ котораго зародился планъ нова

устройства, находилъ извѣстное удовлетвореніе въ уклоненіи отъ всякихъ теоретическихъ шаблоновъ и отъ какихъ-бы то ни было требованій абстрактной доктрины. Тѣмъ не менѣе наукѣ пришлось вскорѣ задать себѣ вопросъ о юридической природѣ новаго политическаго образованія [1]). Замѣчательно, что въ отвѣтахъ на этотъ вопросъ проявилось бо́льшее согласіе во мнѣніяхъ, нежели этого можно было бы ожидать въ виду значительныхъ трудностей проблемы. За немногими исключеніями, тѣ изъ представителей германской науки государственнаго права, которые пытались понять и охарактеризовать юридическую сущность Сѣверо-Германскаго союза, единогласно высказали мнѣніе, что онъ заключаетъ въ себѣ основныя черты союзнаго государства и еще съ бо́льшимъ единодушіемъ высказано было это воззрѣніе относительно вновь основанной Германской Имперіи. Если такому взгляду не мало способствовало и естественное желаніе увидѣть въ новомъ образованіи осуществленіе давно желаннаго идеала Германскаго союзнаго государства, то противоположность между нимъ и устраненнымъ порядкомъ вещей, сходство съ общепризнаннымъ союзно-государственнымъ характеромъ конституцій Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Швейцаріи, а также и съ союзно-государственными проектами, прежде выработанными для Германіи, вполнѣ способствовали отъисканію надлежащаго понятія. Съ другой стороны, новое союзное устройство обнаруживало не только многочисленныя и су-

[1]) Brie, 156.

щественныя различія по сравненію съ другими союзно-государственными организаціями, но содержало еще далѣе идущія отклоненія отъ господствующаго ученія о понятіи и признакахъ союзнаго государства. Для большинства германскихъ публицистовъ, которые въ основу своихъ воззрѣній положили теорію дѣленія властей въ союзномъ государствѣ въ той формулировкѣ, какую далъ этой теоріи Вайцъ, и которые хотѣли тѣмъ не менѣе подвести новое общежитіе подъ понятіе союзнаго государства, существовала только двоякаго рода возможность—признать эти уклоненія отъ требованій теоріи особенностями, хотя и противными понятію союзнаго государства, но не измѣняющими основного его типа; или-же въ виду такихъ отклоненій измѣнить самую теорію союзнаго государства. Соотвѣтственно этому, одни писатели ограничились утвержденіемъ, что особенности новаго порядка вещей про[illegible] рѣчатъ принципу союзнаго государства. Съ другой [illegible] роны подъ вліяніемъ прежнихъ воззрѣній на союзное [illegible]сударство и вслѣдствіе ближайшаго знакомства съ постановленіями иностранныхъ союзныхъ конституцій, противорѣчіе между новыми учрежденіями и положеніями господствовавшей доктрины вызвало сомнѣніе въ непогрѣшимости этой послѣдней и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе необходимости такого построенія теоріи, которое охватывало-бы и вновь организованныя общежитія. Въ сочиненіяхъ, посвященныхъ новому устройству Германіи, уклоненіе отъ теоріи Вайца обнаружилось по четыремъ кардинальнымъ вопросамъ. Эти пункты различія суть: подчиненіе отдѣль-

ныхъ государствъ центральной власти въ предѣлахъ вѣдомства этой послѣдней; право центральной власти самостоятельно расширять свою компетенцію; независимость центральной власти отъ отдѣльныхъ государствъ въ отношеніи исполненія ея предписаній и средствъ ихъ осуществленія; наконецъ, участіе отдѣльныхъ государствъ въ образованіи общей воли.

Вайцъ отвергалъ всякое подчиненіе отдѣльныхъ государствъ центральной власти на томъ основаніи, что это противорѣчило-бы понятію союзнаго государства. Съ другой стороны не только тѣ писатели, которые остались [illegible]рными старой доктринѣ, но и близко подходившіе по [illegible]имъ воззрѣніямъ къ теоріи Вайца провозглашали под[illegible]неніе отдѣльныхъ государствъ центральной власти необ[illegible]димымъ условіемъ союзнаго государства. Принципъ [illegible]тъ несомнѣнно установленъ многими положеніями кон[illegible]туціи Сѣверо-Германскаго Союза [1] и почти всѣ изслѣ[illegible]ватели признали съ большею или меньшею опредѣленностью, что центральная власть въ предѣлахъ ея вѣдом-

[1]) Согласно ст. 2 Германской конституціи, Имперія осуществляетъ право законодательства такимъ образомъ, что имперскіе законы имѣютъ преимущество передъ законами мѣстными. Имперскіе законы получаютъ обязательную силу, будучи опубликованы органами имперской власти и т. д. Срав. конст. Сѣв.-Ам. Соед. Шт. ст. 6 и ст. 113 Швейцарской конституціи.

Ст. 4. Германск. конст. перечисляетъ въ шестнадцати пунктахъ предметы, подлежащіе «надзору и законодательству» Имперіи.

Ст. 19. Если члены Союза не будутъ исполнять обязанностей, возложенныхъ на нихъ конституціей, то они могутъ быть къ этому принуждены въ порядкѣ экзекуціи и т. д.

ства повелѣваетъ не только отдѣльнымъ гражданамъ, н
и отдѣльнымъ государствамъ, по крайней мѣрѣ, в
извѣстныхъ отношеніяхъ. Но эти изслѣдователи не заме
чали того, что утверждая это, они впадали въ противорѣч
съ теоріей Вайца.

Вопросъ о томъ, въ правѣ-ли центральная власть самостоятельно расширить кругъ предоставленныхъ ей конституціей функцій, или-же такое расширеніе возможно только путемъ договора между отдѣльными государствами, не былъ изслѣдованъ до 1866 года. Онъ возникъ по образованіи Сѣверо-Германскаго союзнаго государства съ раздѣленнымъ вѣдомствомъ. Этотъ вопросъ вызвалъ живые дебаты, когда зашла рѣчь объ учрежденіи верховнаго союзнаго коммерческаго суда. Такъ какъ конституція Сѣверо-Германскаго Союза не давала на этотъ счетъ точныхъ опредѣленій, то разрѣшеніе вопроса о правѣ союзныхъ органовъ расширять свою компетенцію старались вывести изъ природы союзнаго государства. На существо союзнаго государства опирались въ особенности тѣ, которые отказывали центральной власти въ спорномъ правѣ. Хотя Вайцъ и не высказался открыто по данному вопросу, но несомнѣнно, что съ точки зрѣнія его ученія о раздѣленіи суверенитета въ союзномъ государствѣ право расширенія компетенціи отнюдь не принадлежитъ центральной власти, ибо такое право предполагаетъ наличность власти, охватывающей всѣ стороны жизни объединеннаго государства и ставитъ въ зависимость отъ этой власти отдѣльныя государства даже въ предѣлахъ имъ исклю-

чительно предоставленныхъ предметовъ. Изслѣдователи, стоявшіе на этой почвѣ (G. Meyer, Böhlau, H. A. Zachariae) заключали свою аргументацію указаніемъ на то, что призна́въ право расширенія компетенціи за центральною властью, мы будемъ имѣть уже не союзъ, не союзное государство, а государство единое. Послѣ версальскихъ договоровъ многіе представители того воззрѣнія, что союзная власть можетъ въ порядкѣ измѣненія конституціи самостоятельно измѣнить кругъ своего вѣдомства, считали возможнымъ согласить это съ существомъ союзнаго государства или даже видѣли въ этомъ необходимое его условіе. Но одни изслѣдователи смотрѣли въ этомъ случаѣ на союзные органы, какъ на представителей воли отдѣльныхъ государствъ,—другіе-же, хотя и считали союзные органы „самымъ компетентнымъ" учрежденіемъ союза, которому должно принадлежать право расширенія своей компетенціи на счетъ вѣдомства отдѣльныхъ государствъ — приходили къ заключенію, что союзное государство есть только переходной моментъ въ процессѣ превращенія даннаго общежитія въ форму простого государства; или же на ряду съ этимъ удерживали ученіе о дѣленіи суверенитета (Моль).

Отправляясь отъ постулата независимости цѣлаго и его частей, Вайцъ полагалъ необходимымъ, чтобы не только законы центральной власти непосредственно обязывали гражданъ, но чтобы они приводились въ исполненіе ея органами и чтобы необходимыя для этого средства находились въ рукахъ союза. Сѣверо-Германская

конституція установила смѣшанную систему: непосредствен-
ную обязательность союзныхъ законовъ, право надзо-
Союза за ихъ исполненіемъ [1]); она предоставила ему въ н
которыхъ отношеніяхъ также административныя функці
юрисдикцію. Въ компетенцію отдѣльныхъ государствъ вх
дятъ — взиманіе и управленіе таможенными сборами
общими сборами съ предметовъ потребленія, участіе
управленіи почтою и телеграфомъ [2]). Военно-морскія си
отошли въ вѣдѣніе Союза [3]), сухопутное войско осталось
вѣдѣніи отдѣльныхъ государствъ [4]). Конституція установи
для центральной власти непосредственные источники д
ходовъ и на ряду съ этимъ—матрикулярные взносы [5]).
этомъ пунктѣ обнаружились большое разнообразіе и
опредѣленность во взглядахъ. Одни съ ссылкой на А
риканскія учрежденія утверждали, что центральнымъ ор
намъ должны принадлежать, кромѣ законодательной, так
судебная и административная власть и что матрикуля
ные взносы ставятъ союзъ въ зависимость отъ отдѣ
ныхъ государствъ (Вестеркампфъ). Другіе видѣли въ тр
бованіи самостоятельнаго служебнаго персонала, финансо
и войска одни только соображенія цѣлесообразности (Го
цендорфъ), неимѣющія связи съ принципіальной сторон
дѣла.

Не меньшія трудности породилъ вопросъ объ ор

[1]) Ст. 4 и 17.

[2]) Ст. 36 и 50.

[3]) Ст. 53.

[4]) Ст. 60 и 66.

[5]) Ст. 70.

низаціи центральной власти въ союзномъ государствѣ и именно объ организаціи Союзнаго Совѣта. По ученію Вайца отдѣльныя государства должны были быть принципіально устранены отъ всякаго участія въ веденіи общихъ дѣлъ. Изъ послѣдующихъ писателей одни смотрѣли на организацію Союзнаго Совѣта [1]) какъ на аномалію, какъ на уклоненіе отъ нормальныхъ признаковъ союзнаго государства. Другіе-же утверждали, что организація союзной власти является безразличнымъ моментомъ въ понятіи союзнаго государства, а участіе отдѣльныхъ государствъ въ организаціи союзной власти объясняли весьма различными практическими соображеніями. Вестеркампфъ находитъ разумный смыслъ такого устройства въ томъ, что въ противномъ случаѣ возникла-бы опасность поглощенія цѣлымъ своихъ членовъ. Р. ф. Моль присоединяетъ сюда еще то соображеніе, что Германское союзное государство состоитъ изъ монархическихъ государствъ и т. д.

Такъ расшатывались мало-по-малу положенія, установленныя теоріею Вайца. Можно было предвидѣть, что теорія, провозглашающая основой союзнаго государства дѣленіе суверенитета, вызоветъ въ концѣ концовъ принципіальныя возраженія уже по одному тому, что это ученіе стояло въ противорѣчіи съ принципомъ единства государственной жизни и государственной власти, признаннымъ не только господствующимъ ученіемъ о государ-

[1]) Союзный Совѣтъ состоитъ изъ представителей отдѣльныхъ государствъ. Ст. 6 Конст. Герм. Импер.

ствѣ, но и многими приверженцами теоріи Вайца. Если въ трудахъ Зейделя возраженія эти обратились проти самаго понятія союзнаго государства и вѣками добытые р зультаты нѣмецкой науки были сочтены простою оши кою и сплошнымъ недоразумѣніемъ, то причина это лежитъ въ самомъ характерѣ Германской конституціи, ея отступленіяхъ какъ отъ теоріи, исчерпавшей повид мому всѣ стороны союзнаго государства, такъ и о устройства тѣхъ общежитій, которымъ присвоено бы это названіе; наконецъ, въ неясностяхъ и неполнотѣ, к торыя давали поводъ считать Германію то неполны но единымъ государствомъ, то союзомъ государст и на этомъ примѣрѣ иллюстрировать всю безпло ность и превратность понятія союзнаго государства. достигши кульминаціоннаго пункта въ критикѣ госп ствовавшей теоріи, ученіе Зейделя знаменуетъ вмѣс съ тѣмъ благодѣтельный поворотъ въ ученіи о союзно государствѣ, которое, освободившись отъ хаоса проти рѣчивыхъ и смутныхъ представленій, возросло тепер почвѣ, обновленной новыми пріемами изслѣдованія. момента появленія трудовъ Зейделя и начинается да нѣйшее изложеніе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Возникновеніе союзнаго государства.

I. Вопросъ о происхожденіи государства представ-
стется очень спорнымъ въ наукѣ. Самыя разнообразныя
ріи,—отъ утонченныхъ формъ договора и до насилія
завоеванія болѣе могущественными племенами [1]), какъ
инственнаго процесса образованія государства—уступали
сто одна другой, но ни одна изъ нихъ не нашла себѣ
общаго признанія. Что же касается происхожденія
юзнаго государства, то, кромѣ общаго интереса, оно по-
у еще привлекаетъ вниманіе ученыхъ изслѣдователей,
отъ того или другого разрѣшенія этого вопроса за-
ситъ и различная конструкція юридической природы
юзнаго государства.

Съ безукоризненною послѣдовательностью провелъ
ydel свою теорію договорнаго образованія всѣхъ тѣхъ
вѣйшихъ формъ общежитія, которыя извѣстны подъ
енемъ союзнаго государства. Суверенныя государства
вейцаріи, Германіи, Сѣверо-Американскихъ Соединен-

[1]) Gumplovicz, Philosophisches Staatsrecht 1877, стр. 20, 21.

ныхъ Штатовъ заключили между собою договоръ дл[...] осуществленія общихъ имъ государственыхъ задачъ. О[...] не образовали новаго общежитія, а остались тѣмъ за[...] чѣмъ они были, т. е. суверенными государствами [...] Если доказано, что союзъ возникъ путемъ договора, д[...] этимъ самымъ установленъ суверенитетъ государствъ [2]). П[...]темъ договора можно образовать только союзъ государст[...] который существуетъ до тѣхъ поръ, пока это угодно [...] членамъ. Въ силу этого соображенія основатели договорн[...] теоріи въ Америкѣ провозглашали право отдѣленія и н[...]лификаціи. Зейдель совершенно послѣдовательно утвер[...]даетъ, что члены союза могутъ быть виновны въ на[...]шеніи договора, но никакъ не въ измѣнѣ (Hochv[...]rath) [3]). Онъ допускаетъ далѣе, что договоръ мож[...] быть вмѣстѣ съ тѣмъ содержаніемъ закона и какъ та[...]мѣстный законъ дѣйствовала конституція Сѣверо-Г[...]манскаго союза [4]). Seydel остался такимъ образомъ [...]ренъ своему утвержденію, что понятіе союзнаго госуд[...]ства основано на недоразумѣніи, что его въ дѣйствите[...]ности вовсе не существуетъ [5]).

Другіе изслѣдователи утверждали, что хотя союз[...] конституція возникла договорнымъ путемъ, но она д[...]

---

[1]) Seydel, Bundestaatsbegriff. Zeitschr. f. Statsw. 1874, с. [...]

[2]) Ibid. 210.

[3]) Ibid. 240.

[4]) Commentar zur Verfassungs-Urkunde für das Deutsche Re[...] 1873; стр. 9.

[5]) Bundesstaatsbegriff, 207.

ствуетъ какъ законъ. Такъ Georg Meyer [1]) полагаетъ, что выработка и признаніе союзной конституціи является заключеніемъ международнаго договора, посредствомъ котораго выполняются обязанности, установленныя прежнимъ договоромъ, теряющимъ теперь свою силу. По своему возникновенію имперская конституція есть договоръ, но по своему дѣйствію—законъ [2]).

Между тѣмъ такое разсужденіе совершенно непонятно, когда исходитъ отъ тѣхъ, кто признаетъ за союзнымъ государствомъ характеръ государства. Какъ бы ни были спорны моменты, отличающіе союзное государство отъ другихъ формъ общежитія, но несомнѣнно, что, какъ государство, союзное государство представляетъ собою отношеніе власти съ одной и подданства—съ другой стороны. Власть есть существенный признакъ государства. Какимъ же образомъ договоръ, обязывающій контрагентовъ, можетъ создать власть, стоящую надъ этими контрагентами? Эту теорію обосновалъ Haenel своимъ ученіемъ о томъ, что основа возникновенія не опредѣляетъ юридическаго характера возникшаго отношенія и, что если даже будетъ доказано договорное возникновеніе союзнаго государства, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что и союзное государство представляетъ собою ничто иное, какъ международный союзъ [3]). Но случаи, гдѣ изъ договора возникаютъ отношенія другого характера, имѣютъ мѣсто въ предѣлахъ

[1]) Annalen des Deutschen Reiches, 1876, стр. 658; Срав. Brie, Theorie der Staatenverbindungen, 1886. с. 131.

[2]) Annalen, 660.

[3]) Haenel, Studien zum Deutschen Staatsrecht. 1873. стр. 39.

государственной жизни, гдѣ высшая власть связыва
съ договорнымъ возникновеніемъ извѣстнаго отноше
послѣдствія другаго характера. Гдѣ нѣтъ высшей в
сти, тамъ договоръ представляется слишкомъ слабою связ
стоящей въ противорѣчіи съ принудительнымъ харак
ромъ государства. Органическое жизненное отноше
прочность котораго зависитъ отъ прочности единенія
дивидовъ не носитъ въ себѣ гарантій постоянства,
высшая сила не сдерживаетъ центробѣжныхъ стремле
изъ предѣловъ органическаго отношенія. Бракъ, потер
шій свою нравственную основу, существуетъ какъ догово
какъ гражданско-правовое отношеніе, ограждаемое толь
высшею властью отъ окончательнаго распаденія. При
сутствіи высшей воли, стоящей надъ жизненными и
вовыми отношеніями, послѣднія существуютъ только
тѣхъ поръ, пока продолжается фактическая связь меж
его членами. Выходъ зависитъ отъ ихъ свободнаго у
трѣнія; ибо что могло бы съ точки зрѣнія права о
дить такую публично правовую корпорацію, которая в
никла изъ договора, отъ выхода ея членовъ? На како
юридическомъ основаніи такой выходъ былъ бы проти
правнымъ? Отличительный признакъ государства —
отсутствіе безусловныхъ правъ у его членовъ. Обла
его господства не можетъ такимъ образомъ зависѣть
ихъ воли. Гдѣ можно провозгласить право отдѣле
тамъ нѣтъ государства [1]). Но если договоръ не мож
быть основой возникновенія государства, то еще непон

[1]) Jellinek, Die Lehre von Staatenverbindungen, 1882, стр.

нѣе, какимъ образомъ договоръ можетъ обратиться въ законъ? Договоръ регулируетъ отношенія между государствами, а законъ регулируетъ отношенія въ предѣлахъ государства. Одно и то же явленіе можетъ быть такимъ образомъ или же договоромъ, или закономъ [1]). Въ этомъ согласно между собою большинство писателей, которые не признаютъ договора юридическою основой возникновенія союзнаго государства. Основаніе германскаго союзнаго государства было содержаніемъ договора 18 августа 1866 г., но самый процессъ образованія не былъ договоромъ.

II. Но какимъ же образомъ возникло Германское союзное государство? Для разрѣшенія этого вопроса слѣдуетъ прежде всего прослѣдить событія, которыя привели къ разрушенію прежняго союза германскихъ государствъ и къ созданію на его развалинахъ новаго общежитія [2]). Само собою разумѣется, что съ интересующей насъ точки зрѣнія имѣютъ значеніе не всѣ многочисленныя попытки объединенія, которыя теряются въ глубинѣ германской исторіи, а только тѣ событія, которыя, имѣя внѣшнюю такъ сказать, осязательную форму, стоятъ въ непосредственной связи съ образованіемъ Сѣверо-Германскаго Союза. Въ этомъ смыслѣ начало интересующаго насъ хода событій не восходитъ далѣе 1866 года. 14 іюня этаго года въ засѣданіи союзнаго собранія по-

[1]) Seydel, Bundesstaatsbegriff, стр. 111.

[2]) F. Thudichum, Verfassungsrecht des Norddeutschen Bundes und des Deutschen Zollvereins. 1870. Laband. Das Staatsrecht des Deutsch. Reiches I, 1888 г.; Binding, die Gründung des Norddeutschen Bundes, 1889.

становлено было мобилизировать союзное войско, исключеніемъ прусской и австрійской частей его. этомъ постановленіи союзнаго собранія прусскій по усмотрѣлъ нарушеніе союзнаго договора и именемъ св короля объявилъ его на будущее время несуществующ Въ промежутокъ времени между 21 іюня и 21 окт 1866 года и всѣ другіе члены союза объявили о св выходѣ. Лихтенштейнъ, хотя и не выразилъ своего ланія явно, но не протестовалъ и, слѣдовательно, клудентнымъ образомъ присоединился къ тому, что лали другіе. Такъ какъ организація союза была санк нирована между прочимъ и актами Вѣнскаго конгр то для полной легальности распущенія союза недоста еще согласія державъ, подписавшихъ актъ конгресса. согласіе было дано въ Лондонскомъ договорѣ 11 1867 года. Какъ общежитіе международнаго харак прежній Германскій Союзъ прекратилъ свое существ ніе съ согласія всѣхъ факторовъ, которые бы могли точки зрѣнія права, на это возразить.

Между прежнимъ союзомъ и Сѣверо-Германск нѣтъ, такимъ образомъ, никакой преемственной св Ихъ раздѣляетъ война, кончившаяся Никольсбургск миромъ 26 іюля 1866 г. Въ договорѣ этомъ авст скій императоръ призналъ уничтоженіе прежняго Гер скаго Союза и далъ свое согласіе на образованіе но союза изъ государствъ, лежащихъ выше линіи Ма безъ участія въ немъ Австріи. Но еще раньше эт событій, 16 іюня 1866 года, т. е. черезъ два дня

ыходѣ своемъ изъ союза, Пруссія предложила сѣверо-ерманскимъ государствамъ заключить съ нею наступа-ельный и оборонительный союзъ. Согласно этому предло-женію, былъ заключенъ 18 августа 1866 года въ Бер-инѣ договоръ, значеніе котораго является самымъ спор-ымъ пунктомъ въ процессѣ образованія Сѣверо-Герман-каго Союза. Статья 1 этого договора гласила, что пра-ительства (слѣдуетъ наименованіе) заключаютъ между обою оборонительный и наступательный союзъ для под-ержанія независимости, цѣлости, а также внутренняго и нѣшняго спокойствія ихъ государствъ. Цѣли (не этаго пред-арительнаго, а будущаго) союза должны быть окончательно становлены посредствомъ союзной конституціи, выработан-ой на началахъ прусскаго проекта отъ 10 іюня 1866 г. при участіи сообща созваннаго парламента (ст. 2). оюзныя правительства должны были назначить одновре-енно съ Пруссіей выборы депутатовъ въ парламентъ на снованіи имперскаго избирательнаго закона 12 апрѣля 849 года и вмѣстѣ съ Пруссіей созвать этотъ парла-ентъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ должны были послать упол-омоченныхъ въ Берлинъ для выработки проекта союз-ой конституціи согласно основнымъ положеніямъ 10 іюня этотъ проектъ долженъ былъ быть предложенъ парла-енту для обсужденія и соглашенія (Berathung und Vereinbarung). Ст. 5. Союзъ этотъ сохраняетъ свою силу о заключенія новаго союза, или же годъ, если новый союзъ е будетъ заключенъ до истеченія одного года (ст. 6) [1].

[1]) Binding, стр. 11.

Этимъ договоромъ правительства не образовали Сѣве[рно-]
Германскаго союза, а обязались только выработатаь со[юз-]
ную конституцію. Созданіе новаго союза, выработка[и]
признаніе его конституціи должны были быть таки[мъ]
образомъ выполненіемъ договора 18-го августа. — Перв[ымъ]
шагомъ къ выполненію обязательствъ, взятыхъ на с[ебя]
правительствами въ силу вышеприведеннаго догово[ра,]
было назначеніе выборовъ въ такъ называемый, учре[ди-]
тельный рейхстагъ. Всѣ правительства предложили имп[ер-]
скій избирательный законъ 12 апрѣля 1849 на утве[ржде-]
деніе своихъ ландтаговъ. По проекту, предложенн[ому]
Пруссіей, ландтаги должны были предоставить рейхст[агу]
рѣшающій голосъ въ выработкѣ союзной конститу[ціи,]
такъ чтобы ни одинъ изъ сеймовъ не могъ ей впосл[ѣд-]
ствіи воспротивиться. Однако, въ прусскомъ сеймѣ во[з-]
никли сомнѣнія относительно возможности рисковать т[ѣми]
существенными правами, какія гарантировала прусс[кая]
конституція 1850, въ угоду неизвѣстной еще союзн[ой]
конституціи, выработанной не однимъ парламентомъ[,]
по соглашенію его съ двадцатью четырьмя правите[ль-]
ствами, для которыхъ, благодаря недавней побѣдѣ, [вы-]
боры могутъ оказаться весьма благопріятными Съ д[ру-]
гой стороны, поведеніе прусскаго сейма имѣло и ю[ри-]
дическое основаніе, такъ какъ, согласно 107 ст. пр[ус-]
ской конституціи, измѣненія въ ней, которыя несомнѣ[нно]
были бы вызваны новой союзной организаціей, мог[ли]
быть произведены не иначе, какъ съ согласія обѣи[хъ]
палатъ. Такимъ образомъ прусскій сеймъ предостави[лъ]

рейхстагу только совѣщательный голосъ и примѣру его послѣдовала большая часть другихъ сеймовъ.—Какъ бы то ни было, но одно изъ постановленій договора 18 апрѣля—назначеніе выборовъ—могло быть теперь исполнено. Вслѣдствіе приглашенія прусскаго правительства, 15 декабря 1866 года собрались въ Берлинѣ уполномоченные отъ правительствъ для выработки проекта конституціи. 24 февраля 1867 г. былъ собранъ въ Берлинѣ рейхстагъ и выработанный конференціей проектъ союзной конституціи былъ предложенъ прусскимъ королемъ отъ имени другихъ правительствъ на обсужденіе рейхстага. Рейхстагъ удержалъ основную мысль проекта, отклонилъ предложенія, стоявшія въ противорѣчіи съ основной его идеей, и внесъ въ него нѣкоторыя улучшенія. 16 апрѣля проектъ конституціи былъ принятъ въ рейхстагѣ 230 голосами противъ 53. Въ тотъ же день союзныя правительства постановили принять этотъ проектъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ преній рейхстага. Но принятая рейхстагомъ и правительствами, союзная конституція не могла еще вступить въ силу, ибо, какъ мы видѣли, рейхстагу былъ предоставленъ только совѣщательный голосъ. Союзная конституція была поэтому предложена отдѣльнымъ сеймамъ на утвержденіе, принята этими послѣдними безъ всякихъ измѣненій и опубликована въ каждомъ государствѣ въ формѣ, предписанной для публикаціи законовъ и съ прибавленіемъ, что прилагаемая конституція должна вступить въ силу 1 іюля 1867 года.

III. Теперь возникаетъ вопросъ, какое значені[е] имѣла эта публикація конституціи союзнаго государств[а] въ предѣлахъ территоріи отдѣльныхъ государствъ? С[ъ] перваго взгляда могло показаться правильнымъ заключе[-]ніе, сдѣланное отсюда Зейделемъ, что союзная консти[-]туція именно потому и обязательна, что опубликована [и] дѣйствуетъ, какъ мѣстный законъ [1]). Это объясненіе был[о] однако съ успѣхомъ опровергнуто Haenel'емъ, которы[й] справедливо указалъ на то, что союзная конституція н[е] можетъ имѣть значенія мѣстнаго закона, ибо имѣетъ содержаніе, выходящее за предѣлы тѣхъ отношеній, ко[-]торыя въ правѣ регулировать отдѣльное государство. Союз[-]ная конституція говоритъ объ организаціи союзнаго со[-]вѣта, который является какъ бы продуктомъ взаимодѣй[-]ствія всѣхъ государствъ; о рейхстагѣ, въ которомъ пред[-]ставлено все населеніе; конституція опредѣляетъ порядокъ устраненія споровъ, возможныхъ между государствами. Между тѣмъ о мѣстномъ законѣ можетъ быть только въ томъ случаѣ рѣчь, когда регулируемый предметъ нахо[-]дится въ предѣлахъ власти отдѣльнаго государства [2]). Наконецъ, даже тѣ постановленія конституціи, которыя относятся къ отдѣльнымъ государствамъ, не могутъ быть одинаковымъ, повсемѣстно согласнымъ закономъ всѣхъ го[-]сударствъ. Отдѣльные сеймы имѣли, по мнѣнію Генеля, право изслѣдовать обязательность августовскаго договора со всѣми его послѣдствіями, проникающими въ жизнь

[1]) Commentar, 9.

[2]) Haenel, Studien, 54.

каждаго государства. Но, разъ признавъ обязательность этого договора, сеймы могли дѣйствовать только въ двоякомъ смыслѣ: изслѣдовать, насколько союзная конституція соотвѣтствуетъ по своему содержанію и формѣ возникновенія правамъ и обязанностямъ, обоснованнымъ августовскимъ договоромъ, и устранить всѣ тѣ постановленія мѣстныхъ законовъ, которыя препятствовали введенію союзной конституціи [1]).

Но, какъ замѣтилъ Лабандъ, констатировать соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе конституціи договору 18 августа было совершенно излишнимъ, такъ какъ сеймы удержали за собою право утвержденія конституціи и могли бы ее принять или отвергнуть въ обоихъ случаяхъ [2]). Что касается второго пункта, то объясненіе Haenel'я недостаточно, ибо устраненіемъ противорѣчащихъ союзной конституціи постановленій отдѣльныхъ государствъ законодательство этихъ послѣднихъ было бы только обращено въ руину и въ такомъ видѣ, невозможномъ для дальнѣйшаго существованія, оно должно было бы прозябать отъ 1 до 26 іюля, когда конституція союзнаго государства была опубликована органами союза. Лабандъ даетъ другое объясненіе публикаціи конституціи отдѣльными государствами. По его ученію форма закона въ современномъ государственномъ правѣ примѣняется не только въ тѣхъ случаяхъ, когда государство установляетъ правовыя нормы, но и вообще для выраженія воли государ-

[1]) ibid, 76.

[2]) Laband, Staatsrecht, стр. 26.

ства въ тѣхъ случаяхъ, когда для этого требуется согла-
шеніе между монархомъ и народнымъ представительствомъ.
Законъ имѣетъ такимъ образомъ двоякое значеніе: мате-
ріальное и формальное. Въ послѣднемъ смыслѣ законъ
является только формой выраженія государственной воли
независимо отъ ея содержанія. Основаніе Сѣверо-Герман-
скаго союза было не установленіемъ правовой нормы, а
дѣйствіемъ Сѣверо-Германскихъ государствъ. Посредствомъ
публикаціи конституціи въ формѣ мѣстнаго закона от-
дѣльныя государства объявили о своей рѣшимости всту-
пить въ союзъ. Такимъ образомъ объявленіе отдѣльныхъ
государствъ о томъ, что 1 іюля 1867 конституція Сѣверо-
Германскаго союза должна вступить въ дѣйствіе въ тер-
риторіи государства X, означало, что 1 іюля 1867 г.
государство X вступитъ въ союзъ. Это объясненіе при-
нято всѣми изслѣдователями. Сказаннымъ не разрѣшается
однако вопросъ о томъ, кто создалъ союзъ и его консти-
туцію?

Генель утверждаетъ, что прежде всего должны были
вступить въ дѣйствіе органы, предусмотрѣнные конститу-
ціей; вступивъ въ жизнь, эти органы признали конститу-
цію своимъ высшимъ закономъ. Это объясненіе однако
ничего не говоритъ и представляетъ собою circulus vi-
tiosus ибо органы, созданные конституціей не могли при-
дать силу закона той самой конституціи, которая вызвала
ихъ къ жизни [1]). Съ другой стороны Лабандъ, утверж-

[1]) Laband, 26. Опредѣленнѣе въ полемикѣ съ Jellinek'омъ
у Marquardsen'a, Handbuch des œffentlichen Rechts.

дая, что конституція вступила въ жизнь вмѣстѣ съ союзомъ, не указываетъ положительнаго процесса образованія этого союза [1]). Лабандъ не отвѣчаетъ на вопросъ, кто создалъ Сѣверо-Германскій союзъ. Объясняя значеніе публикаціи конституціи въ отдѣльныхъ государствахъ, Лабандъ употребляетъ выраженія „вступить въ союзъ" (eintreten), „принадлежать къ союзу" (anzugehören), принять участіе въ созданіи его" (Errichtung) — какъ равнозначащія [2]). Между тѣмъ эти выраженія вполнѣ ясныя и идентичныя, когда рѣчь идетъ о созданіи международнаго союза, имѣютъ существенныя оттѣнки различія, когда рѣчь идетъ о созданіи союзнаго государства, т. е. организованнаго общежитія съ суверенною властью. Въ послѣднемъ случаѣ нельзя „вступленіемъ" содѣйствовать „созданію" союза и „вступить" можно только въ такой союзъ, который уже существуетъ. Когда рѣчь идетъ о государствѣ, хотя бы и союзномъ, то эти процессы мыслимы только раздѣльно и притомъ такъ, что послѣдній актъ, т. е. созданіе, предшествуетъ первому акту—вступленію въ союзъ.

Было сдѣлано много попытокъ къ разрѣшенію этой загадки. Такъ, проф. Кенигсбергскаго университета Zorn, отправляясь отъ разницы между конституціей вообще—присущею каждому государству—и конституціею въ смыслѣ ограниченнаго правленія, уступки, которую дѣлаетъ монархъ, призывая къ осуществленію государственной вла-

---

[1]) Срав. G. Meyer. Annalen, 658; Zorn, Staatsrecht, стр. 25.
[2]) Laband, стр. 28, см. 32 и 33.

сти представителей народа, утверждаетъ, что пре
всего возникла союзная власть, понимаемая, какъ еди
ство отдѣльныхъ правительствъ и, по своемъ появле
на свѣтъ, тотчасъ же себя ограничила въ формѣ сою
ной конституціи. Авторъ признаетъ, что фактически н
чего этого не было, что конституція появилась на свѣ
одновременно съ союзнымъ государствомъ, но юриди
ски—послѣ его возникновенія [1]). Эта гипотеза построе
на недоразумѣніи. На чемъ основано предположеніе, ч
государство должно необходимо пройти двѣ стадіи—сн
чала быть неограниченнымъ, а потомъ себя ограничи
Почему не можетъ государственная власть явиться н
свѣтъ уже ограниченной? Но главное—какъ объясни
возникновеніе первой конституціи, которая, по призна
самого же Цорна, присуща каждому государству, и б
которой никакое, даже деспотическое государство не
жетъ существовать, ибо власть должна же быть как
нибудь организована. Впрочемъ, судя по позднѣйши
изслѣдованіямъ проф. Zorn'a, можно думать, что, по
мнѣнію, государственная власть можетъ явиться на св
какой-то безформенной, лишенной всякой организац
Такъ въ полемикѣ своей противъ Jellinek'a Цорнъ
воритъ: „Основаніе Сѣверо-Германскаго союза было ф
томъ, но не правовымъ дѣйствіемъ; само собою понят

---

[1]) Zorn, das Staatsrecht des Deutschen Reiches, I, 1880. с
25—26. Только эта гипотеза говоритъ Zorn «bietet die Möglichk
der Verfassung den Charakter des Gesetzes zu retten (?!) und
mit dem Reich die feste staatsrechtliche Basis».

что германское союзное государство должно было явиться на свѣтъ съ государственною властью; такою властью было единство союзныхъ (der verbündeten) правительствъ и постольку процессъ этотъ имѣетъ фактическій характеръ, не поддающійся юридической конструкціи. Въ этомъ смыслѣ конституція есть фактъ, а не правовое положеніе. Но вся *дальнѣйшая* конституція не есть фактъ, а правовая норма и должна быть поэтому юридически опредѣлена". Что понимаетъ авторъ подъ выраженіемъ „дальнѣйшая конституція" видно изъ слѣдующаго: „...какъ организовать власть, въ какихъ формахъ должна проявиться ея дѣятельность, какъ далеко должны простираться цѣли государства, какъ должны распредѣлиться предметы вѣдомства въ союзномъ государствѣ—всѣ эти основные вопросы конституціи суть не факты, а правовыя нормы. Въ этомъ смыслѣ и имперская конституція есть не фактъ, а законъ, изданный... государственной властью... Государство и государственная власть фактически существовали. Первое выраженіе воли, первымъ закономъ—была конституція" [1]). Выходитъ такимъ образомъ, что союзное государство возникло съ неорганизованною властью, безъ опредѣленныхъ формъ дѣятельности, безъ цѣли и т. д. Такъ же точно государственная власть въ неограниченныхъ государствахъ, не смотря на свою вѣковую исторію, не имѣетъ слѣдовательно, ни организаціи, ни формъ дѣятельности, ни государственныхъ цѣлей. Гипо-

[1]) Annalen, 1884, стр. 478; срав. Zeitschrift. f. Staatsw. 1881, стр. 322.

теза Цорна не можетъ, очевидно, разрѣшить, постав леннаго имъ вопроса: „возможно-ли, чтобы госуда ство и законъ возникли одновременно и въ одно актѣ, въ то время, какъ всякій законъ предполага наличность государственной власти?“

Либе также утверждаетъ, что конституція союзна государства есть законъ. Но слово законъ онъ употре ляетъ не въ техническомъ смыслѣ, понимая подъ ни „общую волю“. „Для образованія новаго государств созданнаго посредствомъ выработки конституціи, не м жетъ, само сабою разумѣется, быть предписано опредѣ ленной формы... Но тамъ, гдѣ для законодательства предписано опредѣленной формы, тамъ будетъ законо ясно выраженная общая воля. Союзная конституція во никаетъ, какъ законъ и какъ законъ продолжаетъ дѣ ствовать“ [1]. Очевидно, что законъ, понимаемый смыслѣ общей воли и возникающій внѣ предписанны формъ, не есть законъ въ юридическомъ смысл Либе приходитъ такимъ образомъ къ невозможнос объяснить юридически процессъ возникновенія сою наго государства.—Это же положеніе, но только бол открыто, высказываетъ Jellinek. „Возникновеніе госуда ства, говоритъ онъ, невозможно юридически конструир вать, ибо государство, какъ условіе правопорядка, не м жетъ быть объяснено нормою того самого порядка, кот рый получаетъ отъ него свою санкцію“ [2]. Но отказ

[1]) Liebe, Staatsrechtliche Studien, 1880. стр. 18—19.

[2]) Jellinek, Die Lehre von Staatenverbindungen, стр. 262.

ставаясь юридически квалифицировать процессъ происхожденія союзнаго государства, Jellinek не отказывается отъ попытки проникнуть въ историческій смыслъ возникновенія союзныхъ государствъ. По его мнѣнію процессъ образованія подобенъ въ данномъ случаѣ процессу образованія національныхъ государствъ. Для созданія національнаго государства требуется: 1) устраненіе существующаго государственнаго порядка и 2) созданіе новаго порядка вещей. Первое можетъ совершиться посредствомъ насилія, революціи, или же мирнымъ путемъ. Но въ обоихъ случаяхъ возникаетъ новое образованіе, котораго нельзя связать юридически съ прежнимъ порядкомъ. Процессъ организаціи состоитъ въ слѣдующемъ. У націй, у которыхъ старый порядокъ низвергнутъ насильственно и, слѣдовательно, прежнихъ властей не существуетъ, образуются временныя правительства. Эти временныя правительства созываютъ учредительныя собранія, которыя вырабатываютъ конституцію. Послѣдняя становится основнымъ закономъ государства путемъ фактическаго ея примѣненія. Тотъ же процессъ наблюдается въ государствахъ, гдѣ переворотъ совершается мирнымъ путемъ. „Органы, созывающіе въ этомъ случаѣ учредительные конвенты, коммисіи, рейхстаги, занимаютъ въ отношеніи образующагося государства тоже самое положеніе, какъ временныя правительства тѣхъ націй, которыя освободились посредствомъ революціи, но еще юридически не организовались: они представляютъ собою правительство de facto образующагося государства... Созванныя такимъ образомъ со-

бранія имѣютъ значеніе только собранія нотаблей, но не измѣняетъ ихъ характера собраній законодательны ибо, подобно первому правительству и первое предста тельство образующагося государства имѣетъ фактиче существованіе, не поддающееся юридической квалифи ціи". Для вступленія въ жизнь новаго государства буется согласіе государственныхъ властей, продол щихъ de jure существовать. Послѣ устраненія во этихъ препятствій, государство вступаетъ въ жизнь, явивъ себя дѣйствующей властью" [1]).

По моему мнѣнію, между образованіемъ національ простаго и союзнаго государства никакой аналогіи преки Jellinek'у, не замѣчается. Въ первомъ слу рѣчь идетъ о созданіи новаго государства на почвѣ, властей никакихъ не существуетъ. Во второмъ—за состоитъ въ объединеніи существующихъ уже государ въ одно цѣлое; соотвѣтственно этому различенъ и цессъ возникновенія. При образованіи простыхъ на нальныхъ государствъ создаются прежде всего времен правительства, которыя и созываютъ учредительныя бранія. Но новое государство возникаетъ юридически съ момента выработки новой конституціи, какъ это текаетъ изъ разсужденій Jellinek'а, а со дня образова временнаго правительства. Этимъ и объясняется, поч международное право признаетъ иногда такія государства временнымъ правительствомъ [2]). Юридическую природу

[1]) Jellinek, 264, 268—269, 276.

[2]) Иначе Jellinek срав. стр. 271.

ституціи здѣсь не трудно объяснить. Конституція публикуется въ существующемъ уже государствѣ и является закономъ этого послѣдняго. Совершался ли тотъ же самый процессъ при образованіи союзнаго государства?

Въ процессѣ возникновенія союзнаго государства не можетъ быть временного правительства. Здѣсь существуетъ цѣлый рядъ суверенныхъ организованныхъ общежитій и народъ можетъ дѣйствовать только въ этой своей организаціи. Конечно и здѣсь требуется руководитель и въ томъ случаѣ, когда вплоть до возникновенія союзнаго государства существуетъ союзъ государствъ, такимъ руководителемъ будетъ органъ этого союза — какъ конгрессъ въ Сѣв.-Американской Конфедераціи и Tagsatzung въ Швейцаріи. Въ Германіи же, гдѣ союзъ государствъ былъ расторгнутъ и гдѣ государства независимо и самостоятельно стояли другъ подлѣ друга, руководящую роль взяла на себя Пруссія. Органы, созывающіе здѣсь коммиссіи, не играли роли временнаго правительства, они не были „правительствомъ de facto образующагося государства“. Этимъ объясняется, почему въ данномъ случаѣ „образующееся государство не дѣеспособно ни во внутреннихъ, ни во внѣшнихъ сношеніяхъ“. Оно не дѣеспособно, потому что, за отсутствіемъ власти, его еще не существуетъ. Также несправедливымъ кажется мнѣ утвержденіе, что эти „собранія нотаблей“ имѣютъ законодательную власть. Такое утвержденіе противорѣчитъ фактамъ. Въ Америкѣ конституція Соединенныхъ Штатовъ была утверждена не конвенціей, а отдѣльными государ-

ствами. То обстоятельство, что въ данномъ сл
голосовали не обыкновенныя легислатуры, а ad
созванныя конвенціи—ничего не измѣняетъ въ суще
дѣла. Это объясняется республиканскимъ устройст
государствъ и взглядомъ на суверенитетъ, какъ
принадлежность народа. Важно въ данномъ случаѣ
что конституцію приняли отдѣльныя государства, а
венція въ Филадельфіи имѣла исключительно совѣ
тельный характеръ. Въ Германіи учредительный р
стагъ также имѣлъ совѣщательный голосъ и консти
была принята отдѣльными государствами. Такой же с
щательный голосъ имѣла ревизіонная коммиссія въ Ш
царіи. Выработанный ею проектъ былъ принятъ ед
гласно членами т. н. Tagsatzung, а затѣмъ 15½
тоновъ. Объявленіе Tagsatzung о принятіи союзной
ституціи было обязательно, конечно, только для э
принявшихъ конституцію кантоновъ. Другіе не м
быть принуждены ко вступленію, и если вошли въ
ставъ союза, то Блумеръ [1]) справедливо замѣчаетъ,
„die Gunst der Zeit brachte es mit sich, dass
Kantone ohne Ausnahme den Beschlüssen der Tag
zung sich fügten" и т. д. Такимъ образомъ, утвер
ніе Iellinek'a, что „образованіе національнаго госуда
состоитъ въ томъ, что народъ, чувствуя и сознавая
единымъ, выражаетъ это единство въ организаціи
въ государство"—не примѣнимо въ строгомъ смыслѣ э
слова въ образованію союзныхъ государствъ, которыя

[1]) Handbuch des schweizerischen Bundesstaatsrechts, стр.

даются не народомъ непосредственно [1]), а государствами, эжду которыми онъ распредѣленъ.

Въ новѣйшее время была сдѣлана еще одна попытка ридически обосновать происхожденіе Сѣверо-Германскаго оюза, именно со стороны проф. Биндинга. Съ свойствен-ой ему тщательностью, прослѣдилъ онъ и подробно ра-обралъ каждый моментъ въ той цѣпи событій, которыя, ачинаясь договоромъ 18 августа 1866 г., привели къ зданію Сѣверо-Германской союзной конституціи. Бин-ингъ указываетъ на нѣкоторые формальные промахи, опущенные при выработкѣ конституціи, какъ, напр., на ущеніе ея публикаціи и др., при отсутствіи которыхъ стинный характеръ происшествія не подлежалъ бы ника-ому сомнѣнію. Но какъ бы то ни было: „Если вопреки ѣкоторымъ ошибкамъ образованіе союза 1867 г. уда-ось, то, слѣдовательно, употребленныя средства были игодны, а препятствія слишкомъ слабы, чтобы пара-изовать ихъ силу“ [2]). По мнѣнію Биндинга, созданіе онституціоннаго государства представляетъ собою два ста: 1) выработку конституціи и 2) ея примѣненіе. Оба ста были предприняты въ 1867 году одними и тѣми э соучастниками (Mitthätern)—22 сѣверо-германскими равительствами и единымъ сѣверо-германскимъ наро-омъ“ [3]). „Годность акта образованія, замѣчаетъ Биндингъ

---

[1]) См. также Borel, Sur la souveraineté et l'etat fédératif. 1886.

[2]) K. Binding. Die Gründung des Norddeutsch. Bundes, 1889, p. 65.

[3]) Ibid.

далѣе,—можетъ только на томъ основываться, что онъ с держалъ въ себѣ факторы, которые являются законо тельными и въ предѣлахъ правовой жизни“ [1]). „Е сѣверо-германскія правительства и сѣверо-германскій н родъ и не имѣли субъективнаго права на выработку ко ституціи, то они обладали необходимою для этого с собностью. Новое общежитіе имѣло цѣлью создать пра вое отношеніе между обоими этими факторами и тол между ними“ [2]). „Соотвѣтствующей для осуществле этой способности формой было образованіе общей во которой всѣ они—и правительства и народъ—готовы он подчиниться—это было такъ называемое *соглашеніе*“ Соглашеніе есть сліяніе различныхъ, но по содержа одинаковыхъ воль. Оно представляетъ собою единст ное средство для образованія общей воли. Разсматри мое, какъ основаніе для исполненія извѣстныхъ дѣйст оно или обязываетъ всѣхъ къ общему дѣйствію, или обязываетъ, или управомочиваетъ одну часть согла шихся дѣйствовать именемъ всѣхъ частей“ [4]).

Такимъ образомъ, по Биндингу, основаніемъ союз конституціи служитъ „соглашеніе“, которое онъ прот поставляетъ договору и употребляетъ его, слѣдовател въ техническомъ смыслѣ. Но если задача научнаго изс дованія заключается въ подведеніи отдѣльныхъ явл

---

1) Ibid. стр. 68.

2) Ibid.

3) Ibid., стр. 69.

4) Binding, стр. 70.

подъ общія категоріи, то Биндингъ не рѣшилъ ее, ибо для единичнаго факта онъ установляетъ особое понятіе. Предусматривая, повидимому, это возраженіе, Биндингъ указываетъ на цѣлый рядъ еще неизслѣдованныхъ фактовъ, которые подлежатъ той-же, имъ установленной категоріи. „Мы имѣемъ дѣло съ соглашеніемъ во всѣхъ случаяхъ, когда судъ постановляетъ приговоръ, палата принимаетъ рѣшеніе, когда правительство поступаетъ согласно волѣ парламента, когда участники права распоряженія, или законодательной власти установляютъ сообща правоположеніе“. Но смыслъ предпринимаемыхъ этими лицами дѣйствій вовсе не вяжется съ тѣмъ значеніемъ, какое, какъ мы видѣли выше, Биндингъ приписываетъ „соглашенію“. Къ какому, напр., дѣйствію обязывается судъ, когда онъ постановляетъ приговоръ? Не вѣрнѣе ли было бы полагать, что приговоромъ онъ обязываетъ третье лицо и не столько потому, чтобы это вытекало изъ самаго характера приговора, какъ „соглашенія“, сколько въ силу значенія, связываемаго съ нимъ государствомъ. Примѣры соглашенія оказываются такимъ образомъ неудачными и рѣшительно не объясняютъ ни смысла соглашенія, ни необходимости установленія этого понятія наряду съ понятіемъ договора. Примѣняя этотъ терминъ къ образованію союзнаго государства, мы рѣшительно ничего этимъ не говоримъ. Мы не можемъ также согласиться съ Биндингомъ, когда онъ утверждаетъ, что новое общежитіе представляетъ собою правовое отношеніе между народомъ, какъ цѣлымъ и властью. Государство, а тѣмъ болѣе союзное, не есть

юридическое отношеніе между народомъ, какъ цѣлым
властью. Народъ въ цѣломъ не есть субъектъ правъ
отношеніи власти. Юридически ихъ нельзя даже п
тивопоставить другъ другу, ибо только благод
власти народъ становится организованнымъ общежитіе
личностью, государствомъ. „Конституція, говоритъ Б
дингъ, стала обязательной для участниковъ соглаше
со дня ея окончательной выработки. Творцы ея обязал
содѣйствовать въ назначенный день примѣненію э
закона“. Къ какому же „содѣйствію“ былъ обязанъ
родъ, какъ факторъ соглашенія, если, какъ утвержда
авторъ, это соглашеніе представляетъ собою „противо
ложность договору подчиненія между будущею влас
и будущими подданными?“ [1]).

IV. Мнѣ кажется, что главная причина разнорѣч
существующихъ въ литературѣ по вопросу о возникно
ніи союзнаго государства, заключается въ неопредѣле
ности смысла, какой придаютъ слову конституція и
неопредѣленности момента, который въ длинномъ п
цессѣ образованія союзнаго государства является ед
ственно существеннымъ съ формальной, правовой точ
зрѣнія. Одинъ изъ талантливѣйшихъ публицистовъ н
шего времени, уже цитированный нами Iellinek, ко
рый тщательно изслѣдовалъ вопросъ объ основаніи со
наго государства, опредѣляетъ конституцію какъ по
докъ (Ordnung). „Образованіе національнаго госуд
ства, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что установляе

¹) Binding, стр. 71.

порядокъ, соотвѣтственно которому отправляются функціи общежитія; что установляются органы, благодаря которымъ нація, существовавшая до сихъ поръ какъ естественный фактъ, пріобрѣтаетъ правовую форму, т. е. получаетъ дѣе - и волеспособность. Такой порядокъ называется конституціей" [1]). Это опредѣленіе страдаетъ неточностью. Подъ него подойдетъ не только конституція, но все законодательство вѣками существующаго государства. О какихъ функціяхъ общежитія говоритъ авторъ? Только о законодательствѣ, или также объ освѣщеніи улицъ и водоснабженіи городовъ, что тоже составляетъ функцію общежитія. О какихъ органахъ? Объ всей массѣ чиновничества, или только о высшихъ органахъ управленія? Давъ свое опредѣленіе, Iellinek продолжаетъ: „Актъ образованія государства совпадаетъ поэтому съ актомъ созданія конституціи". Мы видѣли, что, по мнѣнію проф. Биндинга, основаніе государства складывается изъ двухъ раздѣльныхъ актовъ—выработки конституціи и ея примѣненія. Чтобы разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ, нужно, какъ мы говорили, опредѣлить, существенный съ правовой точки зрѣнія моментъ въ образованіи союзнаго государства. Но прежде всего нужно имѣть въ виду, что рѣчь идетъ о созданіи общежитія, имѣющаго характеръ государства и, слѣдовательно, не могущаго возникнуть такими способами, которые непригодны для созданія государства вообще. Далѣе государство и, слѣдовательно, союзное государство представляетъ собою

[1]) Iellinek, Staatenverbindungen, стр. 265.

человѣческое общежитіе, организованное посредством власти. Для возникновенія государства требуется налич ность трехъ условій: населенія, территоріи и власти. Оче видно, что первыя два условія не могутъ быть создан по произволу и должны быть даны природой и человѣ ческой исторіей. Вновь созданной должна быть тольк власть. Это утвержденіе сохраняетъ свое значеніе и дл тѣхъ случаевъ, когда государство создается грубыми спо собами насилія: завоеванія, присоединенія и т. д. И здѣсь какъ и въ государствахъ, возникшихъ на глазахъ жи вущихъ еще поколѣній, единственно существеннымъ мо ментомъ въ образованіи государства является объединені массы населенія при помощи власти въ одно общежиті которое становится съ этого момента организованнымъ развивается въ болѣе и болѣе тѣсный союзъ, благодар совершенствованію его политическихъ учрежденій, объеди няемыхъ понятіемъ государственной власти. Такимъ обра зомъ, если вслѣдствіе длиннаго историческаго процесс связи между различными народностями, разчлененным въ нѣсколько государствъ, до того упрочатся, что он захотятъ стереть границы своихъ общежитій и образоват единое государство, или же вздумаютъ, сохраняя сво государственную организацію, создать высшую форм общежитія, которая въ свою очередь будетъ государством и въ которую онѣ войдутъ, какъ равноправные член то въ обоихъ случаяхъ эти народности могутъ достигнут своей цѣли единственно путемъ образованія надъ собо высшей власти, которая объединитъ ихъ въ одно обще

житіе. Созданіе союзнаго, какъ и простого, государства сводится такимъ образомъ къ созданію власти. Только власть является съ юридической точки зрѣнія тѣмъ звѣномъ, которое соединяетъ разрозненную массу въ одно государственное цѣлое. Поэтому неточно и неопредѣленно утвержденіе, что созданіе государства есть установленіе порядка. Весь внутренній порядокъ государства исходитъ отъ существующей уже власти и никакой внѣшней силой не можетъ быть установленъ для сувереннаго государства. Только власть можетъ быть установлена и съ ея установленіемъ оканчивается процессъ образованія государства. Внутренній порядокъ общежитія развивается только постепенно и нигдѣ не начинаетъ государство своей жизни со всесторонне регулированными внутренними отношеніями. Это такъ же вѣрно относительно государствъ съ мало развитою культурой, какъ и относительно современныхъ государственныхъ образованій [1]). Разница заключается только въ томъ, что недостатокъ въ регулированіи различныхъ отношеній не чувствуется, въ первыхъ, благодаря мало развитой общественной жизни, а во второмъ случаѣ возмѣщается тѣми нормами, какія дѣйствовали въ прежде самостоятельныхъ частяхъ даннаго общежитія.

Но какимъ же образомъ можетъ быть создана власть тамъ, гдѣ существуетъ множество суверенныхъ властей? Надъ суверенными властями такъ же не можетъ возвыситься суверенной власти, какъ на одномъ и томъ же пространствѣ не

[1]) Германская Имперія, какъ извѣстно, до сихъ поръ еще не имѣетъ общаго гражданскаго кодекса.

могутъ помѣститься два тѣла. Центральная власть можетъ быть создана только отдѣльными государствами; каждое изъ этихъ послѣднихъ и притомъ за свой счетъ можетъ перенести принадлежащее ему свойство суверенитета на будущаго субъекта центральной власти, ибо только каждое государство можетъ другое лицо признать высшею надъ собою властью. Моментъ возникновенія союзнаго государства есть моментъ объединенія ихъ центральною властью. Только эта центральная власть можетъ создать изъ совокупности независимыхъ другъ отъ друга государствъ одно общежитіе, одно государственное цѣлое. И только эта центральная власть можетъ сообщить пруссакамъ, баварцамъ, саксонцамъ свойство общегерманскихъ гражданъ [1]). Созданіе государства состоитъ такимъ образомъ въ томъ, что делегаты отдѣльныхъ государствъ вырабатываютъ конституцію; они опредѣляютъ субъекта власти. Но рѣшающій голосъ принадлежитъ отдѣльному государству. Отдѣльное государство можетъ перенести свой суверенитетъ на этого опредѣленнаго въ конституціи субъекта власти. И если всѣ государства перенесутъ свой суверенитетъ на одного и того же субъекта, то этотъ послѣдній становится центральною властью и въ этомъ случаѣ возникаетъ союзное государство. Само собою разумѣется, что отдѣльное государство стоитъ передъ альтернативой:

---

[1]) Срав. Jellinek: «Rhode Island und New-Jork konnten aus dem Rhode Isländern und New-Iorkern keine Americaner machen, ebenso wie das deutsche Volk keine Schöpfung des preussischen bayrischen, sächsischen Staatswillens ist», стр. 256.

перенести власть на даннаго субъекта, или не перенести. Произвести измѣненія въ его организаціи оно не можетъ такъ-же точно, какъ не можетъ ставить съ своей стороны условій. Конституція можетъ быть принята или отвергнута—но не измѣнена. И въ самомъ дѣлѣ повсюду конституціи были приняты цѣликомъ. Только при совпаденіи перенесенныхъ суверенитетовъ въ одномъ субъектѣ, можетъ возникнуть союзное государство. Но разъ государство возникло, оно становится властелиномъ своей организаціи. Оно можетъ ее оставить, но можетъ и измѣнить. Если оно ее оставитъ, то публикація этой конституціи можетъ послѣдовать только заднимъ числомъ и имѣетъ значеніе декляраціи существующаго факта. Эта декларація имѣетъ силу закона: всѣ конституціи всѣхъ союзныхъ государствъ дѣйствуетъ какъ законъ. Если форма закона можетъ быть примѣняема для всякаго изъявленія воли государства и если такимъ образомъ трудно указать предметы, для которыхъ не требуется формы закона, то есть вещи, которыя положительно могутъ быть только предметомъ законодательной дѣятельности государства. Сюда относятся нормы, опредѣляющія государственное устройство. Объективируясь въ видѣ акта воли государства, конституція можетъ принять только форму закона. Союзная конституція есть законъ,—законъ потому, что она не можетъ быть ни договоромъ, ни административнымъ распоряженіемъ. Обязательная сила ея коренится въ суверенной власти союзнаго государства.

Изложенныя соображенія вполнѣ соотвѣтствуютъ ходу

событій, имѣвшему мѣсто во всѣхъ союзныхъ государствахъ нашего времени. Въ Америкѣ конгрессъ предложилъ отдѣльнымъ государствамъ прислать делегатовъ въ Филадельфію „съ цѣлью пересмотра конфедераціонныхъ статей“. Собравшаяся 14 мая 1787 года въ Филадельфіи конвенція, въ которой были представлены всѣ государства, кромѣ Rhode-Island, отступила однако отъ первоначально предполагавшейся ревизіи конфедераціонныхъ статей, такъ какъ нашла нужнымъ „предпринять радикальное лѣченіе“. Послѣднее состояло въ установленіи законодательной, административной и судебной власти [1]). Конвенція предложила свой проектъ отдѣльнымъ государствамъ на утвержденіе. Въ каждомъ государствѣ была избрана для этой спеціальной цѣли особая конвенція, такъ какъ въ республикѣ народъ есть единственный источникъ всякой власти [2]). Въ соотвѣтствіи съ этимъ началомъ, согласно которому каждое государство голосуетъ за себя, въ проектѣ конституціи было постановлено, что если за конституцію выскажется 9 государствъ, то она будетъ дѣйствовать въ этихъ послѣднихъ, а остальныя 4 останутся внѣ ея дѣйствія [3]). Не смотря на то, что Rhode-Island и North Carolina не приняли еще конституціи, союзныя власти стали дѣйствовать 4 марта 1789 г. Мы видимъ такимъ образомъ, что въ процессѣ

---

[1]) Holst, Das Staatsrecht der Vereinigten Staaten von Amerika y Marquardsen'a, стр. 10, 13.

[2]) Holst, стр. 17.

[3]) Holst, стр. 14, 16.

возникновенія Сѣверо-Американскаго союза рѣшающая роль принадлежала отдѣльнымъ государствамъ. Они перенесли свой суверенитетъ на центральную власть союза, они создали эту послѣднюю.

Въ Швейцаріи ходъ событій представляется идентичнымъ. 17 февраля 1848 года, въ Бернѣ, собралась ревизіонная коммиссія, въ которой были представлены всѣ кантоны за исключеніемъ двухъ. Затѣмъ проектъ перешелъ въ т. н. Tagsatzung, гдѣ послы голосовали по даннымъ имъ отдѣльными государствами инструкціямъ. Въ окончательномъ голосованіи 13½ кантоновъ высказались за принятіе проекта, при условіи, что онъ будетъ ратификованъ въ кантонахъ органами, предусмотрѣнными мѣстными конституціями [1]. Другимъ кантонамъ данъ былъ срокъ до 1 сентября, въ теченіи котораго они должны были высказаться. Но еще 4-го августа всѣ они высказались за принятіе конституціи. 5-го августа началось народное голосованіе. 4-го сентября собралась Tagsatzung и констатировала, что союзная конституція принята 15½ кантонами. Такъ какъ въ числѣ принявшихъ конституцію кантоновъ находились столь населенные кантоны, какъ Бернъ, Цюрихъ, Waadt [2]), то конституція оказалась принятой и большинствомъ населенія Швейцаріи. Tagsatzung объявила конституцію принятой. Естественно, что это объявленіе было обязательно только для 15½ кан-

[1]) Blumer, Handbuch des schweizerischen Bundesstaatsrechts I, стр. 135.

[2]) Orelli, Das Staatsrecht des Schweiz. Eidgenossenschaft, у Marquardsen'a, стр. 22.

тоновъ. Но остальные кантоны добровольно раздумали и также предприняли выборы въ національный совѣтъ. Еслибы они не подчинились, то неизвѣстно, что могли бы съ ними сдѣлать $15^1/_2$ кантоновъ, принявшихъ конституцію. Но съ точки зрѣнія права конституція могла бы дѣйствовать только въ $15^1/_2$ кантонахъ точно такъ какъ согласно предположенію конвенціи конституція Сѣв.-Ам. Соединенныхъ Штатовъ дѣйствовала бы въ 9 штатахъ, если бы другіе не присоединились къ ней. Мы видимъ такимъ образомъ, что въ Швейцаріи, какъ и въ Америкѣ, рѣшающій голосъ принадлежалъ отдѣльнымъ государствамъ, создавшимъ центральную власть. Голосовалъ ли народъ непосредственно, или посредствомъ своихъ законодательныхъ собраній — это не измѣняетъ существа дѣла. Въ кантонахъ, гдѣ мѣстная конституція народнаго голосованія не требовала, голосовалъ Большой Совѣтъ. Такъ случилось въ Фрейбургѣ [1]). Но въ томъ и другомъ случаѣ народъ явился органомъ своего государства. Союзная конституція была принята отдѣльными государствами.

Нѣсколько въ иныхъ условіяхъ находились сѣверо-германскія государства передъ ихъ объединеніемъ. Въ то время, какъ Сѣверо-Американскіе Штаты и швейцарскіе кантоны представляли собою до дня возникновенія союзнаго государства союзъ государствъ, сѣверо-германскія государства стояли разрозненными другъ подлѣ друга, не имѣя никакихъ общихъ учрежденій [2]). Американскій кон-

[1]) Blumer, стр. 136.

[2]) См. выше, стр. 52.

грессъ и швейцарская Tagsatzung были тѣмъ органомъ, который взялъ на себя внѣшнее руководство дѣломъ объединенія, предоставивъ активную роль отдѣльнымъ государствамъ. За недостаткомъ такого органа у сѣверо-германскихъ государствъ, руководящую роль должно было взять на себя одно изъ этихъ государствъ. Такимъ государствомъ была Пруссія. По ея иниціативѣ, былъ заключенъ договоръ 18-го августа 1866 г. Этимъ договоромъ союзники обязались предпринять рядъ дѣйствій, который долженъ былъ привести къ объединенію. Договоръ этотъ не создалъ союзнаго государства; но содержаніемъ этого договора были дѣйствія, направленныя къ образованію союзнаго государства. Согласно заключенному договору, каждое изъ государствъ издало у себя избирательный законъ 1849 года, при чемъ будущему рейхстагу былъ, какъ мы видѣли, предоставленъ совѣщательный голосъ. Выработанный рейхстагомъ и правительствами проектъ былъ представленъ на утвержденіе отдѣльныхъ сеймовъ. Мы уже говорили о томъ, какое значеніе имѣетъ такое принятіе союзной конституціи отдѣльнымъ государствомъ. Остается еще прибавить, что перенесеніе суверенитета на центральную власть, отказъ отъ него со стороны конституціоннаго государства можетъ воспослѣдовать только съ согласія всѣхъ факторовъ, принимающихъ участіе въ выраженіи воли государства, ибо, какъ это будетъ показано ниже, суверенитетъ принадлежитъ государству, какъ цѣлому, а не тому или другому изъ его органовъ. Въ данномъ случаѣ отдѣльныя правительства выразили свое

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Суверенныя и несуверенныя государства.

I. Прежде чѣмъ перейти къ изслѣдованію юридическаго характера союзнаго государства, какъ онъ выразился въ трудахъ современныхъ публицистовъ Германіи, мы должны остановиться на анализѣ понятія суверенитета, которое является краеугольнымъ камнемъ не только въ ученіи о союзномъ государствѣ, но и въ теоріи союзовъ государствъ вообще. Большинство прежнихъ писателей государственнаго и международнаго права считали суверенитетъ неотъемлемымъ свойствомъ и отличительнымъ признакомъ государства [1]). Съ этой точки зрѣнія возможны были только такіе союзы государствъ, которые носили международный характеръ,

[1]) Насколько мнѣ извѣстно, это воззрѣніе господствуетъ и въ русской наукѣ государственнаго права. И. Андреевскій, Русск. госуд. пр. I, 1866, стр. 34, 128. Въ новѣйшее время въ этомъ смыслѣ высказался В. В. Сокольскій, Кр. учеб. русск. госуд. пр., 1890, стр. 12. Проф. Мартенсъ, Совр. межд. пр., I, 1887, стр. 285, считаетъ суверенитетъ необходимымъ условіемъ международной личности государства.

ибо посредствомъ подчиненія одного государства друго
первое потеряло бы суверенитетъ и съ нимъ вмѣс
характеръ государства. Но явленія дѣйствительной жиз
опровергаютъ эту теорію, которая основана на несов
шенной индукціи, на изслѣдованіи одной только фор
простого государства. Между тѣмъ исторія и совреме
ность представляютъ примѣры такихъ политически
образованій, которыя съ одной стороны не могутъ б
признаны суверенными, а съ другой стороны облада
признаками, свойственными государству и отличающи
ихъ отъ корпорацій, ему подчиненныхъ. Вкоренивше
словоупотребленіе сохраняетъ за такими несуверенны
общежитіями, какими являются государства вассалы
и члены союзнаго государства, названіе государствъ. В
конецъ, международное право, которое не имѣетъ д
ни съ колоніями, ни съ провинціями и ни съ как
другими общежитіями, кромѣ государства, признаетъ
несуверенными государствами свойства субъектовъ меж
народнаго права. Но не только государства старой и
вой Германской Имперіи, которыя сохранили за со
право посольства и право заключенія договоровъ, являю
субъектами международнаго права; свое международ
существованіе не потеряли и тѣ несуверенныя госуд
ства, которыя, какъ напримѣръ, члены Сѣверо-Аме
канскаго Союза, не проявляютъ своей дѣятельности
внѣшнихъ отношеніяхъ. Это свойство государства ска
вается въ членахъ союза въ случаѣ нарушенія ими со
ной конституціи, ибо несуверенное государство являе

ъ данномъ случаѣ субъектомъ нарушенія. Противоправныя дѣйствія тѣхъ, кто является носителемъ государвенной власти, не суть исключительно ихъ дѣйствія, вмѣняются государству, какъ лицу. Если правительво какого-либо государства не соблюдаетъ экстерриторіальныхъ правъ иностраннаго посла, или злоумышленно рушаетъ договоръ, то это государство, какъ нарушившее международное право, должно дать удовлетвореніе иженному государству. Международныя средства прижденія—реторсія, репрессія, война—обращаются на госурство, какъ на лицо, отличное отъ его гражданъ. То-же мое имѣетъ мѣсто въ случаѣ, когда члены союзнаго сударства дѣйствуютъ противъ союза. Германская конитуція установила имперскую экзекуцію, какъ средство, правляемое не противъ отдѣльныхъ гражданъ даннаго сударства, а обрушивающееся какъ на виновныхъ, такъ на невиновыхъ [1]). Такого принудительнаго средства въ ношеніи членовъ союза не установила конституція веро-Американскихъ Штатовъ, ибо составители ея итали достаточнымъ залогомъ прочности союза возможость воздѣйствія центральной власти на отдѣльныхъ аждань. Между тѣмъ гражданская война обнаружила утинный характеръ отношеній и несостоятельность теоріи, ласно которой союзъ имѣетъ дѣло съ отдѣльными жданами, а не съ государствами. По окончаніи войны вѣтственными явились не отдѣльные граждане, а государства. Впослѣдствіи изданные законы говорили о „rebel

[1]) Ст. 19.

Staates" и установили условія, при наличности котор
эти государства опять допускались къ представител
въ конгрессѣ. Союзъ не уменьшилъ правъ отдѣль
лицъ—наоборотъ, онъ далъ, напр.. амнистію презид
конфедераціи,—но онъ уменьшилъ права государст
Будучи, такимъ образомъ, субъектами вмѣняемыхъ пр
нарушеній и являясь субъектами международнаго пра
несуверенныя государства сохраняютъ за собой харак
и существенныя свойства государствъ, ибо политич
общежитіе, признанное въ его международныхъ отношен
съ другими независимыми общежитіями государством
можетъ лишиться этого свойства, когда мы разсма
ваемъ его изолированнымъ; оно не можетъ быть во в
нихъ отношеніяхъ государствомъ, а во внутреннихъ об
нымъ союзомъ. Международная правоспособность есть с
томъ свойства государства и международное приз
даетъ основаніе заключить о наличности такого свойст

Но если дѣйствительность представляетъ обр
общежитій, за которыми нельзя признать свойства
реннаго, но которымъ нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ отк
въ наличности необходимыхъ признаковъ государст
то гдѣ лежитъ черта различія между суверенными и
суверенными государствами, иначе говоря, что пред
ляетъ собой суверенитетъ, и какому изъ данныхъ
зованій международнаго или государственнаго п
мы должны приписать это свойство? Со времени

---

¹) Iellinek, 49—51.

²) Laband, Staatsrecht, 1888, I, 69.

дена (Jean Bodin: De la republique, 1576) понятіе суверенитета вошло въ употребленіе изслѣдователей государства; но ни одно изъ понятій публичнаго права не нуждается въ большей степени въ ясной формулировкѣ и прежде всего въ освобожденіи отъ окутывающихъ его наслоеній декламаціи и фразы, какъ существо и признаніе суверенитета. О путаницѣ, господствующей на этотъ счетъ въ литературѣ, могутъ дать нѣкоторое представленіе многочисленные и противорѣчивые взгляды, которые высказывались о природѣ однихъ и тѣхъ же общежитій. Такъ, напримѣръ, по воззрѣнію однихъ, отдѣльные Штаты Сѣверо-Американскаго союза суверенны вопреки своей зависимости; по мнѣнію другихъ, — штаты несуверенны въ области международныхъ отношеній, но сохраняютъ суверенитетъ въ сферѣ отношеній государственнаго права; третьи полагаютъ, что штаты суверенитетъ потеряли; четвертые, что суверенитетъ раздѣленъ между союзомъ и отдѣльными государствами; наконецъ, по мнѣнію пятыхъ, штаты являются единственными носителями суверенитета, между тѣмъ какъ центральная власть союза делегирована ему отдѣльными государствами. Такую же неясность относительно сущности и принадлежности суверенитета представляютъ собой воззрѣнія, высказанныя по поводу отношеній протектората. По взгляду однихъ, государства, находящіяся подъ протекторатомъ, суть государства суверенныя; по мнѣнію другихъ — полусуверенныя; между тѣмъ, какъ третьи ставятъ разрѣшеніе этого вопроса въ зависимость отъ индивидуальныхъ особенностей

каждаго даннаго случая. Приведенные примѣры рѣчиваго примѣненія понятія суверенитета съ достат ясностью указываютъ на необходимость пересмотра ученія.

II. Обращаясь къ главнѣйшимъ опредѣленіямъ по суверенитета, которыя давались въ литературѣ, мы в чаемся прежде всего съ элементарной теоріей, по у которой суверенитетъ представляется суммой отдѣль правомочій государства, безъ всякой внутренней связ между собой. Онъ слагается, такимъ образомъ, изъ п войны и мира, права посольства, заключенія догов и т. д. Приверженцы этой теоріи совершенно упус изъ виду, что съ правовой точки зрѣнія вполнѣ можно обязаться не осуществлять извѣстнаго пра тѣмъ не менѣе, не терять его. Съ другой стороны можно и то, что обладатель правъ, образующихъ ренитетъ, переноситъ ихъ на другое лицо, которо становится, тѣмъ не менѣе, суверѣннымъ. Остъин компанія обладала правомъ войны и мира и все- не была суверенной. Вицекороль Индіи имѣетъ отправлять и принимать пословъ, а Индія, между т не только несуверенна, но не является даже госу ствомъ, хотя бы и зависимымъ. Механическое опредѣ суверенитета, какъ суммы верховныхъ правъ, явл такимъ образомъ и теоретически и практически стоятельнымъ [1]).

Неосновательно, далѣе, требованіе, чтобы государ

[1]) Iellinek, 20.

считающееся суверённымъ, обладало не только правовымъ, но извѣстнымъ количествомъ фактическаго суверенитета. Основной принципъ международнаго права—это признаніе равенства государствъ внѣ зависимости ихъ отъ величины и политическаго вліянія [1]). Если для международнаго существованія государства требовать не только правоваго, но и фактическаго проявленія его, какъ силы, то этимъ самымъ уничтожается всякій вѣрный масштабъ для установленія суверенитета, ибо можетъ случиться, что и могущественная держава не будетъ фактически независима отъ другихъ государствъ. Суверенитетъ государства съ юридической точки зрѣнія не есть количественно измѣряемый фактъ, а правовое послѣдствіе существованія государства, и зависитъ только отъ того, что, господствуя надъ территоріей и живущими на ней людьми, это государство признается другими державами равноправнымъ съ ними членомъ. Съ юридической точки зрѣнія совершенно безразлично, какими средствами обладаетъ государство, чтобы обезпечить себѣ силу, подобно тому, какъ для права во всѣхъ его областяхъ безразлично, въ какой степени фактически осуществляется дарованная, или признанная имъ возможность.

Утверждаютъ затѣмъ, что подъ словомъ суверенитетъ слѣдуетъ понимать двѣ различныя вещи: свойство государства, какъ высшей и свойство его, какъ независимой власти. Эти понятія другъ друга дополняютъ и одно безъ другого совершенно немыслимо.

[1]) Мартенсъ, 287.

Въ самомъ дѣлѣ, еслибы высшая власть зависѣла от
другой, то она не была-бы высшей даже для тѣхъ, к
ей подчиненъ непосредственно, ибо при посредствѣ го
подствующей надъ послѣдними власти они были-бы под
чинены еще высшей власти. Также мало различія пред
ставляетъ собой понятіе неограниченности, которымъ пы
тались опредѣлить суверенитетъ во внутреннихъ отноше
ніяхъ, и независимости въ отношеніяхъ международных
ибо зависимая неограниченность была-бы contradictio i
adjecto. Неограниченное государство не зависитъ ни от
какой другой воли, кромѣ своей собственной, и наобо
ротъ, понятіе независимости, заключаетъ въ себѣ поня
тіе высшей власти, ибо независимымъ является имен
тотъ, кто не имѣетъ надъ собой высшаго. Даже заклю
чивъ договоръ, государство подчиняется своей собствен
ной волѣ; обезпечивая другимъ извѣстная права, он
само себя связываетъ, подобно тому какъ и всѣ между
народныя ограниченія государственной воли имѣютъ н
столько значеніе, поскольку этого хочетъ государство,
только потому, что оно этого хочетъ. Внутренній и внѣш
ній суверенитетъ не суть такимъ образомъ два различ
ные суверенитета. Всякое государство, обладающее выс
шей властью, во внутреннихъ отношеніяхъ является вслѣд
ствіе этого независимымъ и во внѣшнихъ. Гдѣ сущ
ствуетъ на первый взглядъ только внѣшній суверенитет
безъ внутренняго—какъ это утверждаютъ относительн
союза государствъ—тамъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ самосто
тельной власти, а имѣется только извѣстное количеств

власти, делегированной нѣсколькими государствами ихъ общему органу. Съ другой стороны политическому образованію, которое лишено внѣшняго суверенитета, слѣдуетъ отказать и во внутреннемъ.

Еще болѣе ошибочно воззрѣніе, которое отдѣляетъ свойство суверенитета отъ государства и переноситъ его на одинъ изъ элементовъ послѣдняго — на народъ [1]), на монарха или на какой-либо этическій или религіозный принципъ. Это воззрѣніе совершенно игнорируетъ существо и характеръ государства, которое дѣйствуетъ только при посредствѣ своихъ органовъ и только при ихъ посредствѣ проявляетъ свое существованіе. Дѣйствія органовъ государства являются дѣйствіями самого государства. Въ конкретномъ случаѣ, могутъ, конечно, возникнуть разногласія въ дѣйствіяхъ государства и его органовъ, но только тогда, когда эти органы преступаютъ правовыя границы своей дѣятельности, оставляютъ предназначенное имъ мѣсто въ государствѣ и противопоставляютъ себя, какъ самостоятельную силу государству. Но въ этомъ случаѣ они перестаютъ быть органами государства, и ихъ дѣйствія не суть дѣйствія государства. До тѣхъ-же поръ, пока органы государства не выходятъ изъ предѣловъ своей роли, су-

[1]) Въ нѣмецкой литературѣ не имѣется полной исторіи ученія о суверенитетѣ. Интересныя свѣдѣнія относительно теоріи суверенитета у писателей школы естественнаго права находятся въ сочиненіи Gierke, Johannes Althusins 1879. Drittes Kapitel. Die Lehre von der Volkssuveränität S. 123—210.

веренитетъ государства и суверенитетъ его органовъ совпадаютъ. Всякій суверенитетъ есть такимъ образомъ суверенитетъ государства и принадлежитъ извѣстнымъ органамъ. Эти послѣдніе могутъ измѣняться, какъ можетъ измѣняться ихъ организація. Но ни перемѣны въ личномъ составѣ, ни различіе въ устройствѣ органовъ не измѣняютъ существа суверенитета [1]).

Нельзя утверждать, что суверенитетъ представляетъ собой единство государственныхъ силъ или единство верховныхъ правъ, какъ это дѣлаетъ Zorn [2]), ибо это опредѣленіе смѣшиваетъ слѣдствіе съ причиной. Всѣ выраженія воли государства должны свидѣтельствовать о единомъ и нераздѣльномъ субъектѣ именно потому, что оно есть лицо или организмъ. Единство слѣдуетъ такимъ образомъ изъ существа суверіннаго государства, но суверенитетъ не представляетъ собой этого единства. Собственность, какъ она выразилась въ ученіи римскаго права, можетъ быть опредѣлена какъ единство всѣхъ правъ, принадлежащихъ личности надъ вещью. Но это единство вытекаетъ изъ существа собственности, какъ абсолютной власти надъ вещью. Только это опредѣленіе разъясняетъ намъ юридическое содержаніе собственности, между тѣмъ какъ единство является однимъ только признакомъ, выведеннымъ изъ понятія собственности.

Болѣе ясное опредѣленіе понятія суверенитета даетъ профессоръ Haenel; онъ усматриваетъ его въ правѣ госу-

[1]) Iellinek, 26.

[2]) Das Staatsrecht des deutschen Reiches. 1880, стр. 46.

дарства распоряжаться своей компетенціей. Если существенная задача государства, обусловливающая собой все остальное, заключается въ установленіи права, то нѣтъ такого лица въ государствѣ, компетенція котораго не опиралась бы на признаніе со стороны государства [1]). Никто не въ правѣ расширять предѣлы своей компетенціи—это положеніе сохраняетъ свою силу относительно всѣхъ лицъ въ государствѣ, но не распространяется на само государство. Въ силу своей нравственной природы, государство опредѣляетъ свою собственную идею. Этой же нравственной природѣ, которая выражается въ верховной власти надъ человѣческимъ общежитіемъ, соотвѣтствуетъ право опредѣленія своей собственной компетенціи [2]). Въ этомъ правѣ опредѣленія своей собственной компетенціи и заключается, по Haenel'ю, существо суверенитета [3]).

Теорія Генеля основывается такимъ образомъ на томъ соображеніи, что въ предѣлахъ государства никакая корпорація и никто изъ индивидовъ не можетъ самостоятельно установить своей компетенціи; эта послѣдняя опредѣляется высшей властью, государствомъ, которое устанавливаетъ и предѣлы своего собственнаго вѣдомства. Но такой взглядъ является одностороннимъ. Въ области внѣшнихъ сношеній государство хотя и свободно опредѣляетъ свою компетенцію, но разъ ограничивъ себя, мо-

[1]) Albert Haenel, Studien zum deutschen Staarsrechte, Leipzig, 1873, стр. 147.

[2]) Ibid., стр. 148.

[3]) Ibidem, стр. 149.

жетъ освободиться отъ принятыхъ на себя обязанностей только при наличности правовыхъ основаній. Государство компетентно и свободно, когда оно заключаетъ договоръ; оно несвободно, и некомпетентно, разъ договоръ заключенъ. Означать суверенитетъ властью надъ своей собственной компетенціей—значитъ игнорировать международное право. Кромѣ того, теорію Генеля опровергаютъ и конкретныя образованія международнаго и государственнаго права. Сюзеренъ въ такой же степени не можетъ расширить своей компетенціи надъ вассаломъ, въ какой послѣдній не имѣетъ права самостоятельно измѣнить предѣлы своего вѣдомства. Еслибы власть надъ своей компетенціей составляла существо суверенитета, то для Болгаріи не существовало бы никакой суверенной власти, ибо этимъ свойствомъ не обладаютъ ни Порта, ни Болгарія, ни какая-либо третья держава. Въ силу договора, заключеннаго великими державами, Іонійскіе острова находились въ періодъ времени 1815—1864 подъ протекторатомъ Великобританіи, такъ что этой послѣдней принадлежали такъ-же извѣстныя права, относительно внутренняго управленія островов. Но такъ какъ Англія не могла по своей волѣ расширять принадлежащихъ ей правъ, а съ другой стороны Іоническіе острова не могли отнять, напримѣръ, у лорда-коммиссара, назначавшагося Англіей, права созыва и роспуска іоническаго парламента, то кому же, съ точки зрѣнія Генеля, принадлежалъ суверенитетъ надъ Іоническими островами? Также точно не имѣли бы надъ собой суверенитета Кроація и Сла-

вонія, ибо отношенія ихъ къ Венгріи, установленныя въ 1868 г., могутъ быть измѣнены только съ согласія этихъ зависимыхъ земель, а не по волѣ суверенной Венгріи. Если суверенитетъ есть право распоряженія своей компетенціей, то суверенными не будутъ ни Венгрія, ни Кроація-Славонія, такъ какъ ни та, ни другая не обладаютъ такимъ правомъ.

III. Приступая къ изложенію своей теоріи суверенитета, Iellinek отправляется отъ анализа юридическаго существа государственной дѣятельности. Эта дѣятельность можетъ быть разсматриваема съ двоякой точки зрѣнія. Во-первыхъ, съ точки зрѣнія объекта власти, т. е. подчиненныхъ ей лицъ. Съ этой точки зрѣнія государство является господствующей властью, издающей безусловно обязательныя постановленія. Совокупность этихъ постановленій разграничиваетъ правовую сферу индивидовъ, какъ въ отношеніяхъ ихъ между собой, такъ и въ отношеніяхъ ихъ къ государству. Юридическое существо власти заключается въ томъ, что одностороннимъ своимъ актомъ она обязываетъ подданныхъ. Чтобы уяснить себѣ внутреннее значеніе этого свойства, нужно принять во вниманіе, что обязываться можно по своей собственной, или же посредствомъ чужой воли. Подданные обязываются во всѣхъ своихъ юридическихъ сдѣлкахъ въ послѣднемъ своемъ основаніи посредствомъ государственной, т. е. чужой воли, ибо даже обязательства въ силу собственной воли возможны для подданнаго только потому, что государство связываетъ съ такими его дѣйствіями извѣстныя

юридическія послѣдствія. Всякое обязательство подданнаго должно основываться на постановленіяхъ объективнаго права, т. е. на волѣ государства. Такимъ образомъ юридическое свойство подданнаго заключается въ томъ, что онъ можетъ обязываться только посредствомъ государственной т. е. чужой воли [1]). Съ другой стороны государство можетъ быть разсматриваемо, какъ субъектъ государственной дѣятельности. Въ своей дѣятельности относительно подданныхъ и другихъ державъ, государство даетъ опредѣленную программу своей волѣ и признаетъ ее руководящею для себя нитью. Образъ дѣйствій государства теряетъ благодаря этому характеръ произвола и обезпечиваетъ себѣ довѣріе подданныхъ и другихъ государствъ. Правоположенія государства относятся не только къ подданнымъ, но и къ нему самому, ибо объявляя ихъ обязательными, государство eo ipso постановляетъ, что явленія правовой жизни, подлежащія дѣйствію этихъ нормъ, должны быть регулируемы только этими, а не другими нормами. Государство можетъ, конечно, отмѣнить дѣйствующее право, но отмѣнить его не иначе, какъ въ формѣ права; такъ что даже измѣняя правовыя нормы, государство связано правовыми формами. Такимъ образомъ, какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ государство устанавливаетъ нормы для своей дѣятельности. Во всѣхъ такихъ дѣйствіяхъ государство обязываетъ себя, подчинивъ свои дѣйствія этимъ нормамъ. Но акты государственной дѣятельности, обязывающіе го-

[1]) Iellinek, 32.

сударство, обязываютъ его въ силу его собственной воли. Въ этомъ и заключается юридическое свойство государства—оно обязывается исключительно по собственной волѣ. Итакъ, *суверенитетъ есть такое свойство государства, въ силу котораго оно можетъ быть юридически связано только благодаря собственной его волѣ* [1]). Изъ этого опредѣленія вытекаютъ логически и всѣ тѣ свойства, въ которыхъ искали сущность суверенитета, или въ которыхъ онъ долженъ былъ найти себѣ наиболѣе яркое выраженіе. Изъ сказаннаго вытекаетъ, что суверенитетъ заключаетъ въ себѣ понятіе высшей и независимой власти, что суверенное государство опредѣляетъ свою компетенцію; изъ даннаго опредѣленія вытекаютъ и всѣ верховныя права государства, такъ-же какъ недѣлимость суверенитета, ибо исключительное право не можетъ быть дѣлимо, такъ какъ въ случаѣ такой дѣлимости оно не было бы исключительнымъ. Наконецъ, отсюда вытекаетъ и вѣчность суверенитета, потому-что нѣтъ такой власти, которая могла бы установить срокъ для существованія суверѣннаго государства [2]).

Выше было указано на то, что юридическое существо государства заключается въ возможности обязываться посредствомъ собственной воли. Для рѣшенія вопроса о томъ, есть ли данная публичная правовая корпорація государство, или же подчиненная составная его часть,—нужно такимъ образомъ установить, можетъ ли она созидать право въ силу

[1]) Iellinek, 34.

[2]) Iellinek, 35.

собственной власти. Въ государствѣ, конечно, не одна только государственная власть вправѣ установлять нормы; это право можетъ принадлежать и другимъ союзамъ — напримѣръ, самоуправляющимся единицамъ. Но эта дѣятельность органовъ самоуправленія осуществляется именемъ государства или подъ его надзоромъ. Дѣла органовъ самоуправленія суть дѣла государственныя. Даруя имъ автономію, государство вмѣстѣ съ тѣмъ употребляетъ ихъ для своихъ цѣлей и поручаетъ имъ въ извѣстной сферѣ выраженіе воли государства. Здѣсь государство обязываетъ своихъ подданныхъ посредственно, при помощи другой власти, которая ему подчинена и подлежитъ его надзору (jus supremae inspections). Но право издавать нормы своимъ именемъ и *въ силу собственнаго своего права*, такимъ образомъ, чтобы дѣятельность эта не подлежала никакому контролю—такая возможность есть специфическое свойство государства. Только государство обладаетъ *безконтрольною* публично правовою властью. И такъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда какое-либо политическое образованіе имѣетъ право издавать обязательныя постановленія въ какомъ бы то ни было направленіи государственной дѣятельности, тамъ существуетъ государство въ юридическомъ смыслѣ этого слова [1]).

Далѣе Iellinek переходитъ къ анализу понятія „собственнаго“ права. Право можетъ считаться собственнымъ въ томъ случаѣ, если кто-либо при осуществленіи его является исполнителемъ собственной воли. Но понятіе

[1]) Iellinek, 40.

собственнаго права не обусловливается требованіемъ, чтобы это право возникло въ лицѣ его обладателя, точно такъ-же, какъ и не требуется, чтобы оно не подлежало отчужденію противъ его воли. Возможность отчужденія противъ воли не исключаетъ принадлежности отчуждаемаго права, какъ собственнаго. Можно оставаться собственникомъ, несмотря на то, что эта собственность можетъ быть перенесена посредствомъ сдѣлки, экспропріирована, ограничена полицейскими мѣрами, наконецъ, отнята въ наказаніе. То-же самое имѣетъ мѣсто въ правѣ публичномъ; и здѣсь собственное право можетъ быть отнято въ наказаніе у его обладателя. Англійскій король царствуетъ въ силу собственнаго права; но онъ лишается короны, если станетъ католикомъ, или женится на католичкѣ. Такимъ образомъ ни происхожденіе, ни неотчуждаемость не характеризуютъ сущности собственнаго права. Специфическій признакъ его заключается въ томъ, что тотъ, кому оно принадлежитъ, не отвѣтственъ за его осуществленіе. Собственное право есть юридически безконтрольное право. Примѣнительно къ публично правовымъ корпораціямъ это значитъ, что только то право будетъ ихъ собственнымъ правомъ, въ осуществленіи котораго онѣ не подвержены юридическому контролю государства. Всякая законодательная и административная дѣятельность провинціи, колоніи, общины подлежитъ контролю того государства, часть котораго онѣ образуютъ; онѣ осуществляютъ не свое собственное право, а право государства, которому принадлежатъ. Значительная часть англійскихъ

колоній имѣетъ собственный парламентъ, губернатора; налоги взнимаются въ нихъ только въ томъ размѣрѣ, въ какомъ это необходимо для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ колоній. Но, несмотря на свою обширность, полномочія колоній не принадлежатъ имъ въ силу собственнаго права. Англійскій парламентъ можетъ кассировать любое постановленіе колоніальнаго парламента и самостоятельно издавать для колоній законы. Губернаторъ отвѣтственъ передъ правительствомъ метрополіи. Колонія не есть субъектъ законодательства, ибо законы издаетъ королева черезъ посредство своего уполномоченнаго—губернатора и можетъ отказать въ ихъ санкціи. Колоніальные законы не представляютъ собой сомостоятельной воли колоній, а выражаютъ волю англійскаго государства. Также точно ландтаги коронныхъ земель, представленныхъ въ австрійскомъ рейхсратѣ, имѣютъ исключительное право установлять содержаніе законовъ относительно цѣлаго ряда государственныхъ дѣлъ, но санкціонируетъ эти законы императоръ Австріи и австрійскій министръ контрасигнируетъ ихъ. Мѣстные законы (Landesgesetze) являются такимъ образомъ не актами независимой отъ австрійскаго государства автономіи, а актами имперской воли, относящимися къ опредѣленной коронной землѣ. Австрійскія коронныя земли не суть государства, а только части единаго государства.

Сущность собственнаго верховнаго права заключается такимъ образомъ въ томъ, что какая-либо публично правовая корпорація уполномочена издавать нормы въ

извѣстной области государственной дѣятельности, внѣ контроля высшей власти. Такую корпорацію можно подвести подъ понятіе государства. Но это государство не будетъ еще суверееннымъ, ибо сфера его дѣятельности зависитъ не исключительно отъ его воли; оно не есть государство самостоятельное во всѣхъ отношеніяхъ, а является только членомъ суверенннаго цѣлаго. Но если существо суверенитета заключается не въ наличности тѣхъ или другихъ верховныхъ правъ, то спрашивается, какъ далеко можетъ идти государство въ отчужденіи этихъ правъ, чтобы все-таки оставаться суверееннымъ? Изъ существа суверенитета вытекаетъ, что онъ самъ себя можетъ ограничить. Поэтому, еслибы государство уступило не только важнѣйшія, но и всѣ свои верховныя права другому государству, то оно не перестало бы быть суверееннымъ. Въ силу Берлинскаго трактата, Австро-Венгрія оккупировала Боснію и Герцеговину и приняла на себя всецѣло управленіе этихъ провинцій Оттоманской Имперіи; государственная власть надъ ними осуществляется, такимъ образомъ не Портою. Тѣмъ не менѣе юридически Австро-Венгрія не обладаетъ суверенитетомъ надъ названными провинціями; онѣ не составляютъ части управляющей ими монархіи; ихъ граждане не суть австро-венгерскіе граждане. Порта уступила Австро-Венгріи осуществленіе государственной власти надъ Босніей и Герцеговиной и оставила за собою суверенитетъ [1]). Для раз-

[1]) Iellinek, 53. Иначе Lingg, Die staatsrechtliche Stellung Bosniens und der Herzegowina. Archiv. f. œffentl. R. 1890, стр. 484.

рѣшенія вопроса объ отношеніяхъ данныхъ государствъ между собою слѣдуетъ отправляться отъ того принципа, что государство суверенно, пока оно связано только договоромъ. Договоръ, независимо отъ его содержанія, предполагаетъ, что контрагентъ свободенъ и по собственной волѣ рѣшается на извѣстныя дѣйствія. Если одно государство обязано другому въ силу договора, то оно дѣйствуетъ собственнымъ именемъ. Не чужая, а собственная его воля является той послѣдней инстанціей, которая руководитъ его поступками [1]). Но если одно государство связано актомъ другаго государства такимъ образомъ, что это послѣднее можетъ возложить на него какую-либо обязанность въ силу собственнаго своего права, то обязуемое такимъ образомъ государство несуверенно [2]).

Такова теорія проф. Jellinek'а. Не смотря на свои несомнѣнныя достоинства, она вскорѣ встрѣтила, однако, весьма существенныя возраженія. Мы видѣли, что, отправляясь отъ анализа государственной дѣятельности, Jellinek усматриваетъ существенныя свойства государства въ томъ, что оно обязывается въ силу собственной своей воли, между тѣмъ какъ подданный можетъ обязываться только посредствомъ воли государства. Но послѣднее утвержденіе несправедливо. Въ сдѣлкахъ, относящихся къ области гражданскаго права, индивидъ обязывается только благодаря своей собственной волѣ. Не правовой порядокъ является причиной, causa efficiens, его обязательства

[1]) Jellinek, 55.

[2]) Ibidem, 57.

Государство представляетъ собою только то условіе, благодаря которому воля отдѣльнаго лица является причиной обязательства и имѣетъ его своимъ слѣдствіемъ, подобно тому, какъ законы природы являются условіемъ, благодаря которому въ мірѣ явленій одно развивается изъ другого, какъ слѣдствіе изъ своей причины. Въ противномъ случаѣ и въ международныхъ отношеніяхъ государство, заключающее договоръ, обязывалось бы волею международнаго права, а не по собственной волѣ и теряло бы, вслѣдствіе этого, установленный Jellinek'омъ признакъ суверенитета. Такимъ образомъ, способность обязываться по собственной волѣ не есть признакъ, присущій исключительно государству. Далѣе мы видѣли, что по Jellinek'у „собственное право" есть право, не подлежащее никакому контролю. Но и это утвержденіе не можетъ быть признано справедливымъ. Контролировать—значитъ сравнивать два регистра и въ случаѣ необходимости согласовать ихъ. Примѣнительно къ области правовыхъ отношеній, принадлежность одной личности контроля надъ другой означаетъ право ея сравнивать волю послѣдней съ своей собственной и замѣщать волю контролируемую — волею своей. Такимъ образомъ котролировать какую-либо личность значитъ дѣйствовать на нее опредѣляющимъ образомъ. Но, очевидно, что хотя при такихъ отношеніяхъ двухъ личностей контролируемому лицу противопоставляется собственное право лица контролирующаго, но этимъ не уничтожается собственное право перваго;

ибо если контроль исключаетъ собственное право, то оно уничтожалось бы всякимъ ограниченіемъ въ пользованіи своимъ правомъ. Собственникъ не былъ бы больше собственникомъ, такъ какъ онъ не можетъ осуществить своего права такимъ образомъ, чтобы помѣшать пользованію установленными въ немъ сервитутами. Должникъ потерялъ бы право на свое имущество, ибо долженъ употребить его на удовлетвореніе претензій кредитора. Наконецъ, несовершеннолѣтній, находящійся подъ опекой, не могъ бы вовсе быть субъектомъ правъ, такъ какъ онъ не можетъ распоряжаться осуществленіемъ своихъ правъ и не является исполнителемъ своей собственной воли. Собственникомъ былъ бы, такимъ образомъ, опекунъ, или даже не опекунъ, а сиротскій судъ, контролю котораго подлежитъ опекунъ. Въ области публичнаго права монархъ потерялъ бы свое собственное право на корону, ибо въ управленіи дѣйствія его опредѣляются содержаніемъ закона; собственное право управленія было бы уничтожено парламентскимъ и судебнымъ контролемъ.— Наоборотъ, безконтрольное осуществленіе права не обосновываетъ его принадлежности, какъ права собственности. Въ области гражданскаго права свидѣтельствуетъ объ этомъ положеніе опекуна, поскольку онъ въ управленіи опекаемымъ имъ имуществомъ распоряжается по собственному усмотрѣнію; въ области публичнаго права объ этомъ свидѣтельствуетъ всякій приговоръ высшаго суда, неизмѣнный и вмѣстѣ съ тѣмъ провозглашаемый именемъ короля. Контроль надъ осуществленіемъ какого либо права

не исключаетъ, такимъ образомъ, его свойства собственнаго права [1]).

Jellinek усматриваетъ существенный признакъ государства, хотя бы и несувереннаго въ томъ, что оно обладаетъ, въ отличіе отъ другихъ публично правовыхъ корпорацій, извѣстною сферой безконтрольныхъ правомочій. Но государство суверенное несомнѣнно контролируетъ дѣйствія несувереннаго, когда наблюдаетъ, между прочимъ, затѣмъ, чтобы подчиненная ему власть не выходила бы за предѣлы предоставленной ей автономіи и не нарушала бы, такимъ образомъ, законовъ суверепнаго государства [2]). Въ безконтрольности извѣстнаго круга дѣйствій нельзя искать, такимъ образомъ, существеннаго свойства государства.

IV. Нѣсколько инымъ путемъ ведетъ свою аргументацію Розинъ. Прежде всего слѣдуетъ, по его мнѣнію, условиться относительно того, въ чемъ состоитъ вопросъ. Научное понятіе, будь оно правовымъ или какимъ-нибудь другимъ, есть отвлеченная группировка ряда конкретныхъ явленій по одному, всѣмъ имъ свойственному, признаку. Изслѣдованіе возможно при этомъ двоякимъ путемъ. Мы исходимъ отъ явленій и отъискиваемъ понятіе—это путь индуктивный; въ этомъ случаѣ мы изслѣдуемъ возможно большій кругъ данныхъ явленій, отмѣ-

---

[1]) Розинъ, Annalen des deutschen Reiches. 1883, § 9. Brie, Grünhut's Zeitschr. B. XI, стр. 99.

[2]) Съ этимъ согласился Jellinek, Gesetz und Verordnung, стр. 202. Laband у Marquardsen'a II, стр. 23.

чаемъ въ нихъ общія черты и соединяемъ ихъ въ одно понятіе, которое противопоставляемъ потомъ другимъ понятіямъ. Дедуктивный пріемъ заключается въ томъ, что точкой отправленія является опредѣленное понятіе, въ которомъ мы предполагаемъ нѣчто установленное и изслѣдуемъ затѣмъ рядъ явленій: подойдутъ-ли онѣ подъ него, т. е. содержатъ-ли онѣ заключающіеся въ немъ признаки, или нѣтъ. Въ данномъ случаѣ, гдѣ рѣчь идетъ объ опредѣленіи понятія суверенитета, первый пріемъ, т. е. индуктивное изслѣдованіе посредствомъ сравненія между собой общежитій суверенныхъ и несуверенныхъ, уже по тому одному непримѣнимъ, что вопросъ о томъ, принадлежитъ-ли свойство суверенитета тому, или другому конкретному общежитію—является очень спорнымъ въ наукѣ. Отсюда слѣдуетъ, что существо вопроса заключается единственно въ томъ, чтобы однѣ общежитія подвести подъ понятіе суверенитета, а другія исключить изъ него. Но это возможно было-бы въ томъ случаѣ, еслибы мы могли исходить отъ понятія суверенитета, какъ вполнѣ установленнаго. Между тѣмъ признаки, содержащіеся въ понятіи суверенитета, не настолько ясны нашему уму, чтобы ихъ можно было примѣнять непосредственно къ конкретнымъ явленіямъ. Такимъ образомъ возникаетъ для насъ задача, исходя отъ признаковъ неясныхъ, но несомнѣнно содержащихся въ понятіи суверенитета, путемъ дедукціи отъискать другіе признаки, которые давали-бы возможность разрѣшить вопросъ, суверенно или несуверенно данное общежитіе. Отсюда слѣдуетъ, во-первыхъ, что изслѣдо-

ваніе понятія суверенитета должно быть исключительно дедуктивнымъ, оставляющимъ факты дѣйствительности пока въ сторонѣ, и во-вторыхъ, что въ этой дедукціи слѣдуетъ отправляться отъ такихъ моментовъ, которые безъ всякаго сомнѣнія заключаются уже въ понятіи суверенитета. Не слѣдуетъ при этомъ оперировать при помощи такихъ понятій, какъ государство, государственная дѣятельность, какъ это дѣлаетъ Iellinek, ибо въ этомъ случаѣ въ изслѣдуемое понятіе вводятся такіе моменты, которые сами по себѣ изъ него не вытекаютъ [1]).

Со времени Бодена, установившаго понятіе „puissance souveraine“, взглядъ на суверенитетъ, какъ на высшую, верховную власть, какъ на summa potestas, summum imperium, сталъ общепризнаннымъ. Поэтому слѣдуетъ отправляться отъ этихъ двухъ понятій: „власть“ и понятія „высшая“. *Понятіе власти* есть въ данномъ случаѣ понятіе правовое; фактическія отношенія силы для понятія суверенитета несущественны. Такъ какъ право есть разграниченіе воли личностей, то правовая власть представляетъ собой конкретное содержаніе воли лица, дѣйствующее опредѣляющимъ образомъ на волю другихъ противостоящихъ ему лицъ. *Категорія высшаго* означаетъ, что въ порядкѣ подчиненія цѣлаго ряда существъ одно стоитъ на верхней ступени. Понятіе высшаго есть такимъ образомъ понятіе относительное; оно означаетъ, что существо высшее не имѣетъ надъ собой

---

[1]) Rosin, Souveränität, Staat, Gemeinde, Selbstverwoltung; Annalen 1883, стр. 268.

никакого другого существа и, съ другой стороны, въ виду того, что превосходная степень заключаетъ въ себѣ и сравнительную — оно стоитъ выше другихъ существъ, которымъ нельзя приписать признака „высшаго“. Никакихъ другихъ свѣдѣній о природѣ явленія, охарактеризованнаго „высшимъ“, это понятіе не даетъ; такъ какъ понятіе высшаго есть понятіе сравнительное, а каждое существо находится къ себѣ единственно въ томъ отношеніи, что оно само себѣ равно, то мы не можемъ получить представленія о природѣ „высшаго“ существа изъ его свойства „высшаго“ и должны отъискивать его другимъ способомъ. Такъ-же точно не можемъ мы при помощи понятія „высшаго“ получить представленіе о характерѣ противопоставляемыхъ ему явленій и о прочихъ отношеніяхъ сравниваемыхъ объктовъ въ виду того, что мы сравниваемъ ихъ въ отношеніи подчиненности и, слѣдовательно, во всемъ остальномъ считаемъ ихъ одинаковыми. Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что понятіе суверенитета относится къ подчиненности лицъ. Но въ чемъ-же заключается сущность подчиненности и съ другой стороны—въ чемъ заключается сущность равенства между личностями? Если власть одной личности надъ другой заключается въ возможности опредѣлять ея волю соотвѣтственно содержанію собственной воли, то равенство будетъ существовать въ томъ случаѣ, когда власть лица опредѣляющаго находитъ себѣ правовое основаніе въ волѣ опредѣляемой личности. Опредѣленіе посредствомъ чужой воли, которая основывается на моей волѣ,

есть на самомъ дѣлѣ опредѣленіе въ силу моей собственной воли и свидѣтельствуетъ о равенствѣ данныхъ субъектовъ. Напротивъ, равенство уступаетъ мѣсто отношенію подчиненности, когда какое-либо лицо опредѣляется другой личностью, воля которой имѣетъ своей причиной не волю личности опредѣляемой, а свою собственную. Такимъ образомъ юридическая сущность отношеній подчиненности личностей, или же власть одного лица надъ другимъ заключается въ томъ, что первое находитъ юридическую основу для опредѣленія послѣдняго въ самомъ себѣ; оно опредѣляетъ волю другого лица въ силу своей собственной власти. Отсюда вытекаетъ положительное понятіе суверенитета, какъ такого юридическаго положенія личности, въ силу котораго она на основаніи существующаго правопорядка не можетъ быть опредѣляема по волѣ какой-либо другой личности или, иначе говоря—*самоопредѣленіе въ силу собственной воли*. Изъ этого слѣдуетъ, что личность не теряетъ свойства суверенной, если можетъ быть опредѣляема посредствомъ чужой воли, но правовое основаніе этой послѣдней заключается въ собственной волѣ опредѣляемаго лица. Государство, заключающее договоръ на почвѣ гражданскаго или международнаго права и вступающее такимъ образомъ въ обязательныя отношенія, не перестаетъ быть суверённымъ, подобно тому, какъ обязательство частнаго лица не можетъ отдать его во власть кредитора въ вышеуказанномъ смыслѣ, такъ, чтобы эта власть основывалась на собственной волѣ кредитора. Въ области государственнаго права

государство не теряетъ своего суверенитета и тогда, когда въ качествѣ землевладѣльца или промышленника подчиняется обложенію со стороны общины. Оно остается суверѳннымъ и въ томъ случаѣ, когда принимаетъ на себя безповоротное обязательство, какъ это показываютъ отношенія турецкой имперіи къ ея вассальнымъ христіанскимъ государствамъ относительно гарантируемыхъ имъ правъ.

Несуверенньмъ будетъ такимъ образомъ лицо, опредѣленіе котораго возможно со стороны чужой воли въ силу собственнаго ея права. Опредѣленіе посредствомъ чужой воли, хотя бы оно касалось одного только пункта, исключаетъ свойства суверенитета. Суверенности можно противопоставить только одну несуверенность; неполнаго частичнаго суверенитета не существуетъ, ибо опредѣлять свою волю можно исключительно или не исключительно [1]).

Опредѣливъ понятіе суверенитета, Розинъ приступаетъ къ разрѣшенію вопроса о томъ, есть ли суверенитетъ существенное свойство государства. Если признать, что суверенитетъ не есть необходимый признакъ государства, то этимъ самымъ мы противопоставляемъ суверенное государство—государствамъ не суверенньмъ. Такое противоположеніе будетъ въ томъ случаѣ правильно, если между государствами суверенными и не суверенными не существуетъ никакого другого существеннаго различія, кромѣ наличности или отсутствія свойствъ суверенитета. Если же такъ, то мы вправѣ общія черты обѣихъ категорій соединить въ понятіе государства, а ихъ разли-

[1]) Розинъ, §§ 2—5.

чіе—въ предикатъ „суверення го“ или „не суверенняго“ государства. Розинъ пытается разрѣшить этотъ вопросъ на почвѣ сравненія Германской Имперіи съ государствами, вошедшими въ ея составъ. Но количественное сравненіе объема компетенціи не можетъ привести къ выясненію различія между юридическимъ характеромъ Имперіи и характеромъ отдѣльныхъ государствъ, такъ какъ, не говоря уже о фактической невозможности такого количественнаго измѣренія, различіе въ количествѣ правъ, предоставленныхъ извѣстной личности, не обусловливаетъ различія въ ея юридическомъ характерѣ. „Подобно тому, какъ человѣкъ бѣдный является такимъ же лицомъ въ юридическомъ смыслѣ, какъ и человѣкъ богатый, такъ же точно и характеръ государства не измѣняется отъ того, что оно одни цѣли включаетъ въ кругъ своей дѣятельности, другія же изъ него выключаетъ“ [1]). Къ тому же результату приводитъ сравненіе предметовъ вѣдомства имперіи и отдѣльныхъ государствъ по содержанію. Въ Швейцаріи, Германіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ предметы вѣдомства между центральной властью и отдѣльными государствами распредѣлены весьма разнообразно; но это разнообразіе въ распредѣленіи предметовъ вѣдомства не обосновываетъ различія въ самомъ характерѣ этихъ общежитій. Если относительно права внѣшнихъ сношеній и можно утверждать, что оно должно принадлежать въ союзномъ государствѣ цѣлому, то такое требованіе не вытекаетъ, однако, изъ природы союз-

[1]) Розинъ, стр. 275.

наго государства, ибо и союзъ государствъ функціонируетъ въ области внѣшнихъ сношеній, какъ политическое цѣлое. Такимъ образомъ ни различіе въ объемѣ, ни различіе въ содержаніи предметовъ вѣдомства не могутъ обосновать различія въ юридическомъ характерѣ имперіи и отдѣльныхъ государствъ [1]).

Права, принадлежащія имперіи и отдѣльнымъ государствамъ въ осуществленіи ихъ задачъ тоже одинаковы. Подобно тому, какъ имперская казна и казна отдѣльныхъ государствъ являются равноправными въ области гражданскихъ правоотношеній, также точно и въ сферѣ публичнаго права имперія и отдѣльныя государства, обладаютъ государственной властью, насколько она выражается въ такъ называемыхъ верховныхъ правахъ. Эти верховныя права принадлежатъ, какъ утверждаютъ, Имперіи „въ силу собственнаго права", между тѣмъ какъ на отдѣльныя государства онѣ перенесены. Въ виду широкаго примѣненія, какое нашло себѣ это понятіе „собственнаго права", Розинъ обращается къ его анализу.

Какъ мы видѣли выше, Jellinek доказалъ, что ни способъ возникновенія, ни способъ прекращенія не опредѣляютъ собой характера собственнаго права. Отсюда слѣдуетъ, что противоположность собственному праву можетъ представлять собою только какое-либо продолжительное отношеніе права извѣстнаго лица къ другому субъекту. Но такъ какъ между правомъ и субъектомъ можетъ существовать одно только продолжительное отношеніе, отношеніе принадлежности,

[1]) Стр. 276.

то противоположностью „собственнаго права“ будетъ такое право, которое принадлежитъ не лицу, осуществляющему его, а другому, т. е. чужое право, осуществляемое такимъ лицомъ, которое дѣйствуетъ въ качествѣ представителя и именемъ лица управомоченнаго. *Собственное и чужое право* являются противоположностями, соотвѣтствующими истинному смыслу слова. Но если собственному праву противопоставляется право, осуществляемое путемъ представительства, то все-таки представитель можетъ имѣть собственное право функцiонировать въ качествѣ представителя [1]). Въ области публичнаго права право, осуществляемое представителемъ, называется обыкновенно правомъ делегированнымъ, въ противоположность къ собственному. Послѣ сказаннаго не можетъ возникнуть сомнѣнiя относительно утвердительнаго отвѣта на вопросъ, осуществляютъ ли отдѣльныя государства верховныя права въ силу собственнаго права [2]). Это относится прежде всего къ тѣмъ областямъ, въ которыхъ отдѣльныя государства удержали за собою законодательства и управленiе. Пусть границы компетенцiи и, на основанiи 2 ст. конституцiи [3]) содержанiе мѣстныхъ законовъ опредѣляется суверенною волей Имперiи; пусть, въ силу ст. 78 [4]) импе-

---

[1]) Стр. 279.

[2]) Стр. 280.

[3]) 2 ст. Герм. конст. установляетъ преимущество имперскихъ законовъ передъ законами отдѣльныхъ государствъ.

[4]) Въ силу 78 ст. измѣненiя въ имперской конституцiи производятся въ законодательномъ порядкѣ. Они считаются отклоненными, если въ Союзномъ Совѣтѣ будутъ имѣть противъ себя 14 голосовъ и т. д.

рія можетъ узурпировать законодательныя права, принадлежащія въ настоящее время отдѣльнымъ государствамъ— все это не исключаетъ того, что права законодательства и управленія, пока они принадлежатъ отдѣльнымъ государствамъ, принадлежатъ имъ въ силу собственнаго права. Но и въ той сферѣ, гдѣ, на основаніи 4 ст. конституціи, Имперіи принадлежитъ законодательство — право управленія есть „собственное право“ отдѣльныхъ государствъ. Этого не было бы въ томъ случаѣ, еслибы законодательство и управленіе стояли бы другъ къ другу въ такомъ отношеніи, что послѣднее осуществлялось бы по праву представительства перваго, т. е. еслибы власть исполнительная была делегирована законодательной. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, ибо обѣ функціи государства являются одинаково непосредственными; и если законодательство, какъ болѣе важная функція, дѣйствуетъ опредѣляющимъ образомъ на управленіе, то, какъ показали вышеприведенныя соображенія,—дѣйствовать опредѣляющимъ образомъ на осуществленіе какого-либо права не значитъ еще уничтожать собственное право управомоченнаго субъекта. Такимъ образомъ, хотя по предметамъ, означеннымъ въ ст. 4 Германской конституціи, право законодательства принадлежитъ имперіи—право управленія есть собственное право отдѣльныхъ государствъ. Это указываетъ только на то, что отдѣльныя государства и въ этомъ отношеніи подчинены суверенной власти имперіи. Всѣ эти соображенія показываютъ, что, кромѣ признака суверенитета, никакого правоваго различія въ юри-

дическомъ характерѣ имперіи и отдѣльныхъ государствъ не существуетъ. Мы вправѣ, такимъ образомъ, называть первую—суверeннымъ государствомъ, а послѣднія—несуверенными. Но если суверенитетъ не есть существенный признакъ государства, то въ чемъ же заключаются характеристическія свойства и чѣмъ отличается государство несуверенное отъ округовъ, уѣздовъ и общинъ? Чтобы опровергнуть утвержденіе, что община не имѣетъ собственныхъ верховныхъ правъ, что они принадлежатъ исключительно государству и что община осуществляетъ верховныя права, т. е. права власти надъ членами общины, не какъ собственныя, а представляя при этомъ государство, которому онѣ принадлежатъ, какъ субъекту правъ, Розинъ считаетъ нужнымъ разрѣшить вопросъ о критеріѣ, рѣшающемъ, осуществляется ли данное право, какъ собственное, или же отъ имени другого лица, т. е. вопросъ о субъектѣ правъ. Писатели согласны между собой относительно того, что община отличается отъ административнаго округа тѣмъ, что она является лицомъ. Административный округъ есть географическое подраздѣленіе государства, между тѣмъ какъ община представляетъ собой корпорацію публичнаго права, публично правовую личность. Личность есть субъектъ правъ. Право признаетъ за личностью собственную жизненную цѣль. Если же лицо есть такое существо, за которымъ право признаетъ собственную жизненную цѣль, то отношеніе права въ объективномъ смыслѣ къ жизненнымъ цѣлямъ лицъ будетъ различно, смотря по тому, идетъ ли рѣчь о личности

одного человѣка, или множества; ибо въ то время, какъ право принимаетъ жизненную цѣль единичнаго человѣка, какъ и его волю за нѣчто, данное самой природой, цѣль общежитія, а также организація его воли имѣютъ не только значеніе мотивовъ, но должны быть установлены и опредѣлены правомъ. Цѣль общежитія есть, такимъ образомъ, правовое понятіе, опредѣляющее и проникающее собою все ихъ существо. Различіе между общиною и государствомъ заключаются, такимъ образомъ, въ различіи ихъ цѣлей. Цѣль общины заключается въ удовлетвореніи общинныхъ интересовъ, вытекающихъ изъ условій мѣстнаго общежитія и близкаго расположенія земельныхъ участковъ. Задача государства состоитъ въ осуществленіи національныхъ интересовъ, свойственныхъ народу, какъ естественному общежитію. Государство есть, такимъ образомъ, публично правовая, собирательная личность, предназначающаяся для осуществленія національныхъ цѣлей. Община—публично правовая несуверенная собирательная единица, имѣющая своей цѣлью удовлетвореніе мѣстныхъ общихъ интересовъ.

Изъ отношенія цѣлей государства и общины вытекаетъ граница между собственнымъ и порученнымъ кругомъ дѣйствій. Собственный кругъ дѣйствій общины охватываетъ такимъ образомъ всю сферу, въ предѣлахъ которой она осуществляетъ свои жизненныя цѣли при помощи ея собственныхъ правъ; делегированный же кругъ дѣйствій обнимаетъ ея дѣятельность въ интересахъ государства при помощи его власти, его именемъ, по его

порученію [1]). Въ противоположность Герберу,— усматривающему характеристическую черту государства въ его власти, которая заключается въ правѣ проявлять обязательную для всего народа волю въ видахъ осуществленія государственныхъ цѣлей, Розинъ утверждаетъ, что права власти, оставляя въ сторонѣ ихъ индивидуальное содержаніе, опредѣляющееся цѣлью государства, не представляютъ характеристической черты государства. Всякое право и въ особенности право въ отношеніи другого лица. содержитъ въ себѣ извѣстную власть. Въ этомъ смыслѣ всякое право, есть право власти. Если противопоставить право власти другимъ правамъ, въ особенности праву требованія, то слѣдуетъ изслѣдовать моментъ власти, выходящей за предѣлы понятія субъективнаго права. Въ чемъ онъ заключается, видно изъ того, что было развито Розиномъ для опредѣленія понятія суверенитета. Тамъ было установлено, что господство одной личности надъ другой заключается въ томъ, что основа опредѣленія воли лица подчиненнаго лежитъ въ волѣ лица господствующаго. Права власти суть такимъ образомъ права личности, основанныя не на волѣ лица обязаннаго, а на волѣ лица господствующаго. Выраженіемъ воли лица господствующаго будетъ—повелѣніе; выраженіемъ воли лица равностоящаго—требованіе.

Сравнивая аргументацію Iellinek'а и Розина, мы видимъ, что послѣдній акцептируетъ въ существенныхъ чертахъ опредѣленіе суверенитета, данное Iellinek'омъ.

[1]) Стр. 292.

Мы видѣли, что по воззрѣнію послѣдняго сущность суверенитета заключается въ способности обязываться исключительно посредствомъ собственной воли. По Розину суверенитетъ есть самоопредѣленіе въ силу собственной воли. Но въ то время, какъ Iellinek собственное право идентифицируетъ съ понятіемъ безконтрольнаго права, Розинъ противопоставляетъ ему право чужое, присовокупляя при этомъ, что тотъ, кто осуществляетъ чужое право, въ качествѣ представителя, можетъ имѣть тѣмъ не менѣе собственное право на то, чтобы функціонировать въ этой роли представителя. Отсюда слѣдуетъ, что и община въ предѣлахъ круга своихъ дѣйствій можетъ имѣть собственныя права, а потому тщетно было бы въ этомъ признакѣ искать специфическое различіе между государствомъ и общиной. Далѣе Розинъ сдѣлалъ первую попытку изслѣдовать существо власти. Противопоставляя праву власти право требованія, онъ видитъ существо послѣдняго въ томъ, что основа его существованія лежитъ въ волѣ обязаннаго лица, между тѣмъ какъ основа существованія перваго лежитъ въ волѣ лица господствующаго. Право власти есть право, вытекающее изъ собственной воли управомоченной личности. Напротивъ, содержаніе права не характеризуетъ, по мнѣнію Розина, существа права власти. Это понятіе не ограничивается, съ его точки зрѣнія примѣненіемъ въ области публичнаго права; и въ сферѣ гражданскихъ отношеній есть права, которыя являются, по опредѣленію Розина, правами власти, какъ, напримѣръ, собственность и всѣ вещныя права. Власть

теряетъ такимъ образомъ исключительное приложеніе къ государственному праву; она не является специфическимъ содержаніемъ государственной власти, а категоріей, присущей какъ публичному, такъ и гражданскому праву. Такъ какъ Розинъ не придаетъ значенія содержанію права, то ему приходится искать пунктъ различія между государствомъ и общиной внѣ тѣхъ моментовъ, изъ которыхъ складывается понятіе всякаго рода правъ. Такъ какъ нѣтъ такого правоваго института, который бы надолго удержался, не служа разумной цѣли, имѣющей право на существованіе, то возникаетъ соблазнъ внести въ правовое понятіе этотъ моментъ цѣли и строгое изслѣдованіе логическихъ элементовъ, изъ которыхъ складывается понятіе правового института, замѣнить соображеніями его пользы и необходимости. Розинъ прибѣгаетъ такимъ образомъ къ моменту цѣли [1]. Но такой пріемъ не можетъ быть признанъ правильнымъ. Цѣль, которой служитъ юридическій институтъ, лежитъ внѣ самаго понятія. Цѣли, достигаемыя посредствомъ институтовъ собственности, сервитутовъ, товарищества, купли или посредствомъ суда присяжныхъ, апелляціи и др. имѣютъ несомнѣнное вліяніе на юридическую организацію этихъ правовыхъ институтовъ и неоцѣнимое значеніе для ихъ пониманія, но онѣ не входятъ въ составъ самаго понятія. Розинъ видитъ разницу между государствомъ и общиной не въ специфическомъ различіи при-

[1]) Точно такъ-же Brie, Theorie der Staatenverbindungen. 1886, стр. 4.

надлежащихъ имъ правъ, а въ поставленной имъ цѣли. Община имѣетъ цѣлью удовлетворять потребности мѣстныя, а государство должно осуществлять національные интересы народа. Но установленное Розиномъ различіе можетъ быть примѣнено только къ мѣстной общинѣ съ одной стороны и къ національному государству съ другой. Оно непримѣнимо ни къ округамъ, ни къ уѣздамъ, ни къ провинціямъ, которыя вѣдь также какъ и община отличаются отъ государства; оно непримѣнимо далѣе къ государствамъ-городамъ и вообще къ небольшимъ государствамъ, которыя, не смотря на свою полнѣйшую неспособность осуществлять національныя задачи всего народа, остаются тѣмъ не менѣе государствами. Несправедливо также, что общины осуществляютъ какія-либо иныя задачи, нежели государство; задачи ихъ однородны, но только сфера дѣятельности общинъ представляется болѣе ограниченною, нежели сфера дѣятельности государства, которому онѣ принадлежатъ [1]).

V. По ученію Лабанда [2]) специфическая разница между государствомъ и общиной заключается въ томъ, что всякое государство, даже самое незначительное, имѣетъ право власти, въ то время какъ община, какъ-бы ни была она велика и каково-бы ни было ея значеніе—такого права не имѣетъ. Власть есть право предписывать свободнымъ людямъ дѣйствія, опущенія, повинности и понуждать ихъ

[1]) Laband, Staatsrecht. 1888, I стр. 63, и Archiv f. oef. R. II, 817.

[2]) Staatsrecht, I, стр. 64 и слѣдующія.

къ исполненію. Въ этомъ заключается пунктъ различія между правомъ публичнымъ и гражданскимъ. Гражданское право знаетъ только власть надъ вещами, къ которымъ принадлежатъ, само собою и рабы; въ отношеніи свободныхъ лицъ оно знаетъ только требованія, которыя не содержатъ въ себѣ никакого права принужденія должника и, которыя не заключаютъ въ себѣ права ему что-либо повелѣвать. Въ обязательственныхъ отношеніяхъ кредиторъ и должникъ равны; кредиторъ не имѣетъ власти надъ должникомъ. Между тѣмъ существо верховныхъ правъ заключается въ правовомъ господствѣ надъ подданнымъ, въ силу котораго онъ можетъ быть принужденъ къ исполненію относящагося до него повелѣнія. Въ семьѣ, въ этомъ прототипѣ государства и первоначальномъ источникѣ всякаго публичнаго права, сохранился еще остатокъ ея прежняго государственнаго характера въ отцовской и супружеской власти. На томъ-же основаніи въ средніе вѣка ленная система явилась главнымъ принципомъ государственнаго устройства, ибо права феодала были не правомъ требованія, а правами верховной власти. Но не говоря о незначительныхъ остаткахъ въ семейныхъ отношеніяхъ, современное право не знаетъ ни частнаго подданства, ни частной власти: одно только государство властвуетъ надъ людьми. Это его специфическое преимущество, котораго онъ ни съ кѣмъ не раздѣляетъ. Только его воля подчиняетъ себѣ волю индивида и распоряжается его имуществомъ, свободой и жизнью.

Но не слѣдуетъ думать, что задачи государства исчерпываются осуществленіемъ правъ власти. Оно пользуется ими только въ той мѣрѣ, въ какой это кажется ему необходимымъ. Государство осуществляетъ большую часть своихъ функцій, не прибѣгая къ употребленію власти. Не слѣдуетъ поэтому понимать вышеуказаннаго положенія такъ, что вся дѣятельность государства заключается въ томъ, что оно властвуетъ. При такомъ взглядѣ, понятіе власть теряетъ свою юридическую опредѣленность и обращается въ синонимъ государственной дѣятельности вообще. Государство имѣетъ то общее свойство съ провинціями, округами, общинами и даже свободными союзами, что всѣ они проявляютъ обширную дѣятельность, направленную къ осуществленію культурныхъ задачъ, которыя вытекаютъ изъ общежитія людей. Но право принуждать людей къ повиновенію принадлежитъ одному только государству. Никакой другой союзъ не обладаетъ этимъ правомъ, какъ собственнымъ, какъ основаннымъ на самомъ себѣ и осуществляемымъ по свободному усмотрѣнію. Если община и уполномочена издавать полицейскія, фискальныя и др. распоряженія, то принудительный характеръ эти распоряженія получаютъ только по волѣ государства. Общины могутъ обладать въ обширной области политической жизни собственнымъ правомъ управленія, автономнаго изданія статутовъ, даже правомъ юстиціи, но если нужно актамъ ея воли обезпечить повиновеніе, то община въ этомъ случаѣ обращается въ соотвѣтствующее государственное учрежденіе, если государство заранѣе

не предоставило общинѣ права пользованія его властью въ опредѣленныхъ имъ случаяхъ. Принудительнымъ образомъ повелѣвая и осуществляя, въ случаѣ необходимости, свои повелѣнія посредствомъ силы, община дѣйствуетъ при этомъ именемъ государства и по его порученію, т. е. по праву представительства или въ силу уступки; она пользутся такимъ образомъ не своей властью, а властью государства и осуществляетъ чужое, а не собственное право. Община не имѣетъ подданныхъ; въ осуществленіи своихъ правъ она также безсильна, какъ безсиленъ кредиторъ въ отношеніи своего должника; только у государства они находятъ помощь, т. е. власть осуществленія. Цѣли, осуществляемыя государственной властью, измѣнчивы и не могутъ быть опредѣлены правовымъ понятіемъ. Такъ-же измѣнчиво и съ правовой точки зрѣнія произвольно разграниченіе задачъ, подлежащихъ осуществленію со стороны государства и общины. Но неизмѣннымъ и прочнымъ—при всякомъ разграниченіи цѣлей и задачъ—остается положеніе, что государство имѣетъ право повелѣвать свободными людьми такъ, что повелѣнія его имѣютъ принудительный характеръ. Самое маленькое и незначительное государство обладаетъ этимъ правомъ власти въ такой-же мѣрѣ, какъ и государство могущественное; между тѣмъ общинный союзъ этого права не имѣетъ, хотя-бы по величинѣ и пространству онъ превосходилъ цѣлую дюжину государствъ, взятыхъ вмѣстѣ. Въ этомъ и заключается различіе между государствомъ и общиной. Но съ другой стороны отсюда вытекаетъ, что суверенитетъ не принад-

лежитъ къ существеннымъ свойствамъ государства. Въ кругу понятій, подлежащихъ нашему изслѣдованію, подъ суверенной властью слѣдуетъ понимать высшую верховную власть. Свойство суверенитета не свидѣтельствуетъ положительно о правомочіяхъ, которыми обладаетъ власть; имъ подчеркивается только тотъ отрицательный моментъ, что надъ данною властью нѣтъ никакой другой, которая обладала бы правомъ обращаться къ ней съ обязательными повелѣніями. Это указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на то, что суверенитетъ есть свойство абсолютнаго характера, не подлежащее ни увеличенію, ни уменьшенію, и которое или существуетъ или отсутствуетъ; а потому ни о дѣленіи, ни объ ограниченіи суверенитета не можетъ быть рѣчи. Лицо, имѣющее въ своемъ распоряженіи широкій кругъ задачъ не будетъ суверреннымъ, если въ какомъ-нибудь пунктѣ подчиняется чужой волѣ, господству другой личности, и въ силу правопорядка повинуется ея повелѣніямъ. Половиннаго, частичнаго, уменьшеннаго, зависимаго, относительнаго суверенитета не существуетъ. Можно быть суверреннымъ или несуверреннымъ, tertium non datur. Напротивъ, лицо не обладающее свойствомъ суверенитета, т. е. подверженное въ какомъ-либо отношеніи власти, можетъ тѣмъ не менѣе обладать правами власти надъ свободными людьми и ихъ союзами, т. е. обладать государственной властью. Если относительно осуществленія или неосуществленія правъ власти она получаетъ обязательныя и принудительныя предписанія со стороны высшей власти, то она не можетъ

быть суверенной, но этимъ не уничтожаются ея верховныя права. Нельзя себѣ вообразить политическаго образованія, которое стояло бы внѣ суверенитета такъ, чтобы ни эта господствующая личность, ни надъ нею возвышающаяся не были бы суверенными; но утвержденіе, что несуверенныхъ государствъ вовсе не существуетъ, совершенно произвольно, несостоятельно и противорѣчитъ исторіи, словоупотребленію и научному понятію государства. Когда независимыя дотолѣ государства образуютъ между собою такой союзъ, что подчиняются одной высшей власти, то, несмотря на это, имъ можетъ принадлежать комплексъ собственныхъ верховныхъ правъ, задачъ и средствъ для ихъ осуществленія. Если эти права не делегированы имъ и не поручены стоящею надъ ними суверенной властью, а принадлежатъ имъ въ силу собственнаго права и осуществляются ими самостоятельно и по собственному усмотрѣнію, то эти государства перестаютъ быть суверенными, но не перестаютъ быть государствами.

Мы видѣли выше, что попытки опредѣленія суверенитета, какъ суммы отдѣльныхъ правомочій или какъ единства верховныхъ правъ, не могутъ быть признаны удачными. Дальнѣйшее изслѣдованіе показало, что свойство суверенитета не свидѣтельствуетъ о наличности тѣхъ или другихъ полномочій; что оно не заключается ни въ правѣ опредѣленія своей компетенціи, ни въ способности обязываться исключительно посредствомъ собственной воли. Центръ тяжести лежитъ такимъ образомъ не въ этомъ

свойствѣ суверенности, а въ моментѣ власти, присущемъ государству. Эта власть можетъ имѣть различныя степени; если она не зависитъ ни отъ какой другой власти и является такимъ образомъ высшей, то это свойство ея называется суверенитетомъ. Къ тому же результату приводитъ въ сущности изслѣдованіе Iellinek'а. Онъ видитъ въ суверенитетѣ свойство государства, но въ свое опредѣленіе суверенитета вноситъ понятіе государства, такъ что суверенитетъ получаетъ у него значеніе суверенной государственной власти. Если способность обязываться посредствомъ собственной воли есть признакъ государства, то опредѣленіе суверенитета, какъ способности обязываться *исключительно* по собственной волѣ означаетъ — если оставить въ сторонѣ ту часть опредѣленія, которая относится къ понятію государства—независимость государственной власти отъ всякой высшей воли [1]). Предъидущее изслѣдованіе показало вмѣстѣ съ тѣмъ, что какое-бы изъ приведенныхъ опредѣленій понятія суверенитета мы ни приняли, ни одно изъ нихъ не обусловливаетъ собою неразрывной связи между свойствомъ суверенитета и понятіемъ государства. Признакъ власти отличаетъ послѣднее отъ подчиненныхъ ему союзовъ, и этимъ самымъ устраняется всякое сомнѣніе относительно существованія несуверенныхъ государствъ. Такими несуверенными государствами являются государства вассальныя и члены союзнаго государства. Мы уже говорили, что вопросъ о

[1]) Brie, Grün. Zeit. B. IX, стр. 93. Iellinek, Gesetz und Verordnung, 197, 200.

суверенныхъ и несуверенныхъ государствахъ является преюдиціальнымъ въ ученіи о союзномъ государствѣ. Признаніе суверенитета несущественнымъ свойствомъ государства и вытекающей отсюда возможности существованія несуверенныхъ государствъ есть необходимое условіе такой юридической конструкціи внутреннихъ отношеній союзнаго государства, которая не страдала бы непримиримыми противорѣчіями.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Юридическая природа союзнаго государства.

I. Свое изслѣдованіе о понятіи союзнаго государства Зейдель начинаетъ съ установленія признаковъ государства простого на томъ основаніи, что, если союзное государство есть ничто иное какъ государство, то признаки его не должны противорѣчить признакамъ государства вообще [1]). Государство есть совокупность людей данной страны, объединенныхъ высшею волею. Государство есть высшая форма человѣческаго общежитія; надъ нимъ нѣтъ высшаго и на ряду съ нимъ нѣтъ равнаго ему людского единенія; на одной и той же территоріи не можетъ быть двухъ государствъ, ибо двойное полное единеніе представляетъ собою contradictio in adjecto. Воля, объединяющая совокупность людей данной страны, должна быть единой и нераздѣльной. Подобно тому, какъ вещь не можетъ принадлежать одновременно двумъ соб-

---

[1]) Der Bundesstaatsbegriff. Eine Staatsrechtliche Untersuchung von Max Seydel. Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft 1872, стр. 185.

ственникамъ, такъ и государство не можетъ имѣть надъ собою двухъ властей. Государственная власть есть высшая власть надъ (?) государствомъ. Это свойство ея называется суверенитетомъ[1]). Но если государство представляетъ собою высшее и наиболѣе полное единеніе людей, равнаго которому не существуетъ, если государственная власть едина и нераздѣльна, то ученіе Вайца—согласно которому опредѣленная часть государственной дѣятельности осуществляется въ союзномъ государствѣ сообща, между тѣмъ какъ остальныя задачи выполняются отдѣльными государствами, которыя, подобно центральной власти сохраняютъ за собою признаки государства, — несостоятельно. Въ этой формулировкѣ господствующей школы, понятіе союзнаго государства не можетъ быть принято, ибо оно стоитъ въ противорѣчіи къ понятію государства[2]). Воля не во всѣхъ отношеніяхъ господствующая надъ государствомъ, не есть господствующая воля такъ же точно, какъ суверенитетъ, которому принадлежатъ только отдѣльные признаки этого понятія,—не есть суверенитетъ. Но гдѣ не существуетъ государственной власти, тамъ нѣтъ и государства. По мнѣнію Зейделя, понятія союзнаго государства вообще не существуетъ, — оно основано на недоразумѣніи. Тѣ формы общежитія, которымъ присвоено названіе союзнаго государства, представляютъ собою или простыя государства, или же союзы государствъ. Сѣверо-

---

[1]) Bundesstaatsbegriff, стр. 188, 189, 193.

[2]) Ibid, стр. 198.

Американскіе Соединенные Штаты, Швейцарія и Германія суть ничто иное, какъ союзы государствъ. Они основаны входящими въ ихъ составъ государствами. Эти послѣднія не отказались отъ своего суверенитета, а согласились осуществлять сообща извѣстныя суверенныя права, общія имъ задачи государственной жизни. Если бы союзная власть перестала осуществлять тѣ или другія права, то онѣ ipso facto перешли бы къ отдѣльнымъ государствамъ и именно потому, что эти государства представляютъ собою первоначальный источникъ правомочій союзной власти. Послѣдняя имѣетъ делегированный характеръ и государства, вошедшія въ составъ союза, остаются неограниченными въ своихъ правахъ, насколько онѣ сами себя не ограничили въ осуществленіи правъ суверенитета. Союзная власть представляетъ собою, такимъ образомъ, не власть единаго государства, а равнодѣйствующую отдѣльныхъ государственныхъ силъ, власть соединенныхъ государствъ. Она не является чѣмъ-либо отъ нихъ отдѣльнымъ и не образуетъ силы, стоящей надъ отдѣльными государствами [1]). Уже отсюда видно, что члены союза не подчинены союзной власти, ибо эти-то отдѣльныя государства и составляютъ союзъ. Конституція союзнаго государства есть договоръ суверенныхъ государствъ. Союзная власть дѣйствуетъ въ предѣлахъ отдѣльныхъ государствъ, какъ мѣстная власть; соотвѣтственно этому и союзное законодательство дѣйствуетъ

[1]) M. Seydel, Commentar zur Verfassungs-Urkunde für das Deutsche Reich 1873, стр. 189.

здѣсь, какъ мѣстное законодательство. Обязательность того и другого основывается на конституціи, опубликованной какъ мѣстный законъ [1]). Зейдель отрицаетъ всякое юридическое значеніе за тѣми постановленіями союзной конституціи, на которыя опираются приверженцы союзнаго государства, усматривающіе въ немъ самостоятельную форму человѣческаго общежитія. Если компетенція союзной власти можетъ быть расширена законодательнымъ порядкомъ и такое измѣненіе ея не требуетъ заключенія новаго договора, то это ничего иного, по мнѣнію Зейделя, не доказываетъ, какъ только то, что такъ постановляетъ конституція и такъ условились суверенные члены союза. Требованіе усиленнаго большинства для измѣненій конституціи означаетъ, что посредствомъ договора меньшинство уже заранѣе дало свое согласіе на такого рода измѣненія, за которыя выскажется требуемое большинство. Если швейцарская конституція постановляетъ, что для измѣненія союзной конституціи, кромѣ согласія большинства кантоновъ, требуется еще согласіе большинства гражданъ, то такое постановленіе свидѣтельствуетъ только о томъ, что составители конституціи считались съ различіями въ величинѣ кантоновъ. Преимущество законовъ союзной власти передъ законами мѣстными объясняется соображеніями удобства. Въ 29 ст. германской конституціи, согласно которой депутаты рейхстага суть представители всего народа, а не отдѣльныхъ государствъ,

---

[1]) Ibid, 9; Bundensstraatsbegriff, стр. 227.

Зейдель видитъ не больше и не меньше, „какъ политическую фразу“ [1]). Такъ же мало говоритъ въ пользу теоріи союзнаго государства и экзекуціонная власть, принадлежащая союзу въ отношеніи государствъ, не исполняющихъ своихъ обязанностей, ибо это свидѣтельствуетъ только о томъ, что государства, на случай нарушенія ими союзной конституціи, уже заранѣе согласились подчиниться экзекуціонной власти Имперіи. Зейдель отрицаетъ далѣе и существованіе союзнаго гражданства; онъ допускаетъ только подданство въ отдѣльныхъ государствахъ. Двойного гражданства на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Такъ какъ государства соединились для совмѣстнаго осуществленія нѣкоторыхъ задачъ государственной жизни и создали для этого общій органъ въ видѣ союзной власти, то эта послѣдняя и приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ отдѣльными гражданами. Но она дѣлаетъ это съ согласія соотвѣтствующаго государства. Повинуясь органамъ союзной власти, отдѣльное лицо повинуется только своему государству, ибо послѣднее установило союзную власть. Союзная власть дѣйствуетъ именемъ мѣстной власти и не имѣетъ собственныхъ подданныхъ [2]). Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что Германская Имперія, Швейцарія и Соединенные Штаты суть ничто иное, какъ союзы государствъ. Но отрицая понятіе союзнаго государства и ограничиваясь двумя формами политическаго общежитія: простымъ государствомъ и союзомъ государствъ,

[1]) Commentar, 142 стр.

[2]) Commentar, стр. 45; Bundesstaatsbegriff, стр. 243.

Зейдель не считаетъ, однако, возможнымъ примѣнить это послѣднее понятіе въ его неизмѣнномъ общеупотребительномъ значеніи къ тѣмъ общежитіямъ, которыя на языкѣ другихъ изслѣдователей называются союзными государствами. Зейдель вынужденъ, такимъ образомъ, расширить понятіе союза государствъ. Онъ различаетъ союзы государствъ, имѣющіе цѣлью осуществленіе интересовъ международныхъ отъ союзовъ государствъ, осуществляющихъ цѣли государственныя. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть союзъ международный, внѣшній, а во второмъ — союзъ внутренній, основанный на началахъ государственнаго права. Къ этому понятію „Staatsrechtlicher Staatenbund", по своему достоинству мало отличающемуся отъ выраженія „pactirte Verfassung", которое такъ возмущало Зейделя, онъ и прибѣгаетъ для объясненія характера Германской Имперіи.

Такова остроумная и послѣдовательная аргументація Зейделя. Если его положительныя построенія и не встрѣтили сочувствія у послѣдующихъ изслѣдователей того же предмета, то за то его неотразимая критика прежде господствовавшей теоріи союзнаго государства, его отрицательное отношеніе къ тѣмъ туманнымъ выраженіямъ и непримиримымъ противорѣчіямъ, которыми изобиловала прежняя литература даже въ лицѣ ея лучшихъ представителей, наконецъ, его стремленіе внести ясность и опредѣленность въ изслѣдуемый предметъ имѣли громаднѣйшее значеніе для послѣдующаго развитія понятія союзнаго государства; такъ что своимъ отрицательнымъ отно-

шеніемъ къ нему Зейдель въ неменьшей мѣрѣ содѣйствовалъ его правильному и ясному опредѣленію, нежели тѣ позднѣйшіе изслѣдователи, которые трудились надъ установленіемъ положительныхъ признаковъ союзнаго государства. Мы уже указывали на то, что изслѣдованіе Зейделя является поворотнымъ пунктомъ въ ученіи о союзномъ государствѣ. Основы старой школы были имъ окончательно подорваны. Объ ограниченномъ суверенитетѣ, о дѣленіи государственной жизни на двѣ части, изъ которыхъ каждая представляетъ собою суверенное государство—не могло быть больше рѣчи. Иначе теорія союзнаго государства оказывалась въ самомъ дѣлѣ въ противорѣчіи съ общепринятыми воззрѣніями на государство. Если суверенитетъ есть существенное свойство государства—а въ этомъ, какъ мы видѣли, не сомнѣвается и Зейдель—то союзъ и члены его не могутъ быть одновременно государствами. Если цѣлое представляетъ собою государство, то входящіе въ составъ его члены не могутъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ провинціями, и наоборотъ—если члены союза не перестали быть государствами, то созданные ими центральные органы не имѣютъ характера самостоятельной, организованной государственной власти. Чтобы разрѣшить эту диллему, оставалось или же вмѣстѣ съ Зейделемъ отказаться отъ понятія союзнаго государства и ограничиться двумя формами общежитія—государствомъ и союзомъ государствъ, или же расширить понятіе государства по сравненію съ тѣмъ, какъ оно было установлено прежней доктриной, и сохранить категорію Bundesstaat'а.

II. Первымъ выдающимся писателемъ, отозвавшимся на рѣзкую критику Зейделя изслѣдованіемъ, посвященнымъ тому же предмету, былъ Альбертъ Генель (Haenel). Въ противоположность Зейделю, онъ утверждаетъ, что общежитія, называемыя союзными государствами, не представляютъ собою простой суммы создавшихъ эти общежитія членовъ. Противъ возраженія, что юридическое лицо есть фикція, нѣчто воображаемое, чему только юридическая техника сообщаетъ жизнь, Генель замѣчаетъ, что дѣло психологіи, этики и антропологіи въ широкомъ смыслѣ этого слова доказать, почему человѣческая природа не только обладаетъ способностью, но чувствуетъ потребность въ стремленіи къ нравственнымъ идеаламъ и жизненнымъ цѣлямъ, возможное осуществленіе которыхъ лежитъ за предѣлами индивидуальной дѣятельности. Эти идеи не подчинены индивидуальной волѣ, а наоборотъ господствуютъ надъ волею и дѣйствіями индивида. Онѣ создаютъ общую волю, которая, какъ нѣчто постоянное, выдѣляется изъ суммы измѣнчивыхъ желаній отдѣльныхъ лицъ. Если за однимъ, многими или всею суммою индивидовъ въ ихъ постановленіяхъ большинствомъ признается способность представлять общую волю, если ихъ воля, независимо отъ согласія отдѣльныхъ лицъ, имѣетъ общеобязательную силу, то цѣлое пріобрѣтаетъ въ нихъ органы выраженія своей воли и дѣйствій. Цѣлое вторгается такимъ образомъ какъ нѣчто внѣшнее въ отношенія членовъ, становится господствующею надъ ними властью и проявляетъ себя въ отношеніи постороннихъ, какъ лицо,

дѣйствующее и обладающее волею [1]).—Признакъ различія между союзомъ государствъ и союзнымъ государствомъ установленъ еще Federalist'омъ. Онъ заключается въ томъ, что союзъ государствъ имѣетъ дѣло съ отдѣльными государствами, между тѣмъ какъ союзное государство, снабженною самостоятельною властью и правовыми средствами, непосредственно господствуетъ надъ подданными. Но ошибочно было бы видѣть въ союзѣ государствъ однѣ только договорныя отношенія отдѣльныхъ государствъ между собою [2]). Въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ имѣютъ мѣсто постановленія большинствомъ и въ которыхъ такимъ образомъ проявляется самостоятельная правовая сфера союза государствъ—отдѣльныя государства являются членами единаго политическаго общежитія, которое представляетъ собою отношеніе господства съ одной и подчиненности съ другой стороны. Коротко говоря и союзъ государствъ есть юридическое лицо [3]). Въ союзѣ государствъ членами юридическаго лица являются отдѣльныя государства, какъ таковыя; здѣсь нѣтъ мѣста для непосредственныхъ отношеній между союзомъ и подданными, союзными учрежденіями и должностными лицами отдѣльныхъ государствъ. Государство, входящее въ составъ союза, ограничено въ своемъ суверенитетѣ въ отношеніи союза не только благодаря договору, но и въ силу подчиненности ему; но въ отношеніяхъ внутреннихъ суверенитетъ его

[1]) Haenel, Studien zum Deutschen Staatsrecht, стр. 59.

[2]) Ibid, стр. 40.

[3]) Ibid, стр. 42.

нисколько неограниченъ [1]). Союзъ государствъ и союзное государство имѣютъ два общія свойства. И союзное государство образуетъ политическое единство только въ качествѣ международной личности, во внѣшнихъ его сношеніяхъ съ другими государствами. И оно предполагаетъ наличность политическихъ общежитій, организованныхъ и дѣйствующихъ по образцу государства. Но союзное государство разрушаетъ суверенитетъ соединенныхъ государствъ, становясь въ непосредственныя отношенія къ гражданамъ [2]). Въ отношеніяхъ союзнаго государства къ гражданамъ и къ подчиненнымъ ему органамъ цѣлаго или отдѣльныхъ государствъ не можетъ быть рѣчи о договорныхъ постановленіяхъ конституціи и созданныхъ будто бы ею договорныхъ отношеніяхъ. Здѣсь союзное государство является государствомъ въ полномъ смыслѣ слова, и какъ государственная личность оно выступаетъ и въ международныхъ отношеніяхъ [3]). По поводу возраженія Calhoun'a и Зейделя, что нельзя разрывать государственную жизнь на двѣ части, такъ чтобы каждая изъ нихъ оставалась въ то-же время государствомъ, и что союзное государство есть или ложное названіе единаго государства, или же цѣлое не представляетъ собою государства и мы имѣемъ передъ собою союзъ государствъ—Haenel замѣчаетъ, что постановка вопроса не исчерпывается этой рѣзкой и, повидимому, неотразимой

---

[1]) Ibid, стр. 43.

[2]) Ibid, стр. 46.

[3]) Ibid, стр. 47.

альтернативой. Остается еще мѣсто для воззрѣнія, которое ни въ томъ общежитіи, ни въ другомъ, взятыхъ порознь, не усматриваетъ понятія государства съ его необходимыми аттрибутами, а видитъ его въ органическомъ и планомѣрномъ взаимодѣйствіи обоихъ. Государства не представляютъ собою ни отдѣльные члены союза, ни цѣлое—они являются только политическими общежитіями, дѣйствующими по образцу государства. Государствомъ въ точномъ смыслѣ этого слова будетъ совокупность ихъ обоихъ [1]). Признакъ различія между союзнымъ государствомъ и простымъ нельзя искать въ суверенитетѣ отдѣльныхъ государствъ, ограниченномъ въ его объемѣ и существующемъ на ряду съ неограниченнымъ суверенитетомъ цѣлаго, а только въ такомъ расчлененіи цѣлаго, при которомъ отдѣльныя государства, выходя за предѣлы понятія самоуправленія, осуществляютъ государственныя задачи по образцу государства, т. е. въ силу собственнаго права и по собственнымъ законамъ. Но эти задачи онѣ осуществляютъ въ тѣхъ конституціонныхъ границахъ и условіяхъ, которыхъ требуетъ занимаемое ими положеніе въ цѣломъ.

Читатель видитъ, что теорія Генеля представляетъ собою шагъ впередъ въ ученіи о союзномъ государствѣ. Генель не настаиваетъ больше ни на дѣленіи суверенитета, ни на раздѣленіи государственной жизни на двѣ независимыя части. Онъ признаетъ всю нелогичность такого разрыва жизни націй, который такъ же невоз-

[1]) Ibid, стр. 69.

моженъ здѣсь, какъ онъ не возможенъ въ жизни отдѣльнаго человѣка. По ученію Генеля, ни союзъ, ни его члены, взятые порознь, не образуютъ собою государства Государство видитъ онъ въ органическомъ и планомѣрномъ ихъ взаимодѣйствіи. Только цѣлое является такимъ образомъ государствомъ. Но если съ объективной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія организаціи общества для осуществленія его культурныхъ задачъ такое воззрѣніе и представляется правильнымъ, то для юридической конструкціи союзныхъ отношеній оно слишкомъ недостаточно. Для этого прежде всего необходимо смотрѣть на государство, какъ на субъекта правъ. И союзное государство и его члены суть одинаково субъекты правъ власти, правительственныхъ правомочій и для разграниченія ихъ правовой сферы необходимо ихъ другъ другу противопоставить. Такъ какъ и члены союзнаго государства осуществляютъ важныя государственныя задачи и для этой цѣли обладаютъ властью надъ своими подданными въ силу собственнаго права, то и союзъ и его члены являются государствами. Разница замѣчается только въ томъ, что союзъ обладаетъ свойствомъ суверенитета, котораго лишены его члены. Если же государство видѣть только въ цѣломъ, если считать союзное государство организмомъ, въ которомъ отдѣльнымъ государствамъ присвоены извѣстныя функціи, то такимъ образомъ исчезаетъ всякое различіе между союзнымъ государствомъ и простымъ и отдѣльныя государства являются только учрежденіями союза, частями его организаціи. Между

тѣмъ существо союзнаго государства заключается именно въ томъ, что оно предполагаетъ государственный характеръ его членовъ. Haenel удерживаетъ старую точку зрѣнія на различіе между союзнымъ государствомъ и союзомъ государствъ, находя ее въ тѣхъ непосредственныхъ отношеніяхъ, какія въ союзномъ государствѣ существуютъ между центральною властью и гражданами. Въ теоріи Генеля отступаетъ такимъ образомъ на задній планъ то характерное обстоятельство, что союзное государство осуществляетъ свои верховныя права надъ отдѣльными государствами, что оно господствуетъ надъ своими членами.—Не смотря на остроумное опредѣленіе суверенитета, какъ права распоряжаться своей компетенціей, Генель не освободился однако отъ нѣкоторыхъ неясностей въ употребленіи этого понятія. Онъ говоритъ еще о суверенитетѣ, ограниченномъ въ отношеніи союза и неограниченномъ во внутреннихъ отношеніяхъ, затемняя такимъ образомъ самимъ имъ уясненное понятіе; онъ говоритъ о разрушенномъ суверенитетѣ, не оговаривая, однако, ближайшимъ образомъ, допускаетъ ли онъ существованіе частичнаго или относительнаго суверенитета, какъ остатка такого разрушенія, что въ виду тогдашняго состоянія литературы, имѣло бы большое значеніе. Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ Генель мимоходомъ замѣчаетъ, что суверенитетъ принадлежитъ исключительно Имперіи, опредѣляющей свою компетенцію и, слѣдовательно, компетенцію отдѣльныхъ государствъ, которыя вслѣдствіе этого не могутъ быть суверенными. Но отказывая имъ въ

суверенитетѣ, называя ихъ только общежитіями, организованными и дѣйствующими по образцу государства, Генель не останавливается, однако, на вопросѣ, чѣмъ же отличаются члены союзнаго государства отъ общинъ, провинцій и другихъ подчиненныхъ государству союзовъ?

III. Какъ ни разнообразны были мнѣнія многочисленныхъ писателей о природѣ союзнаго государства, всѣ они представляли собою только частныя отклоненія отъ теоріи Вайца, которая, несмотря на изъяны, причиненные ей критикой Зейделя, продолжала оказывать еще вліяніе на послѣдующую литературу, передавая ей свои отдѣльныя черты, какъ моменты переживанія. Суверенное государство представляется еще единственной формой политическаго общежитія и этого положенія не могли поколебать нерѣшительныя соображенія Генеля. Но самымъ незыблемымъ пунктомъ въ ученіи о союзномъ государствѣ остается требованіе непосредственныхъ отношеній центральной власти къ подданнымъ, которое чуть ли не единогласно установляется всѣми писателями, высказывавшимися по данному вопросу. Ландандъ отвергъ и эти послѣдніе остатки прежней доктрины; онъ строитъ свою теорію на совершенно иномъ базисѣ и по справедливому замѣчанію Зейделя, теорія Лабанда, кромѣ имени, не имѣетъ ничего общаго съ старымъ ученіемъ. Со времени Вайца это была первая теорія, оригинально построенная, научно и послѣдовательно проведенная. Теорія Лабанда вызвала возраженія; но во многихъ своихъ чертахъ легла въ основу всей послѣдующей литературы, которая въ

значительной своей части ею же была вызвана. Никакой другой, столь же самостоятельной, цѣльной, строго научной и послѣдовательно проведенной теоріи союзнаго государства установлено не было. Но главная заслуга Лабанда заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что онъ первый сдѣлалъ попытку изслѣдовать союзное государство не въ одномъ только противоположеніи его союзу государствъ, какъ это обыкновенно дѣлалось прежде, но въ связи со всѣми возможными формами соединеній государствъ [1]).

Всѣ союзы государствъ, въ общемъ смыслѣ этого слова и независимо отъ различія въ ихъ организаціи и цѣляхъ, могутъ быть, по ученію Лабанда, сведены къ двумъ категоріямъ: союзовъ договорныхъ (международныхъ) и карпоративныхъ (на началахъ государственнаго права). Различіе, о которомъ идетъ въ данномъ случаѣ рѣчь, вполнѣ соотвѣтствуетъ различію въ гражданскомъ правѣ—между юридическимъ лицомъ и обществомъ. Ни организація, ни существованіе на вѣчныя времена, ни полнота присвоенныхъ имперіи правъ, ни количество,

---

[1]) Грандіознымъ осуществленіемъ этой мысли представляется трудъ проф. Iellinek'а, Die Lehre von Staatenverbindungen, произведшій сильное впечатлѣніе въ научномъ мірѣ. См. Binding, Die Gründung des Norddeutschen Bundes, стр. 5. Laband, Staatsrecht, I, стр. 70. Со времени Пуффендорфа не появлялось сочиненія, которое бы давало цѣльную обработку всѣхъ исторически извѣстныхъ формъ соединенія государствъ. Этотъ пробѣлъ былъ пополненъ Iellinek'омъ. Brie, Grünhut's Zeitschr. B. XI, стр. 85.

наконецъ, подлежащихъ ея осуществленію задачъ не достаточны для разрѣшенія этого вопроса. Подобно тому, какъ въ области гражданскаго права однѣ и тѣ же задачи, одна и та-же цѣль могутъ осуществляться въ формѣ юридическаго лица и въ формѣ общества и, подобно тому какъ внутреннее устройство общества можетъ приближаться къ организаціи юридическаго лица, а съ другой стороны устройство юридическаго лица можетъ заключать въ себѣ элементы организаціи общества и, несмотря на все это, юридическое лицо и общество представляютъ собою противоположныя понятія, между которыми пролегаетъ цѣлая пропасть—точно такъ-же и государственныя задачи могутъ осуществляться не только государствами, но и общественными союзами государствъ; точно такъ-же и въ общественномъ союзѣ государствъ можетъ имѣть мѣсто тѣсная связь участниковъ его, а въ сложномъ государствѣ—широкая самостоятельность отдѣльныхъ членовъ. Но, несмотря на всѣ переходныя ступени и промежуточныя образованія, нѣтъ такого политическаго союза, который одновременно былъ бы и тѣмъ и другимъ, ибо одно есть отрицаніе другого.

Разница между юридическимъ лицомъ и обществомъ можетъ быть формулирована въ томъ смыслѣ, что юридическое лицо есть субъектъ правъ, въ то время какъ общество представляетъ собою юридическое отношеніе. Такъ-же точно союзъ государствъ представляетъ собою юридическое отношеніе между государствами и не является, поэтому, субъектомъ правъ; государство же есть органи-

зованное единство, лицо, и слѣдовательно, не юридическое отношеніе. Само собою разумѣется, что это не исключаетъ возможности существованія юридическихъ отношеній между государствомъ и его членами подобно тѣмъ, какія существуютъ между корпораціями гражданскаго права и членами этихъ корпорацій. Всякій союзъ государствъ, хотя бы ему были предоставлены самыя широкія и важныя государственныя задачи, представляетъ по своей юридической природѣ образованіе не государственнаго, а международнаго права; напротивъ, какъ бы ни была шатка структура государства, какъ бы ни слаба была связь между его членами, но въ предѣлахъ своей государственной организаціи оно исключаетъ примѣненіе принциповъ международнаго права. Правовымъ основаніемъ союза государствъ, какъ и общества, является договоръ; правовое основаніе государства, какъ и корпораціи гражданскаго права, образуютъ конституція, статутъ. Юридическая личность государства характеризуется тѣмъ, что оно обладаетъ собственными правами власти и самостоятельной волей для осуществленія своихъ задачъ и обязанностей. Именно въ этомъ и заключается различіе между всякаго рода государствами и различными родами союзовъ государствъ. Въ союзѣ государствъ воля союза есть выраженіе общей воли членовъ даже въ томъ случаѣ, когда постановлено, чтобы меньшинство подчинялось волѣ большинства. Въ государствѣ же, хотя бы и сложномъ, воля государства отличается отъ воли его членовъ; она является не суммою ихъ воль, а самостоя-

тельною по отношенію къ нимъ волею, хотя бы члены и были призваны къ участію въ образованіи воли государства. Въ союзѣ государствъ публичныя права власти принадлежатъ отдѣльнымъ, образующимъ союзъ государствамъ, каждому въ его области, хотя бы эти права осуществлялись сообща, или единогласно. Между тѣмъ верховныя права, принадлежащія государству, хотя бы и сложному, являются его самостоятельными правами, а не правами его членовъ, которыя союзное государство осуществляло-бы за нихъ въ качествѣ общаго уполномоченнаго. Члены не принимаютъ участія въ этихъ правахъ, хотя бы были призваны къ ихъ осуществленію. *Права сложнаго государства суть права надъ его членами*, а не права этихъ членовъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ международныхъ союзахъ государствъ члены ихъ являются сами субъектами высшей власти, между тѣмъ какъ при соединеніи государствъ въ одно сложное государство, возникаетъ власть, стоящая надъ отдѣльными государствами и надъ ними господствующая, такъ что эти послѣднія не обладаютъ верховною властью. Верховную, высшую власть, которая не имѣетъ надъ собою никакой другой власти, мы называемъ суверенной. Существенное, характеристическое различіе между интернаціональнымъ союзомъ государствъ и организованнымъ на началахъ конституціи, корпоративнымъ сложнымъ государствомъ заключается въ томъ, что въ первыхъ является суверенною власть отдѣльнаго государства, а въ послѣднемъ этимъ свойствомъ обладаетъ власть центральная.

Въ то время, какъ въ простомъ государствѣ террито-

рія и населеніе подвержены непосредственному господству, верховнымъ правамъ государства—въ сложномъ государствѣ имѣетъ мѣсто двойное (или еще большее) расчлененіе. Территорія и населеніе подлежатъ ближайшимъ образомъ низшей государственной власти, а государства въ свою очередь подвержены высшей государственной власти, которую мы называемъ властью имперскою. Прямымъ, непосредственнымъ объектомъ правъ, принадлежащихъ имперской власти, являются государства; эти послѣднія, какъ единства, какъ юридическія лица публичнаго права, суть члены, подданные имперіи. Существенное свойство имперіи заключается не въ уничтоженіи и не въ подавленіи, а въ медіатизированіи государствъ; отдѣльное государство является властителемъ и въ то-же же время подданнымъ.

Это не исключаетъ возможности осуществленія имперскою властью ея верховныхъ правъ въ отдѣльныхъ отношеніяхъ непосредственно надъ имперскою территоріею, или надъ отдѣльными гражданами; это не исключаетъ ея непосредственнаго воздѣйствія на естественный субстратъ всякаго государстваннаго образованія, на народъ и на территорію. Въ отношеніи отдѣльныхъ функцій имперской власти государства могутъ быть не только медіатизированы, но совершенно устранены и непосредственными объектами для этихъ верховныхъ правъ будутъ не государства, а граждане и имперская территорія. Съ другой стороны, не требуется, чтобы власть отдѣльныхъ государствъ была медіатизирована во всѣхъ отношеніяхъ,

и чтобы имперская власть осуществляла свои права во всѣхъ сферахъ государственной жизни. Въ силу сознательнаго самоограниченія имперіи, отдѣльнымъ государствамъ можетъ быть оставленъ опредѣленный кругъ задачъ, и соотвѣтственно этимъ задачамъ отдѣльныя государства могутъ обладать комплексомъ верховныхъ правъ, относительно которыхъ ихъ медіатизація фактически не проведена. Это нисколько не измѣняетъ существа сложнаго государства, ибо характерный признакъ его заключается въ томъ, что нѣсколько государствъ подвержены высшей государственной власти.

Но не всякое сложное государство есть въ то-же время союзное государство. *Для понятія сложнаго государства требуется наличность власти, стоящей надъ властью отдѣльныхъ государствъ и, слѣдовательно, различающейкя отъ этихъ послѣднихъ.* Но подобно тому, какъ въ единомъ государствѣ государственная власть не всегда имѣетъ одного и того же представителя, а можетъ принадлежать всей совокупности гражданъ, или же одному физическому лицу и соотвѣтственно этому различаютъ демократію, монархію и т. д.—такъ и въ сложномъ государствѣ государственная власть можетъ принадлежать совокупности его членовъ, т. е. отдѣльныхъ государствъ, или же одному изъ нихъ. О союзѣ говорятъ только въ первомъ случаѣ. Для родоваго понятія сложнаго государства не требуется опредѣленной организаціи; но видъ его, *союзное государство*, *опредѣляется именно извѣстною формою его организаціи, участіемъ отдѣль-*

ныхъ государствъ въ образованіи общей воли. Отдѣльныя государства медіатизированы не въ томъ смыслѣ, что подчинены одному изъ нихъ, или государству чужому, но они соединены въ общежитіе высшаго порядка. Онѣ подчинены не отличному отъ нихъ физическому властителю, а идеальной личности, субстратомъ которой являются они сами. Подобно тому какъ въ простой демократіи каждый гражданинъ есть объектъ государственной власти и является вмѣстѣ съ тѣмъ ея участникомъ, такъ и въ союзномъ государствѣ отдѣльное государство есть само по себѣ объектъ имперской власти, но какъ членъ юридическаго лица союзнаго государства, оно принимаетъ въ имперской власти участіе, какъ управомоченный субъектъ. Это участіе не есть исключительное право (Sonderrecht) отдѣльныхъ государствъ, какъ въ обществѣ (Societät), или общей собственности (Miteigenthum); верховныя права имперіи не принадлежатъ отдѣльнымъ государствамъ pro diviso, или pro indiviso. Это участіе отдѣльныхъ государствъ состоитъ исключительно въ томъ, что они являются членами имперіи, и въ основанномъ на этомъ правѣ принимать участіе и содѣйствовать образованію и проявленію имперской воли.

Съ большимъ единодушіемъ высказывается въ литературѣ требованіе, чтобы верховныя права осуществлялись центральною властью союзнаго государства не надъ отдѣльными государствами и не при ихъ посредствѣ надъ индивидомъ, а надъ отдѣльными гражданами непосредственно. Это вѣрно въ томъ смыслѣ, что всякое государ-

ство предполагаетъ наличность народа, ибо оно представляетъ собою порядокъ человѣческаго общежитія. Безъ него нельзя себѣ вообразить союзнаго государства и такъ какъ имперія, какъ лицо, представляетъ собою единство, то при помощи этой государственной организаціи, охваченный ею народъ связывается въ одно цѣлое. Съ другой стороны, оспаривать, что государства имѣютъ подданныхъ и что имъ принадлежатъ надъ этими подданными верховныя права, значитъ лишать ихъ характера государствъ. Нельзя себѣ представить такимъ образомъ подчиненія отдѣльныхъ государствъ Имперіи иначе, какъ съ ихъ территоріями и подданными. Посредствомъ отдѣльныхъ государствъ населеніе расчленяется въ соотвѣтственное имъ число государственныхъ народностей, и въ этомъ расчлененіи онѣ образуютъ единый имперскій народъ. Эти соображенія направлены противъ воззрѣнія, въ силу котораго союзное государство представляетъ собою порядокъ, существующій на ряду съ отдѣльными государствами и ограниченный извѣстными государственными задачами; они направлены противъ утвержденія, что отдѣльный гражданинъ подчиняется въ однихъ отношеніяхъ центральной власти, а въ другихъ—власти отдѣльнаго государства, но никакъ не обоимъ вмѣстѣ и, что отдѣльныя государства ни въ какомъ отношеніи не подчинены союзной власти, такъ какъ представляютъ независимыя, вполнѣ раздѣльныя отъ нея сферы. Законодательство Сѣверо-Германскаго союза и Германской Имперіи представляетъ множество примѣровъ осуществленія союзною властью верховныхъ правъ надъ

отдѣльными государствами. Значительное число статей имперской конституціи и имперскихъ законовъ направляется прямо и несомнѣнно противъ государствъ. Но до тѣхъ поръ, пока послѣднія обладаютъ, какъ самостоятельными верховными правами, судебною властью, властью финансовою, военною, а также административною въ области промышленности — до тѣхъ поръ и имперскіе законы — судебные, таможенные, финансовые, военные, промышленные и т. д. — являются нормами для осуществленія отдѣльными государствами ихъ верховныхъ правъ. То обстоятельство, что имперскіе законы не подлежатъ особой публикаціи со стороны отдѣльныхъ государствъ и что никакое государство не въ правѣ издавать постановленій, противорѣчащихъ имперскимъ законамъ, никоимъ образомъ не противорѣчитъ тому положенію, что имперскіе законы являются по своему содержанію нормами, регулирующими жизненную дѣятельность, права и обязанности отдѣльныхъ государствъ. Государства ручаются Имперіи за то, что имперскіе законы будутъ соблюдаться и исполняться въ предѣлахъ государственной территоріи административными и судебными учрежденіями; по общему правилу, не существуетъ непосредственной зависимости учрежденій отъ центральной власти; ея не существуетъ даже въ тѣхъ областяхъ, которыя подчинены законодательству Имперіи. Еслибы имперскіе законы были нарушены въ какомъ-либо государствѣ, то Имперія не имѣетъ противъ этого никакого другого средства, какъ побудить государство къ исполненію или соблюденію

закона. Имперія осуществляетъ свое право власти въ отношеніи государства и когда приходится прибѣгнуть къ принудительному исполненію, то къ неповинующемуся государству примѣняется экзекуція. Послѣдняя обрушивается на всѣхъ его членовъ, на виновныхъ и невиновныхъ, независимо отъ того, принимали ли онѣ участіе въ нарушеніи имперскаго закона. Экзекуція примѣняется къ нимъ потому, что они члены государства, не исполнившаго своихъ союзныхъ обязанностей и потому, что *Имперія осуществляетъ надъ этимъ государствомъ свои права власти*. Въ союзномъ государствѣ, какимъ оно является по господствовавшему опредѣленію, не было бы мѣста для союзной экзекуціи, ибо если союзное государство и государства отдѣльныя представляютъ собою совершенно раздѣльныя сферы, существующія одна подлѣ другой и осуществляющія свои задачи при помощи своихъ собственныхъ средствъ, то не можетъ быть такой области, въ которой союзное государство могло бы побудить отдѣльное государство къ исполненію его обязанностей. Конечно, имперскіе законы обязываютъ не только государства, но также и гражданъ безъ всякой публикаціи этихъ законовъ со стороны отдѣльныхъ государствъ. Но нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы отсюда слѣдовала непосредственная подчиненность населенія имперской власти, подчиненность, въ силу которой отдѣльные индивиды были бы освобождены отъ власти отдѣльнаго государства въ тѣхъ сферахъ, которыя подлежатъ имперскому законодательству. Такое представленіе вытекаетъ главнымъ образомъ изъ

доктринерскаго противопоставленія союза государствъ союзному государству. Между тѣмъ въ союзѣ государствъ не можетъ быть и рѣчи о законодательной власти союза; издавать законы могутъ здѣсь только отдѣльныя государства; союзъ можетъ лишь установить тѣ основныя положенія, которымъ должны при этомъ слѣдовать отдѣльныя государства. Еслибы рѣшенія союза и назывались законами, то въ дѣйствительности они все-таки не представляютъ собою ничего иного, какъ соглашенія относительно подлежащихъ изданію законовъ. Только публикація въ формѣ мѣстнаго закона и только она одна представляетъ собою настоящее законодательство въ союзѣ государствъ. Но въ союзномъ государствѣ изданіе союзнаго закона не представляетъ собою одного только предписанія отдѣльнымъ государствамъ объ изданіи опредѣленныхъ нормъ,—хотя и это теоретически вполнѣ допустимо и фактически иногда имѣетъ мѣсто,—по общему правилу такое изданіе является уже санкціей правоположенія. Это правоположеніе связываетъ не только государства, какъ таковыя, но и индивидовъ, принадлежащихъ къ этимъ государствамъ, и именно потому, что они имъ принадлежатъ. Оно имѣетъ силу не только для этихъ государствъ, но и въ ихъ предѣлахъ, ибо государства подчинены центральной власти не иначе, какъ съ территоріей и населеніемъ. Союзный законъ образуетъ часть правопорядка не только цѣлаго, но и его частей, т. е. отдѣльныхъ государствъ. Но не слѣдуетъ также понимать того положенія, что отдѣльные граждане, принадлежа къ отдѣльнымъ государствамъ, подчиняются такимъ

образомъ имперской власти, въ томъ смыслѣ, что центральная власть безъ посредства отдѣльныхъ государствъ не можетъ дѣйствовать на нихъ непосредственно, путемъ распоряженій, постановленій и путемъ рѣшеній имперскихъ судовъ. Въ отношеніи управленія и исполненія законовъ союзное государство отличается отъ союза государствъ тѣмъ, что послѣдній вовсе и не можетъ имѣть собственнаго управленія и исполненія законовъ, ибо онъ не имѣетъ государственной власти, между тѣмъ какъ союзное государство такою способностью обладаетъ. Но отнюдь не требуется, чтобы союзное государство повсюду пользовалось и во всѣхъ отношеніяхъ осуществляло эту способность; ему предоставляется выборъ — самому заботиться объ исполненіи законовъ и управленіи, или поручить это отдѣльнымъ государствамъ.

IV. Въ дальнѣйшихъ теоріяхъ мы снова встрѣчаемся то съ непосредственными отношеніями центральной власти къ народу, какъ существеннымъ признакомъ союзнаго государства, то съ суверенитетомъ, какъ неотъемлемымъ свойствомъ всякаго государства. Особенную настойчивость проявляютъ послѣдующіе писатели въ удержаніи перваго изъ указанныхъ требованій. Между тѣмъ споръ объ этомъ не имѣетъ практическаго значенія, такъ какъ удерживая непосредственныя отношенія центральной власти къ населенію, приверженцы этого воззрѣнія вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаютъ, что по цѣлому ряду предметовъ Имперія осуществляетъ свои права власти при посредствѣ отдѣльныхъ государствъ. Вопросъ, слѣдовательно, заключается

только въ томъ, какая изъ этихъ двухъ возможностей должна быть признана нормальной, какая изъ нихъ входитъ какъ составной элементъ въ понятіе союзнаго государства. Настаивая на подчиненіи отдѣльныхъ государствъ союзу, утверждая, что союзное государство состоитъ не изъ 40 милліоновъ членовъ, а изъ 25, Лабандъ подчеркиваетъ, по нашему мнѣнію совершенно правильно, тотъ существенный во всемъ ученіи моментъ, что союзное государство есть вторичное образованіе, что оно представляетъ собою высшую форму общежитія, въ которую отдѣльныя государства входятъ, какъ составные элементы, какъ единицы.

Съ другой стороны, была сдѣлана попытка конструировать союзно-государственныя отношенія на почвѣ органическаго воззрѣнія на государство. Согласно этимъ теоріямъ, центромъ конструкціи должно быть не индивидуалистическое понятіе личности, а понятіе личности коллективной, въ которой во множествѣ членовъ обнаруживается ихъ единство, а въ каждой единицѣ—ея множество. „Вмѣсто того, чобы разрывать корпоративный союзъ на самостоятельныя индивидуальныя части, на него слѣдуетъ смотрѣть, какъ на соціальное существо, въ которомъ, съ одной стороны, какъ и въ естественномъ организмѣ, измѣняющемуся комплексу частей противостоитъ имманентное единство содержащаго эти части цѣлаго, и въ которомъ, съ другой стороны, имѣетъ мѣсто, немыслимая въ естественномъ организмѣ, юридическая связь между бытіемъ цѣлаго и его частей“ [1]).

[1]) Gierke, Labands Staatsrecht und die deutsche Rechtswissenschaft, Schmollers Jahrbücher, 1883, стр. 127.

Обращаясь къ представителямъ этихъ различныхъ воззрѣній, мы встрѣчаемся прежде всего въ хронологическомъ порядкѣ съ ученіемъ проф. Цорна.

Воля государства какъ лица, разсуждаетъ Цорнъ, направлена на господство; существо государства заключается въ осуществленіи правъ власти; единство всѣхъ правъ власти есть суверенитетъ. Суверенитетъ есть первый и самый главный признакъ государства. Образованіе, снабженное въ своей сферѣ суверенитетомъ, есть государство; гдѣ нѣтъ суверенитета, тамъ не существуетъ государства [1]). Суверенитетъ представляетъ собою высшую власть; надъ суверенною властью не можетъ стоять высшей власти, ибо въ такомъ случаѣ эта послѣдняя была бы суверенной; суверенитетъ не можетъ быть дѣлимъ, ибо въ этомъ случаѣ не существовало бы высшей власти [2]). Но ограниченіе суверенитета возможно въ томъ смыслѣ, что носитель его связываетъ себя извѣстными границами въ осуществленіи суверенныхъ правъ. Между несколькими самостоятельными государствами ограниченіе суверенитета можетъ быть установлено только посредствомъ договора; такой договоръ можетъ имѣть своимъ предметомъ лишь осуществленіе отдѣльныхъ суверенныхъ правъ. Мы видѣли, что, удерживая понятіе суверенитета, какъ существеннаго признака государства, Зейдель пришелъ къ отрицанію самаго понятія союзнаго государства. Напротивъ, Zorn утверждаетъ, что обѣ категоріи: союзное

---

[1]) Zorn, Das Staatsrecht des Deutschen Reiches I, стр. 46—47.
[2]) Zorn, стр. 48.

государство и союзъ государствъ должны быть удержаны, для того, чтобы можно было охарактеризовать извѣстныя формы союзнаго государства въ противоположность простому [1]). Но понятія союзнаго государства и союза государствъ различаются тѣмъ, что первое есть государство, а второй — нѣтъ; первое представляетъ собою единое лицо, послѣдній—союзъ многихъ самостоятельныхъ государственныхъ личностей; въ первомъ суверенитетъ принадлежитъ центральной власти, въ послѣднемъ—отдѣльнымъ государствамъ; правовымъ базисомъ союзнаго государства можетъ быть только законъ; правовой основою союза государствъ—договоръ; первое есть субъектъ правъ; второй—юридическое отношеніе.

Образованіе союзнаго государства изъ государствъ до сихъ поръ суверенныхъ совершается обыкновенно путемъ договора; но это отнюдь не необходимо. Договоръ имѣетъ здѣсь своимъ содержаніемъ не взаимное ограниченіе контрагентовъ въ осуществленіи суверенитета, а отказъ отдѣльныхъ контрагентовъ отъ своего суверенитета въ пользу учреждаемой центральной власти; при этомъ они получаютъ обратно отъ этой послѣдней значительную часть суверенныхъ правъ для ихъ осуществленія. Въ союзѣ государствъ отдѣльныя государства взаимно ограничиваютъ себя посредствомъ договора въ интересахъ центральной власти; въ союзномъ государствѣ центральная власть ограничиваетъ себя въ осуществленіи суверенитета посредствомъ закона и въ интересахъ отдѣльныхъ государствъ.

---

[1]) Zorn, стр. 50.

Въ союзномъ государствѣ отдѣльные суверенитеты исчезаютъ и существуютъ только какъ составныя части коллективнаго суверенитета, принадлежащаго центральной власти [1]).

Отдѣльное государство, подобно отдѣльному гражданину, является подданнымъ центральной власти: оно должно повиноваться закону. Для договора, какъ формы установленія правоположеній между равноправными, нѣтъ мѣста въ союзномъ государствѣ, въ отношеніяхъ между центральною властью и отдѣльными государствами. Отличіе союзнаго государства отъ союза государствъ можетъ въ каждомъ данномъ случаѣ основываться только на изслѣдованіи фактическихъ происшествій и составленныхъ на этотъ счетъ документовъ. Изслѣдованіе должно быть при этомъ направлено къ разрѣшенію вопроса: кому принадлежитъ суверенитетъ—отдѣльному государству, или центральной власти? [2])—Переходя затѣмъ къ опредѣленію юридическаго характера Германской имперіи, Цорнъ замѣчаетъ, что суверенитетъ находитъ себѣ самое яркое выраженіе въ установленіи права. Суверенитетомъ обладаетъ тотъ, кто создаетъ право. Въ современной Германской имперіи право создается и центральною властью и двадцатью пятью государствами. Но, что согласно постановленію имперской конституціи, суверенитетъ принадлежитъ центральной власти,—это должно быть еще доказано. Если удастся доказать это, то вмѣ-

[1]) Zorn, стр. 52.

[2]) Стр. 53, 54.

стѣ съ тѣмъ будетъ доказано, что на законодательную власть отдѣльныхъ государствъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на делегированную центральною властью [1]). Статья 78 [2]) конституируетъ центральную власть какъ суверенную власть имперіи, ибо этою статьею центральной власти косвенно предоставлена юридическая возможность лишить самымъ легальнымъ образомъ отдѣльныя государства ихъ существованія. Отсюда необходимо вытекаетъ то юридическое послѣдствіе, что принадлежащая отдѣльнымъ государствамъ правовая сфера предоставлена имъ имперіей. Въ виду этого, съ 1-го іюля 1867 года отдѣльныя государства не являются болѣе государствами, такъ какъ имъ недостаетъ для этого существеннаго признака—суверенитета. Словоупотребленіе сохранитъ за отдѣльными государствами въ новой имперіи, какъ прежде въ старой, названіе государствъ; но въ виду историческихъ воспоминаній, неудобно было бы бороться противъ этого и въ государственномъ правѣ.

Нельзя себя обманывать на счетъ того, что между союзнымъ и простымъ государствомъ не существуетъ такой принципіальной разницы, какъ между простымъ государствомъ и союзомъ государствъ. Признакъ различія заключается здѣсь въ томъ, что центральная власть осуществляетъ не всю совокупность государственныхъ задачъ. Она оставляетъ значительную ихъ часть отдѣль-

---

[1]) Zorn, стр. 55.

[2]) Конст. Герм. Имп., ст. 78: «Измѣненія въ конституціи производятся законодательнымъ порядкомъ» и т. д.

нымъ государствамъ, сохраняющимъ поэтому кругъ дѣятельности, „относительно котораго ихъ медіатизированіе фактически не проведено“ (Лабандъ). Въ предѣлахъ этого круга задачъ граждане остаются подданными отдѣльнаго государства и обязаны ему вѣрностью и повиновеніемъ [1]). Представитель власти и суверенитета въ Германской имперіи организованъ не монархически и не республикански, а плеонархически. Германская имперія представляетъ собою плеонархію. Носителемъ суверенитета является единство тѣхъ 25 факторовъ, которые до того были носителями отдѣльныхъ суверенитетовъ, иначе говоря, „совокупность союзныхъ правительствъ“, созданная образованіемъ центральной власти; подобно тому, какъ имперія есть государство, которому отдѣльныя государства подчинены, и которая въ то-же время есть ничто иное, какъ тѣ-же отдѣльныя государства, понимаемыя какъ отвлеченное единство, такъ и носителемъ имперскаго суверенитета является совокупность носителей отдѣльныхъ суверенитетовъ, или правильнѣе: правовое единство союзныхъ главъ государствъ [2]).

Въ главѣ о суверенныхъ и несуверенныхъ государствахъ мы говорили уже объ опредѣленіи суверенитета, какъ единства верховныхъ правъ. Мы говорили такъ-же о попыткахъ объяснить возникновеніе союзнаго государства

---

[1]) Zorn, 57, 61.

[2]) Zorn, стр. 62—63. Теорія Цорна нашла себѣ приверженца въ швейцарскомъ писателѣ Borel'ѣ, Sur la souveraineté et l'etat fédératif, 1886, стр. 173.

заключеніемъ договора. Допуская возможность договорнаго образованія союзнаго государства, сохраняя за суверенитетомъ значеніе существеннаго признака государства и лишая такимъ образомъ союзное государство его характеристическаго свойства, заключающагося въ томъ, что оно состоитъ изъ гасударствъ, Zorn считаетъ, однако, нужнымъ удержать обѣ категоріи: союза государствъ и союзнаго государства. Онъ основывается на 78 ст. имперской конституціи, сообщающей союзу такъ-называемую въ нѣмецкой литературѣ Competenz-Competenz и приписываетъ ему единственно существенный признакъ государства—суверенитетъ. Члены союза не суть такимъ образомъ государства. Но это и есть самый слабый пунктъ въ ученіи проф. Zorn'a; это и есть тотъ подводный камень, о который разбивается созданная имъ „плеонархія". Zorn не указываетъ положительнымъ образомъ, что представляютъ собою члены союза, тѣ общежитія, которымъ онъ отказываетъ въ свойствахъ государства. Чѣмъ отличаются они отъ провинцій? Если ничѣмъ, то какъ приписываетъ имъ авторъ право участія въ организаціи центральной власти? Слабость этой теоріи лучше всего доказывается тѣмъ, что и самъ творецъ ея мало пользуется ею при обработкѣ государственнаго права Германской Имперіи и въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи совершенно ее игнорируетъ, называя отдѣльныя государства „государствами", трактуя объ ихъ „подданныхъ" и объ ихъ „государственной власти".

V. Къ тому же воззрѣнію на союзное государство,

какъ на государство простое, приводитъ и теорія Iellinek'a. По его ученію, для понятія государства требуется наличность извѣстной сферы безконтрольныхъ дѣйствій. Поручая выполненіе различныхъ государственныхъ задачъ союзамъ, находящимся внутри его, государство можетъ отказаться отъ контроля надъ отправленіемъ этихъ функцій. Государство, владѣющее такими членами, которые обладаютъ безконтрольными полномочіями, состоитъ изъ государствъ. Союзное государство есть поэтому такое государство, въ которомъ суверенная власть такимъ образомъ распредѣляетъ свои функціи, что для собственнаго осуществленія удерживаетъ только опредѣленное ихъ количество, а прочія функціи, внѣ всякаго контроля надъ установленіемъ регулирующихъ ихъ нормъ и надъ способами ихъ осуществленія, при единственномъ условіи соблюденія границъ, установленныхъ конституціей, оставляетъ несувереннымъ государствамъ, созданнымъ путемъ сообщенія имъ самостоятельной государственной власти [1]). Создавая внутри себя рядъ несуверенныхъ государственныхъ властей, сложное государство создаетъ для народа двоякаго рода положеніе. Оно подчиняетъ его несуверенной государственной власти въ отношеніи тѣхъ правъ, которыя оставлены имъ въ безконтрольное распоряженіе. Поэтому въ союзномъ государствѣ народъ подчиняется прежде всего власти центральнаго государства, а затѣмъ и власти отдѣльныхъ государствъ. Отсюда вытекаетъ двойное подданство населенія. Граждане являются под-

[1]) Iellinek, Staatenverbindungen, стр. 278.

данными союзнаго государства и подданными отдѣльныхъ его членовъ. Если союзное государство вызываетъ къ жизни государства, входящія въ его составъ, то союзное подданство является первичнымъ, а подданство въ отдѣльныхъ государствахъ вторичнымъ. Соотвѣтственно этому иностранцы должны были бы быть принимаемы прежде всего въ подданство союзнаго государства, а потомъ уже становиться гражданами отдѣльныхъ государствъ. Такой порядокъ существуетъ въ Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ Штатахъ въ противоположность Швейцаріи и Германіи, гдѣ гражданство союзное предполагаетъ гражданство въ одномъ изъ кантоновъ или государствъ. Но и здѣсь истинный характеръ отношенія обнаруживается въ томъ, что, напр., въ Германіи можно быть подданнымъ имперіи, не будучи подданнымъ отдѣльнаго государства; именно въ такомъ положеніи находится населеніе Эльзаса-Лотарингіи.—Непосредственныя отношенія центральной власти къ народу Iellinek считаетъ безусловно необходимымъ свойствомъ союзнаго государства и условіемъ его органической жизни. Онъ отвергаетъ утвержденіе Лабанда, что въ союзномъ государствѣ народъ только посредственно подчиненъ центральной власти, усматривая въ этомъ остатокъ теоріи договорнаго образованія союзнаго государства. Государству, представляющему собою идеальное единство суммы государствъ, соотвѣтствовала бы, въ качествѣ конституціоннаго органа для участія народа въ образованіи государственной воли,—только делегація отъ парламентовъ от-

дѣльныхъ государствъ. Органическая же природа союзнаго государства, покоющаяся на непосредственномъ взаимодѣйствіи государственной власти и народа, требуетъ парламента, вышедшаго изъ непосредственнаго народнаго избранія; члены его являются не органами отдѣльнаго государства, въ которомъ они избраны для участія въ образованіи общей воли, а непосредственными органами цѣлаго [1]). Въ литературѣ провозглашалась необходимость такого рода организаціи союзнаго государства, чтобы отдѣльныя государства принимали участіе въ возникновеніи воли союза. Такое требованіе вытекаетъ изъ теоріи Лабанда. Но если союзное государство создано не отдѣльными государствами, а націей [2]), то нельзя безусловно требовать, чтобы центральная власть представляла собою единство государствъ. Если установленъ государственный характеръ союзной власти, то съ юридической точки зрѣнія совершенно безразлично, какъ возникаетъ воля союзнаго государства. Подобно тому какъ для понятія монархіи совершенно безразлично, ограниченъ ли монархъ, или не ограниченъ; подобно тому какъ конституціонная и абсолютная монархіи находятъ себѣ мѣсто въ понятіи единодержавія (Einherrschaft), и какъ монархія и республика, несмотря на различіе въ представителяхъ государственной власти, подпадаютъ подъ одно понятіе государства—такъ и для понятія союзнаго государства совершенно безразлично, какимъ образомъ возникаетъ отличная отъ воли государствъ и стоящая надъ

[1]) Iellinek, стр. 283.

[2]) См. выше стр. 66.

ними союзная воля [1]). Для понятія союзнаго государства необходимы три момента — суверенитетъ центральной власти, непосредственное подчиненіе ей народа и существованіе входящихъ въ его составъ государствъ [2]).

Но такъ какъ наличность безконтрольнаго круга вѣдомства не есть характерное свойство государства, а отдѣльныя государства, входящія въ составъ государства союзнаго, подлежатъ во всякомъ случаѣ контролю послѣдняго; такъ какъ далѣе, по воззрѣнію Jellinek'а, отдѣльныя государства пріобрѣтаютъ свои права и средства отъ союза, и народъ подчиненъ прежде всего власти союза, а отдѣльнымъ государствамъ только въ отношеніи тѣхъ функцій, которыя переданы имъ союзною властью и такъ какъ, наконецъ, отдѣльныя государства являются съ юридической точки зрѣнія произведеніемъ цѣлаго — то они не содержатъ въ себѣ ничего такого, чтобы ихъ отличало отъ самоуправляющихся общинъ. Кромѣ того, Jellinek считаетъ и организацію центральной власти безразличнымъ для понятія союзнаго государства моментомъ. Его союзное государство есть такимъ образомъ ничто иное, какъ простое государство.

VI. Въ своей критической статьѣ, посвященной труду Лабанда [3]), Гирке не ограничивается отрицательными выводами, но излагаетъ и свое собственное воззрѣніе на союзное государство. Правосознаніе современыхъ народовъ

---

[1]) Стр. 287.

[2]) Стр. 291.

[3]) Schmoller's Jahrbücher. 1883, стр. 1168 и сл.

проникнуто представленіемъ о томъ, что въ области права, въ каждомъ самостоятельномъ жизненномъ кругу должна существовать высшая связующая власть, стоящая надъ всѣми другими связующими властями (Verbandsgewalten). Оно приписываетъ этой высшей власти извѣстныя задачи и правомочія. Конституированной такимъ образомъ правовой сферѣ оно придаетъ свойство государства. Изъ признака внѣшняго и внутренняго суверенитета вытекаетъ родовое отличіе этой государственной сферы власти отъ сферы всякой другой власти. Ибо въ то время, какъ всякая власть подчинена формально независимому отъ нея правопорядку, государственная сфера власти можетъ быть ограничена только формально отъ нея зависимымъ правопорядкомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя государственную власть лишать ея специфическаго признака суверенитета. Также же точно нельзя представить себѣ государственную сферу раздѣленной, такъ какъ въ этомъ случаѣ будетъ установлено противорѣчивое множество „высшихъ" властей въ предѣлахъ одной и той же правовой области, или же будетъ введено понятіе несувереннаго государства. Если же, не смотря на это, современное правосознаніе признаетъ въ одномъ и томъ же общежитіи многихъ субъектовъ власти, то возникающія при этомъ отношенія могутъ только въ томъ смыслѣ быть поняты, что конституируется извѣстный комплексъ правъ и обязанностей въ видѣ высшей недѣлимой сферы власти, для обладанія которой призывается нѣсколько субъектовъ. Такимъ образомъ и въ

союзномъ государствѣ государственная власть устроена точно такъ-же, какъ и въ простомъ государствѣ. Разница заключается только въ своеобразной формировкѣ субъекта государственной власти, который является здѣсь не единымъ коллективнымъ лицомъ, а множествомъ, опредѣленнымъ образомъ связанныхъ коллективныхъ лицъ. Отсюда возникаетъ вопросъ, какъ конструировать въ союзномъ государствѣ это множество субъектовъ государственной власти. Очевидно, что субъектъ государственной власти недѣлимой въ своей субстанціи можетъ быть усмотрѣнъ только во множествѣ существующихъ государственныхъ личностей, въ ихъ органической связи. Коллективное государство (Gesammtstaat) и государства отдѣльныя образуютъ въ ихъ взаимной связи субъектъ, который обыкновенно состоитъ изъ одной личности. Это органическое общежитіе не есть новая государственная личность, стоящая надъ ея компонентами, ибо ей недостаетъ для этого особой организаціи и собственнаго органа. Но оно не должно вмѣстѣ съ тѣмъ быть разсматриваемымъ, какъ сумма раздѣльныхъ государствъ, ибо только въ опредѣленной конституціонной связи, благодаря которой они прочно соединены и другъ отъ друга зависимы, отдѣльныя государства принимаютъ въ немъ участіе. Органическій характеръ цѣлаго проявляется главнымъ образомъ въ томъ, что оно расчленено. Положеніе его участниковъ неодинаково: коллективное государство является главою общежитія. Поэтому коллективное государство представляетъ во внѣшнихъ отношеніяхъ совокупность государствъ

и въ случаяхъ, вызывающихъ сомнѣніе, оно рѣшаетъ также и во внутреннихъ отношеніяхъ. Этимъ обезпечено необходимое единство въ этомъ множествѣ и, не смотря на раздѣленіе субъекта государственныхъ правъ между нѣсколькими личностями, гарантировано единство государственной власти.

Но если государственная власть въ ея субстанціи находится въ нераздѣльномъ общемъ владѣніи цѣлаго и отдѣльныхъ государствъ, какъ извѣстнымъ образомъ связаннаго множества, то въ отношеніи ея осуществленія эта власть раздѣлена въ видѣ особыхъ правъ участниковъ общежитія. Съ этой цѣлью комплексъ заключающихся въ немъ правомочій раздѣленъ между двумя, разграниченными конституціей, сферами, изъ которыхъ одна, въ ея цѣломъ, поручена коллективному государству, а другая, въ ея многократныхъ дѣленіяхъ, оставлена отдѣльнымъ государствамъ. Отсюда вытекаетъ для коллективной государственной личности такъ же точно, какъ и для отдѣльныхъ государствъ, собственное право государственной власти, которымъ онѣ самостоятельно обладаютъ. Однако ни одна изъ этихъ государственныхъ сферъ сама по себѣ не представляетъ еще государственной власти. Каждая изъ нихъ нуждается въ дополненіи ея другою. Коллективная государственная власть есть, конечно, сама по себѣ уже высшая власть, но въ отношеніи низшихъ она не представляетъ еще собою всей государственной власти. Власть отдѣльнаго государства есть, по крайней мѣрѣ потенціально, вся государственная власть для ея области,

но она не представляетъ собою высшей власти. Коллективное государство, какъ и государства отдѣльныя, осуществляетъ въ раздѣльности только часть правомочій, содержащихся въ суверенной недѣлимой, и сообща имъ принадлежащей государственной власти.

Послѣ сказаннаго становится, по мнѣнію Гирке, яснымъ, почему въ союзномъ государствѣ и цѣлое, и его части суть настоящія государства. Онѣ являются таковыми въ качествѣ невключенныхъ ни въ какую высшую личность носителей единой и только въ отношеніи осуществленія ея, раздѣльной государственной сферы. Въ особенности отдѣльныя государства не были бы государствами ни вслѣдствіе ихъ членскихъ правъ въ предѣлахъ коллективной личности, ни вслѣдствіе ихъ особыхъ правъ въ предѣлахъ ихъ несуверенной, отдѣльной сферы, еслибы не были въ то же время представлены въ ихъ связи съ цѣлымъ въ качествѣ участниковъ суверенной, государственной, совокупной власти. Только такое воззрѣніе объясняетъ возможность того, что германскія государства и ихъ монархи, вопреки единству Имперіи, являются во внѣшнихъ сношеніяхъ международными субъектами и пользуются почетными правами суверенитета. Только оно объясняетъ существующую въ нашемъ правосознаніи принципіальную разницу между государствомъ и общиннымъ союзомъ, такъ какъ оно непримѣнимо къ этому послѣднему.

Туманность и противорѣчивость теоріи Гирке, конструирующей союзное государство, установлена не только

тѣми, кому она противопоставлена [1]), но и изслѣдователями, стоящими на почвѣ его принциповъ [2]). Гирке считаетъ суверенитетъ существеннымъ признакомъ государства. Признавая необходимость существованія высшей союзной власти, стоящей надъ всѣми внутренними союзными властями, называя коллективную власть „властью высшею“ и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльныя государства государствами, Гирке считаетъ такимъ образомъ суверенными и цѣлое, и его части, т. е. возстановляетъ отжившее ученіе о двойномъ суверенитетѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ утверждаетъ, что ни коллективное цѣлое, ни отдѣльныя государства не представляютъ сами по себѣ государственной власти. Тѣмъ не менѣе члены союза суть государства, потому что являются носителями единой государственной власти. Эта послѣдняя находится въ нераздѣльномъ общемъ владѣніи цѣлаго и отдѣльныхъ государствъ, какъ извѣстнымъ образомъ связаннаго множества,—т. е. коллективное государство присоединяется къ отдѣльнымъ государствамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними образовать субъектъ, которымъ само оно является! Это органическое общежитіе не есть вмѣстѣ съ тѣмъ новая личность, возвышающаяся надъ ея членами и въ то же время это коллективное общежитіе является главою общежитія, т. е. главою себя самаго. Оно представляетъ собою органическій союзъ, но лишено организаціи и органовъ. Словомъ, получается опредѣленіе, согласно которому союзное государство есть соединеніе

[1]) Laband, I, стр. 80.

[2]) H. Preuss, стр. 64.

союзнаго государства и его членовъ въ органическое цѣлое, лишенное организаціи и органовъ и не представляющее собою ни государственной личности, ни суммы независимыхъ другъ отъ друга государствъ [1]).

VII. Отвергая теорію Гирке, Hugo Preuss посвящаетъ, однако, свой обширный трудъ [2]) „dem Vorkämpfer der deutschen Genossenschaftstheorie", который будто бы уклонился въ конструкціи союзнаго государства отъ основъ своего собственнаго ученія и только поэтому пришелъ къ неправильнымъ выводамъ; ибо если быть послѣдовательнымъ, то только эта Genossenschaftstheorie можетъ дать ключъ къ разрѣшенію вопроса о различіи между государствомъ и общиной; только на ея почвѣ можно добыть результаты, болѣе плодотворные, нежели наличные итоги двухсотлѣтнихъ усилій изслѣдователей, равняющіеся полному банкротству ученія о союзномъ государствѣ. Въ противоположность другимъ современнымъ писателямъ, которые брали за отправный пунктъ критическія изслѣдованія своихъ предшественниковъ и продолжали такимъ образомъ строить зданіе, начатое послѣдними — Hugo Preuss предпринимаетъ пересмотръ всего ученія съ самаго его основанія. Исходная точка, методъ и самая цѣль изслѣдованія—все должно быть измѣнено.

Догматическая исторія ученія о союзномъ государствѣ

---

[1]) Laband, I, стр. 80.

[2]) Gemeinde, Staat, Reich als Gebietskörperschaften, Berlin. 1889.

показываетъ, что посредственно, или непосредственно, но отправнымъ пунктомъ изслѣдованія было понятіе суверенитета. Главныя фазы въ развитіи ученія знаменуются постоянною перемѣною мѣста, которое отводилось этому понятію. Но гдѣ бы ни находилось это понятіе, повсюду оно образуетъ тотъ подводный камень, о который разбиваются созданныя конструкціи. Ученіе о дѣленіи суверенитета оказалось несостоятельнымъ. Чтобы спасти понятіе союзнаго государства, пришлось исключить суверенитетъ изъ числа существенныхъ признаковъ государства и допустить возможность существованія несуверенныхъ государствъ. Но дальнѣйшій ходъ ученія обнаружилъ безплодность и этой операціи. Пока понятіе суверенитета занимаетъ какое-либо мѣсто въ конструкціи государства, до тѣхъ поръ ученіе о союзномъ государствѣ будетъ стоять передъ печальной альтернативой—отвергнуть различіе между несуверенным государствомъ и общиннымъ союзомъ, такъ какъ противоположность ихъ обоихъ суверенному государству стушевываетъ между ними всякое различіе, или же въ болѣе или менѣе скрытой формѣ вернуться къ оставленному ученію о дѣленіи суверенитета. Напрасно ищутъ въ отдѣльныхъ конструкціяхъ причину, почему всѣ онѣ разбиваются о понятіе суверенитета. Причина этого заключается не въ той или другой формулировкѣ понятія, а въ самомъ его существованіи, въ удержаніи идеи суверенитета [1]. Исключеніе этого понятія изъ догматики государственнаго права есть

[1]) H. Preuss, стр. 91 и сл.

первое условіе, осуществленіе котораго будетъ содѣйствовать прогрессу современной теоріи государства. Въ литературѣ многократно обнаруживалось сознаніе, что понятіе сувереннаго государства есть не повсюду дѣйствующая, абсолютная логическая категорія, а теоретическая абстракція отъ единственной, исторически возникшей и, слѣдовательно, исторически измѣнчивой фазы развитія. Изъ этого воззрѣнія слѣдуетъ сдѣлать ближайшій, вытекающій изъ него выводъ. До сихъ поръ ограничивались тѣмъ, что исключали суверенитетъ изъ числа отличительныхъ признаковъ государства. Но если на этомъ не останавливаться, если, исходя отъ вышеозначеннаго вѣрнаго воззрѣнія и внѣ всякихъ апріорныхъ предположеній подвергнуть критическому анализу самое понятіе суверенитета, то нужно признать, что оно принадлежитъ такому міросозерцанію, которое вмѣстѣ съ соотвѣтствующими ему формами проявленія отошло для западной Европы въ область прошлаго. Подобно тому, какъ реальныя формы государствъ существенно различны по времени и по мѣсту, такъ-же точно и въ теоретическихъ воззрѣніяхъ этимъ формамъ должны соотвѣтствовать различныя основныя идеи. Нельзя на основаніи одного и того же понятія представить себѣ греческое государство-городъ и римскую всемірную имперію, современное правовое государство и восточный султанатъ. И подобно тому, какъ абсолютное монархическое государство 17-го и 18-го вѣка рѣзко отличается отъ средневѣковаго феодальнаго государства, такъ-же точно современное конституціонное и

правовое государство отличается отъ государства абсолютнаго. При конструкціи союзнаго государства рѣчь идетъ исключительно о современномъ правовомъ и конституціонномъ государствѣ. Тѣмъ не менѣе при такой конструкціи постоянно отправляются отъ идеи истекшаго періода государственной жизни, отъ принципа абсолютнаго государства, отъ понятія суверенитета. Этимъ самымъ вносятъ въ конструкцію своеобразнаго современнаго политическаго образованія совершенно разнородный и несоизмѣримый элементъ, о который съ логическою необходимостью разбиваются всѣ попытки принципіальнаго изслѣдованія союзнаго государства. Подобно тому, какъ нельзя теоретически построить абсолютное государство на феодальномъ принципѣ и ленной вѣрности, такъ-же точно нельзя отъ понятія суверенитета прійти къ теоріи современнаго государства. Ленная связь была идеальнымъ основаніемъ средневѣковаго феодальнаго государства точно такъ-же, какъ суверенитетъ былъ принципомъ государства абсолютнаго. Для конструкціи правоваго государства требуется третій специфически отличный принципъ, если только признать его самостоятельной стадіей въ развитіи государства.

Объясненіе тому, что это требованіе не выступаетъ съ достаточною ясностью въ литературѣ, нужно искать въ практикуемомъ ею методѣ изслѣдованія. Существо этого метода представляется извращеніемъ естественнаго хода вещей, ибо изслѣдователи въ своихъ конструкціяхъ отправляются сверху внизъ. Конечно, въ философскихъ

введеніяхъ признается ходъ развитія отъ меньшаго къ большему и здѣсь обыкновенно устанавливаютъ такой порядокъ: община, государство, союзъ государствъ; но какъ скоро дѣло доходитъ до юридической конструкціи, такъ начинаютъ съ союзнаго государства, чтобы въ концѣ концовъ перейти къ общинѣ. Эта метода является наслѣдіемъ міросозерцанія абсолютнаго государства и стоитъ въ неразрывной связи съ понятіемъ суверенитета.

Эволюціонно-историческій методъ изслѣдованія, которое переходитъ отъ низшаго къ высшему, отъ простаго къ сложному, представляется общимъ теченіемъ, свойственнымъ всѣмъ отраслямъ современнаго знанія. Если примѣнить этотъ методъ, оказавшійся повсюду плодотворнымъ, къ государственному праву и спеціально къ разрѣшенію предлежащей проблемы, то и ключъ къ пониманію государства прійдется искать въ ходѣ его развитія. Согласно этому методу, изслѣдованіе начнется не сверху, не съ понятія суверенитета, а снизу—отъ самаго меньшаго, отъ самаго простого понятія — отъ границы индивидуальнаго права. На этомъ пути Preuss надѣется достигнуть до основнаго принципа, который въ качествѣ вѣрной абстракціи отъ современной государственной жизни замѣнитъ собою несостоятельное понятіе суверенитета, какъ центральной идеи въ конструкціи государства.

Къ устраненію понятія суверенитета, къ измѣненію метода долженъ присоединиться еще третій моментъ—измѣненіе цѣли изслѣдованія. До настоящаго времени наука дѣйствовала на широкомъ полѣ какого-то общаго союзнаго

права и даже изслѣдованія, спеціально посвященныя государственному праву Германіи, предполагаютъ существованіе общаго союзнаго права, которое нашло себѣ болѣе или менѣе модифицированное осуществленіе въ Германской имперіи [1]). Авторъ не ставитъ себѣ цѣлью конструировать союзное государство вообще; устраняя понятіе суверенитета, и при помощи вышеуказанной методы, онъ стремится изслѣдовать одну только Германскую имперію въ ея правовой структурѣ. Соотвѣтствеоно этому, цѣль изслѣдованія ограничивается обработкою германскаго права, изысканіемъ его общихъ началъ и историческаго образованія. Если догматическая исторія показала, что въ настоящее время основной пунктъ проблемы заключается въ вопросѣ о различіи государства, входящаго въ составъ союзнаго государства отъ общиннаго союза государства децентрализованнаго, то вопросъ этотъ не можетъ быть разрѣшенъ въ такой общей формѣ, а долженъ быть формулированъ въ смыслѣ отличія государства, входящаго въ составъ Германской имперіи отъ ея же общинныхъ союзовъ [2]).

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, Preuss переходитъ къ анализу характера абсолютнаго государства. Какъ того требуетъ понятіе суверенитета, абсолютное государство было учрежденіемъ κατ' ἐξοχήν для господства надъ всѣмъ человѣческимъ общежитіемъ; оно было единственной формой его проявленія и не терпѣло ни надъ собою,

[1]) Стр. 97.

[2]) Стр. 98.

ни на ряду съ собою никакого политическаго общежитія. Оно не знало ни международнаго права, ни права меньшихъ общежитій, выходящаго за предѣлы частно гражданскихъ persona ficta; да и вообще по самому своему существу оно не знало никакого публичнаго права. Ибо если право, какъ опредѣляетъ его Розинъ, есть разграниченіе воли личностей, то понятіе публичнаго права предполагаетъ признаніе того, что и государство есть личность, хотя бы и высшая. Но именно это противорѣчитъ идеѣ сувереннаго государства. Государство суверенное не подходитъ подъ понятіе лица, а является, по сравненію съ нимъ, чѣмъ-то безсвязнымъ. Лицомъ является оно только въ гражданскомъ правѣ, гдѣ, освобожденное отъ своего специфическаго государственнаго характера, оно, въ качествѣ фиска, обращается въ обыкновенную persona ficta; только здѣсь можетъ быть рѣчь о разграниченіи его воли отъ воли другихъ лицъ. Только отношенія индивидовъ носятъ здѣсь правовой характеръ; съ понятіемъ суверенитета совмѣстимо только частное, но не публичное право [1]).

Относительно возникновенія государства Preuss замѣчаетъ, что если судить по тѣмъ государствамъ, какія когда-либо существовали, то и новыя государства могутъ быть основаны посредствомъ договора. Но принципіальный вопросъ заключается въ томъ, какимъ образомъ возникла идея государства? Смотря по отвѣту на этотъ

[1]) H. Preuss, стр. 114.

вопросъ, мы и въ тѣхъ государствахъ, которыя основаны на договорѣ, найдемъ образующую ихъ силу въ чемъ либо другомъ, ибо договоръ является только выраженіемъ этой силы. Значеніе органическаго воззрѣнія на государство имѣетъ отрицательный характеръ. Оно отвергаетъ мысль, что государство есть произвольный продуктъ сознательной человѣческой воли; но и къ теоріямъ божественнаго происхожденія государства и родственнымъ имъ ученіямъ оно относится такъ-же такъ, какъ современное естествознаніе къ догматамъ религіи. Не оспаривая ихъ, оно не считаетъ все-таки божественнаго происхожденія положительнымъ научнымъ объясненіемъ и этой ссылкѣ предпочитаетъ сознаніе, что по крайней мѣрѣ въ настоящее время государствовѣдѣніе не можетъ объяснить возникновенія идеи государства.

H. Preuss заявляетъ, что если ожидать отъ органическаго ученія о государствѣ специфической характеристики, которая бы отличала образованія, называемыя государствами, отъ подобныхъ имъ явленій, то это значило бы ошибаться относительно его дѣйствительнаго содержанія. Наоборотъ, органическое воззрѣніе показываетъ сходство между государствомъ и аналогичными союзами; оно видитъ въ государствѣ одно только звено въ нескончаемой цѣпи организмовъ. Естественныя науки занимаются рядомъ органическихъ явленій и эволюцій, которыя отъ протоплазмы восходятъ до человѣка. Здѣсь начинается дѣятельность такъ называемыхъ нравственныхъ дисциплинъ, и этимъ рядомъ органическихъ явленій и эволю-

цій, которыя отъ индивида восходятъ до международнаго общенія, занимаются въ особенности правовѣдѣніе и государствовѣдѣніе. Органическая теорія выясняетъ общія черты соціальныхъ образованій: семьи, племени, народа; корпораціи, общины, государства. Она показываетъ первообразъ государства, какъ организма, въ низшихъ и болѣе узкихъ союзахъ. Согласно органическому воззрѣнію, индивидъ можетъ существовать только въ качествѣ члена высшаго организма и такой организмъ долженъ существовать въ силу естественной необходимости, а не въ силу сознательныхъ разсужденій индивида. Одинъ и тотъ же законъ органическаго образованія соединяетъ клѣточки въ болѣе сложные организмы и образуетъ изъ семейнаго организма высшія соціальныя существа; какъ въ протоплазмѣ заключается зародышъ человѣка, такъ въ семьѣ заключается зародышъ государства. Въ области права самостоятельныя существа называются лицами. Однако не всякій организмъ есть лицо; границу между естествознаніемъ и правовѣдѣніемъ образуетъ индивидъ. Это первый организмъ, который является физическимъ и въ тоже время юридическимъ существомъ, т. е. организмомъ и лицомъ. Всѣ низшія организмы суть между тѣмъ организмы, но не лица. Но всѣ высшія лица, включающія индивида какъ свою органическую часть, всегда являются организмами. Такимъ образомъ всякое лицо есть организмъ физическій (индивидъ), или соціальный [1]). Существо организма заключается въ томъ, что онъ представляетъ

[1]) Стр. 146.

собою единство во множествѣ; для пониманія его существа необходимо имѣть въ виду обѣ его стороны—единство и множество, ибо одно множество представляетъ собою неорганическое сосуществованіе, а единство представляетъ собою нерасчлененную, неорганическую массу; только проникновеніе единства множествомъ создаетъ организмъ. Если же, какъ мы это видѣли, органическое воззрѣніе не можетъ сконцентрироваться на одномъ только государствѣ, но должно распространиться на существо личности вообще, то нельзя постигнуть существа личности, если мы—какъ это рекомендуетъ Лабандъ—въ виду единства, отвлечемся отъ множества. Для правильнаго его пониманія, нужно имѣть въ виду обѣ стороны органическаго существа; личность, представляющую собою организмъ, нужно постигнуть какъ единство во множествѣ [1]). Въ анализѣ понятія власти Preuss присоединяется къ воззрѣніямъ Розина, согласно которому власть есть порядокъ господства и подчиненности личностей. Онъ присоединяется также къ противопоставленію правъ власти праву требованія, основанному на томъ, что базисомъ первыхъ служитъ воля лица господствующаго, а не воля лица обязаннаго. Но если рѣчь идетъ о господствѣ и подчиненности лицъ, т. е. волевыхъ единицъ, то съ одной стороны нельзя называть эти лица объектами, т. е. лишенными воли, а съ другой стороны нельзя приписывать собственности характера права власти и говорить о вещныхъ отношеніяхъ власти. Власть надъ

---

[1]) Стр. 162.

другими есть специфическая особенность публичнаго или соціальнаго права. Индивидуальное право установляетъ абсолютное равенство лицъ и ихъ волевыхъ сферъ. Въ этой области отношенія индивидовъ являются обязательственными; возникающія отсюда правовыя отношенія представляются не отношеніями власти, а правомъ требованія, т. е. основываются на волѣ лица обязаннаго. Власть, т. е. господство одной воли надъ другой, мыслима только въ томъ случаѣ, когда лица изъ отношеній сосуществованія вступаютъ въ отношенія органической расчлененности, когда рѣчь идетъ не объ отношеніяхъ индивидовъ, а объ отношеніяхъ коллективной личности къ ея членамъ. Воля тогда господствуетъ надъ другой волей, когда относится къ ней какъ цѣлое къ части. Словомъ, власть есть характеристическое отношеніе, въ которомъ коллективная личность соціальнаго права стоитъ къ своимъ членамъ. Поэтому это особенное правоотношеніе, чуждое индивидуальному праву, возникаетъ уже въ первоначальномъ образованіи соціальнаго права—въ семьѣ—и проникаетъ собою всѣ формы проявленія этой области права [1]. Но подобно тому какъ власть господствующихъ личностей вытекаетъ изъ отношеній органическаго цѣлаго къ его частямъ, такъ изъ того же отношенія возникаютъ права частей въ отношеніи коллективнаго организма, права лицъ подчиненныхъ въ отношеніи личности господствующей. Существо организма заключается во взаимномъ вліяніи членовъ его другъ на друга. И это взаимодѣй-

[1]) Стр. 181.

ствіе, свойственное всему органическому, распространяется не только на взаимныя отношенія членовъ, но и на отношенія членовъ къ цѣлому. Отношенія правъ и обязанностей являются всегда взаимными. Противъ этого основнаго закона органическаго міра погрѣшаетъ Розинъ, противопоставляя государство, какъ единственно управомоченнаго субъекта, корпораціямъ какъ субъектамъ исключительно обязаннымъ. Такая односторонность совершенно чужда существу публичнаго права: и государство имѣетъ обязанности въ отношеніи единичныхъ и коллективныхъ лицъ, входящихъ въ его составъ, такъ-же точно, какъ эти послѣднія имѣютъ въ отношеніи государства права.

Hugo Preuss относится отрицательно къ теоріи, согласно которой государство возникаетъ изъ договора и слѣдовательно, право существуетъ ранѣе государства; такъ-же отрицательно относится онъ къ теоріи, видящей во всякомъ правѣ продуктъ воли государства. Первая основана на смѣшеніи данной формы развитія права съ самой идеей права; вторая—на смѣшеніи данной формы государства съ идеей государства вообще. Если-же, напротивъ, слѣдуя эволюціонно-историческому взгляду, не идентифицировать существа идеи права и государства съ формами ихъ проявленія, которыя созданы необозримымъ рядомъ тысячелѣтій постепеннаго развитія, то тотчасъ становится яснымъ, что вопросъ, предшествовало-ли право государству—не можетъ быть не только разрѣшенъ, но даже и поставленъ; ибо съ этой точки зрѣнія этотъ во-

просъ сводится къ вопросу о томъ, существовалъ-ли человѣкъ до семьи, или семья до человѣка?

Тамъ, гдѣ появляются хотя-бы только два человѣка, тотчасъ-же рождается необходимость разграниченія сферы ихъ воли и возникаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ идея права. И какъ только надъ индивидомъ возвышается первое общежитіе, т. е. семья, такъ этимъ самымъ создается идея государства. О правѣ, существовавшемъ до государства, или о государствѣ, существовавшемъ до возникновенія права, могла-бы только въ томъ случаѣ идти рѣчь, если-бы можно было предположить существованіе индивида до семьи, или существованіе семьи до индивида. Индивидъ и семья, право и государство даны въ ихъ первоначальной формѣ одновременно [1]). Но съ самаго момента возникновенія существуетъ уже дуализмъ между соціальнымъ и индивидуальнымъ правомъ (а не между публичнымъ и частнымъ). Такъ какъ единство воли индивида и семьи, личности единой и коллективной даны одновременно, то и идея права, какъ расчлененія воли лица, обнаруживается въ двоякомъ направленіи. Стремленіе къ позитивированію, свойственное правовой идеѣ, все тѣснѣе и тѣснѣе связывало право съ возвышающимся коллективнымъ организмомъ, въ которомъ оно находило органы, способные его позитивировать. Съ другой стороны существо этихъ организмовъ состоитъ въ расчлененіи, въ господствѣ и подчиненіи лицъ, т. е. въ разграниченіи ихъ воли; оно имѣетъ такимъ образомъ правовой харак-

---

[1]) Стр. 225.

теръ. Этотъ правовой характеръ сопровождалъ коллективные организмы въ ихъ развитіи вплоть до современнаго государства; хотя можетъ быть и скрыто, но онъ былъ имъ всегда свойственъ, ибо всегда они отличались характеромъ коллективныхъ личностей. Существо послѣднихъ заключается именно въ правовой организаціи многихъ лицъ въ одно цѣлое. Конечно, не на всѣхъ стадіяхъ развитія этотъ имманентный правовой характеръ сознавался и положительно выражался; требуемое имъ проникновеніе единства множествомъ могло какъ въ историческомъ развитіи политическихъ образованій, такъ и въ умственномъ развитіи юридическихъ теорій явиться лишь результатомъ многихъ годовъ изученія. Если средніе вѣка явились одностороннимъ выразителемъ принципа множества, то эпоха абсолютнаго государства такъ-же односторонне подчеркнула принципъ единства. Задача этой эпохи состояла въ томъ, чтобы изъ излишняго многообразія средневѣковыхъ образованій изготовить единство современнаго государства. Теоретическимъ выразителемъ этой стадіи развитія была идея суверенитета. Эта идея отрицаетъ моментъ множества въ единствѣ и слѣдовательно самое существо коллективной личности и соціальнаго права. Подобно тому, какъ понятіе лица предполагаетъ понятіе права, такъ съ другой стороны право заключаетъ въ себѣ взаимную связь воли лицъ, различнымъ образомъ подчиненныхъ и соподчиненныхъ. Но такое взаимное правоограниченіе противорѣчитъ до крайности міру идей обсолютнаго государства. Поэтому единое „суве-

ренное“, отрицающее всякое множество государство стоитъ не только внѣ, но въ противорѣчіи съ кругомъ лицъ, которыми, за отсутствіемъ всякаго соціальнаго права, являются одни только индивиды; оно стоитъ надъ правомъ, т. е. внѣ его. Когда задача того времени была осуществлена и современное государство было закончено, тогда выступила наружу, до сихъ поръ скрытая, правовая его природа; она побѣдоносно проникаетъ въ практику и теорію [1]). Истинная природа правоваго государства заключается не въ созданіи права, и не въ исключительномъ его осуществленіи, а въ томъ, что связь, соединяющая совокупность его частей въ высшее органическое единство, есть связь правовая. Государство является какъ-бы клѣтчатою тканью, состоящею изъ простыхъ и сложныхъ клѣтокъ, въ разнообразномъ органическомъ ихъ расчлененіи. Не право создало этотъ организмъ и содержаніе его не имѣетъ исключительно правоваго характера; онъ заключаетъ въ себѣ неисчерпаемую полноту всего того, что вообще свойственно человѣческому общежитію. Но структура ткани, заключающей въ себѣ это содержаніе и въ безчисленныхъ развѣтвленіяхъ связывающей цѣлое съ составными организмами, имѣетъ правовой характеръ. Изучающая это государственная наука есть теорія правоваго государства; государство, положительно выражающее эти имманентныя ему отношенія, есть государство правовое.

По своему существу правовое государство несовмѣ-

---

[1]) Стр. 213, и слѣд.

стимо, конечно, съ идеей абсолютнаго государства, противопоставляющаго суверенитетъ личности [1]). Но ошибочно было бы смѣшивать правовое государство съ государствомъ конституціоннымъ. Внутренно связанныя между собою, какъ право и законъ, они подобно этимъ мало идентичны. Подобно тому какъ законъ есть форма развитія права, такъ и конституціонное государство есть форма развитія правоваго государства. По мѣрѣ выясненія правоваго характера структуры государства, осуществляется и стремленіе его къ позитивированію [2]). Также и въ народномъ представительствѣ, какъ условіи правоваго государства, Hugo Preuss усматриваетъ скорѣе политическій, нежели юридическій постулатъ.

О самоуправленіи авторъ замѣчаетъ, что если современное воззрѣніе на правовое государство покоится на сознаніи, что государство является только звѣномъ въ длинной цѣпи, правовымъ образомъ организованныхъ, коллективныхъ личностей, первая форма проявленія которой семья дана вмѣстѣ съ человѣкомъ; что входящія въ составъ государства личности, не суть продукты его произвола, а представляютъ собою эволюцію одной и той же идеи и что наконецъ и право этихъ коллективныхъ личностей представляетъ собою не произвольный продуктъ государства, а форму развитія идеи, равнородной идеѣ государства, — то отсюда слѣдуетъ, что свойство самоуправляющейся корпораціи обще государству

---

[1]) Стр. 217.

[2]) Стр. 215, 216.

и входящимъ въ его составъ коллективнымъ лицамъ [1]). Если слѣдить такимъ образомъ за развитіемъ не отъ a priori установленнаго и при томъ высшаго пункта, не отъ государства—а наоборотъ, соотвѣтственно естественному порядку ступеней, снизу вверхъ, то нельзя не прійти къ сознанію, что означеніе: самоуправляющаяся корпорація является совершенно излишнимъ для конструкціи понятій, ибо это свойство принадлежитъ не только государству, но всякой коллективной личности въ силу ея природы, если только существо ея, какъ личности, достигло полнаго выраженія.

Hugo Preuss переходитъ затѣмъ къ опредѣленію понятій: ассоціаціи (Genossenschaft), карпораціи и учрежденія. Ассоціаціонный принципъ выражается въ существованіи соціально правовыхъ на ряду съ индивидуально правовыми отношеніями. Тамъ, гдѣ между множествомъ лицъ существуетъ правовая связь, которая не представляетъ собою индивидуально-правоваго обязательственнаго отношенія, тамъ существуетъ ассоціація. Критеріемъ ассоціаціи является, свойственное союзу лицъ, стремленіе организовать изъ частицъ отдѣльныхъ воль одну коллективную волю. Этимъ отличается ассоціація отъ общества, которое всегда характеризуется обязательственнымъ отношеніемъ индивидовъ къ индивидамъ. Общество есть индивидуально-правовое отношеніе; ассоціація — соціально-правовой союзъ. Подобно тому, какъ идеѣ права свойственно стремленіе къ позитивированію и принужденію,

[1]) Стр. 224.

хотя оно существуетъ и безъ достиженія этихъ цѣлей, такъ и идеѣ ассоціаціи свойственно стремленіе къ организаціи отдѣльныхъ личностей въ одну коллективную личность, хотя оно существуетъ и безъ довершенія этой организаціи. Будь это иначе—было бы справедливо римское ученіе, рѣзко противопоставляющее societas и universitas. Именно противъ этого возстала съ самаго начала Genossenschaftstheorie. Есть между людьми такія отношенія, которыя устранили чистую индивидуально-правовую структуру общества и тѣмъ не менѣе не стали законченными союзами лицъ. Это формы развитія идеи ассоціаціи; онѣ выполняютъ пропасть между множествомъ неорганизованнымъ и организованнымъ въ замкнутое единство. Но такъ какъ принципъ ассоціаціи не исчерпывается этими образованіями, а въ своемъ развитіи создаетъ еще другія формы, то для этого рода явленій можно рекомендовать названіе ассоціаціи въ тѣсномъ смыслѣ. Такимъ образомъ ассоціація есть союзъ лицъ, которому свойственъ соціально правовой принципъ соединенія его членовъ въ высшее единство [1]. Ассоціація въ тѣсномъ слыслѣ—такая ассоціація, въ которой вышеуказанный принципъ не доведенъ до полнаго образованія дѣйствительной союзной личности надъ отдѣльными личностями. Тамъ, гдѣ это случилось—ассоціація обратилась въ корпорацію. Существо послѣдней заключается въ томъ, что она представляетъ собою единство во множествѣ, личность коллективную надъ отдѣльными лич-

[1]) Стр. 246.

ностями. Если это единство образуется изъ самого себя, если господствующая въ немъ воля есть воля имманентная и если соотвѣтственно этому органы корпораціи суть исключительно ея собственные органы, то это единство имѣетъ характеръ ассоціаціи. Если же это единство установлено извнѣ, если господствующая воля есть воля трансцендентная и органы корпораціи являются соотвѣтственно этому органами этой высшей воли, то союзъ имѣетъ характеръ учрежденія. Принципъ ассоціаціи и принципъ учрежденія діаметрально противоположны, ибо одинъ изъ нихъ исходитъ снизу, другой сверху. Но они могутъ встрѣтиться въ одной и той же формѣ проявленія, и такая форма будетъ корпораціей. Ея способность соединять элементы ассоціаціи и учрежденія есть ничто иное, какъ вышеуказанная способность коллективной личности быть организмомъ и въ то-же время членомъ высшаго организма. Въ первомъ находитъ себѣ выраженіе элементъ ассоціаціи; во второмъ—элементъ учрежденія. Образованіе такой корпораціи является тогда внутреннимъ органическимъ процессомъ, развивающимся, однако, подъ вліяніемъ высшаго цѣлаго; господствующая надъ нею воля есть имманентная ей общая воля, которая находится подъ вліяніемъ воли высшей, коллективной; ея органы суть ея собственные органы, но они являются вмѣстѣ съ тѣмъ посредственно органами высшаго организма; поэтому оба организма содѣйствуютъ ихъ установленію [1]). Отдѣльныя Германскія государства не суть

[1]) Стр. 254.

исключительно ассоціаціонные союзы; онѣ содержатъ въ себѣ также элементы учрежденія, ибо являются членами имперіи. Имперія тоже не есть чистая ассоціація; она не вполнѣ свободна отъ элементовъ учрежденія. Эти элементы учрежденія покоятся не на положеніи императора и не на совокупности, соединенныхъ въ союзномъ совѣтѣ правительствъ, ибо и императоръ и союзный совѣтъ суть особо квалифицированные органы имперіи; ихъ воля имманентна, а не трансцендентна въ отношеніи воли имперіи. Но и имперія есть членъ высшаго цѣлаго—интернаціональнаго общежитія. Это общежитіе не вполнѣ организовано еще въ настоящее время въ коллективную личность, но начало такой организаціи существуетъ уже въ международныхъ административныхъ союзахъ и въ связующемъ народы международномъ правѣ. Эти образованія являются эмбріонами будущей коллективной личности международнаго общежитія. Въ настоящее время оно представляется вполнѣ аналогичнымъ по своей структурѣ тѣмъ союзамъ, которые мы назвали ассоціаціями въ тѣсномъ смыслѣ. Это есть союзъ множества коллективныхъ личностей, которымъ свойственно стремленіе къ органическому сліянію, но которые не образовались еще въ единство надъ множествомъ. Несомнѣнно, что ходъ развитія направляется къ окончательной организаціи множества государствъ въ органическое единство международной коллективной личности. Это идеалъ, завершеніе идеи ассоціаціи; это полная по своему существу чисто ассоціаціонная корпорація; ибо трансцендент-

ная ей воля, высшее, охватывающее ее цѣлое, немыслимы; она не можетъ поэтому принимать въ себя элементы учрежденія. Напротивъ, современные государственные организмы, а такъ-же и имперія допускаютъ такую возможность; въ противномъ случаѣ ходъ развитія идеи государства и права, какъ его понимаетъ Genossenschafts-theorie, стоялъ бы въ непримиримомъ противорѣчіи съ понятіемъ государства и имперіи. И если въ настоящее время, въ виду несовершенной организаціи международнаго общежитія элементы учрежденія, которыя имперія заключаетъ въ себѣ на ряду съ гораздо большимъ числомъ элементовъ ассоціаціи, уступаютъ по своему значенію тѣмъ элементамъ, которыми обладаютъ отдѣльныя государства и общины, то все-же они не отсутствуютъ, ибо въ противномъ случаѣ имперія не могла бы быть членомъ административныхъ союзовъ; она не могла бы признать за международнымъ правомъ силы, связывающей его волю. Съ развитіемъ международнаго общенія увеличатся и усилятся эти элементы учрежденія, но въ правовой природѣ имперіи, какъ корпораціи, не произойдетъ отъ этого существенныхъ измѣненій. Такимъ образомъ община, государство и имперія суть корпораціи, правовая природа которыхъ представляетъ смѣшеніе элементовъ ассоціаціи и учрежденія. Это смѣшеніе бываетъ различнымъ, такъ какъ элементы учрежденія выступаютъ въ общинѣ сильнѣе, нежели въ государствѣ, а въ государствѣ сильнѣе, нежели въ имперіи. Но на немъ нельзя основывать родовой классификаціи этихъ трехъ формъ

идеи общежитія. Община, государство и имперія суть такимъ образомъ корпораціи и не болѣе какъ корпораціи [1]).

Корпораціи дѣлятся еще на „образовавшіяся" и „произвольныя". Этимъ противоположеніемъ объясняется исключеніе момента цѣли изъ конструкціи понятія общины, государства и имперіи. Для понятія произвольной корпораціи необходимо знаніе ея цѣли, ибо сознательная человѣческая воля создаетъ ее для служенія опредѣленной цѣли. Напротивъ, образовавшіяся корпораціи созданы не сознательною волею; онѣ образовались независимо отъ какой-либо цѣли, а потому нельзя вносить ее въ понятіе ex post. Для понятія зданія, сооруженнаго сознательной волей человѣка, необходима наличность цѣли, ибо оно для какой-либо цѣли строилось. Но горы и море, дѣвственный лѣсъ и населяющія его животныя существуютъ именно потому, что они существуютъ, независимо отъ какой-либо цѣли; и, если кажется, что они осуществляюъ какія-либо цѣли, то на самомъ дѣлѣ это суть только послѣдствія, а не цѣли ихъ существованія. Согласно органическому воззрѣнію, политическія общежитія являются по своему внутреннему происхожденію образовавшимися, а не произвольными корпораціями, каковъ бы ни былъ внѣшній процессъ ихъ возникновенія [1]). Но кромѣ общины, государства и имперіи къ образовавшимся корпораціямъ принадлежатъ еще семья, племя и народъ; отъ политическихъ общежитій послѣдніе отличаются отсутствіемъ въ нихъ вещественнаго суб-

---

[1]) Стр. 257.

страта. Здѣсь мы наталкиваемся на другой принципъ дѣленія корпораціи: на чисто личныя и вещественно условныя. Къ послѣднимъ, для которыхъ, кромѣ множества лицъ, необходимъ еще объективный субстратъ, принадлежатъ общины, государство и имперія. Подобно тому, какъ этимъ онѣ отличаются отъ семьи, племени и народа, такъ отличаются онѣ отъ остальныхъ вещно условныхъ корпорацій, во-первыхъ, тѣмъ, что эти послѣднія произвольны, между тѣмъ какъ онѣ суть корпораціи „образовавшіяся", а кромѣ того, и своеобразностью ихъ объективнаго субстрата. Этимъ своеобразнымъ политическимъ субстратомъ политическаго общежитія является территорія. Отъ всѣхъ другихъ корпорацій община, государство и имперія отличаются тѣмъ, что онѣ суть корпораціи территоріальныя [1]).

H. Preuss переходитъ затѣмъ къ изслѣдованію понятія территоріи и тѣхъ правовыхъ отношеній, въ которыхъ стоятъ къ ней политическія общежитія. Понятіе территоріи въ техническомъ смыслѣ есть понятіе соціально-правовое; оно относится къ особенной организаціи членовъ въ цѣломъ и является элементомъ ихъ расчлененія. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о правовыхъ отношеніяхъ между индивидами, не можетъ быть рѣчи о территоріи; категоріи собственности, владѣнія и т. п., означающія господство воли индивида надъ вещью какъ объектомъ, несоизмѣримы съ понятіемъ территоріи.

Понятіе территоріи есть понятіе правовое и отноше-

---

[1]) Стр. 261.

нія цѣлаго къ его области суть отношенія правовыя, ибо внутреннее расчлененіе, структура коллективной личности имѣетъ правовой характеръ; какъ элементъ этой структуры, понятіе территоріи тоже сохраняетъ правовой характеръ. Но территорія такъ-же не представляетъ собою объекта вещнаго права коллективной личности, какъ членъ цѣлаго не стоитъ въ обязательственныхъ отношеніяхъ къ коллективной личности. Въ обоихъ случаяхъ право послѣдней есть право коллективнаго организма къ его органическимъ частямъ. Территорія какъ объективное правовое единство находится во взаимодѣйствіи съ концентрированіемъ соціальныхъ элементовъ въ субъективное правовое единство, т. е. въ корпорацію. Въ противоположность „учрежденіямъ", объединяющій элементъ имѣетъ здѣсь не личный, а вещный характеръ; онъ не находится внѣ союза, а является его органическою частью [1]).

Территорія представляетъ собою поэтому моментъ въ образованіи корпораціи и возможна только какъ элементъ корпораціи „образовавшейся". Неразрывная органическая связь между личнымъ и вещнымъ элементами такихъ корпорацій основывается на ихъ эволюціонно-историческомъ проникновеніи другъ другомъ. Подобно тому какъ территорія (Gebiet) могла возникнуть путемъ соединенія многихъ обитателей въ корпоративное единство, такъ точно это послѣднее могло только тогда завершиться, когда пространство, занимаемое его членами, приняло характеръ объективнаго единства. Такое генетическое про-

[1]) Стр. 320.

никновеніе возможно только въ теченіи органическаго процесса; оно является продуктомъ органическаго, а не продуктомъ человѣческаго произвола. Поэтому только „образовавшіяся“, а не „произвольныя“ корпораціи являются корпораціями территоріальными.

И такъ территоріальная корпорація есть образовавшаяся корпорація, возникшая изъ взаимодѣйствія соціальнаго и вещнаго процесса концентраціи и обнимающая личное и правовое единство въ ихъ органическомъ проникновеніи другъ другомъ. Территорія есть вещное единство соціальнаго права, неразрывно связанное въ своемъ возникновеніи и существованіи со сгущеніемъ ассоціаціи въ корпоративное единство. Территоріальная корпорація можетъ войти въ составъ только высшей территоріальной корпораціи. Германскія городскія и сельскія общины, округи, провинціи, наконецъ, отдѣльныя государства и Эльзасъ-Лотарингія—суть территоріальныя корпораціи [1]). Существо территоріальнаго верховенства заключается въ правовой способности территоріальной корпораціи себя существенно измѣнять. Это юридическое свойство территоріальнаго верховенства и есть признакъ различія между государствомъ и общиной. Всякаго рода общины суть территоріальныя корпораціи безъ территоріальнаго верховенства. Отдѣльныя же государства, входящія въ составъ имперіи, а также и эта послѣдняя, суть территоріальныя корпораціи съ территоріальнымъ верховенствомъ [2]).

[1]) Стр. 371, 380.

[2]) Стр. 406.

Исходнымъ пунктомъ изложенной аргументаціи Preuss'а является такимъ образомъ положеніе, что суверенитетъ есть достояніе государственнаго устройство, отошедшаго для Западной Европы въ областъ исторіи и что на этомъ принципѣ такъ-же нельзя строить идеи современнаго государства, какъ невозможно на основаніи одного и того же понятія представить себѣ государство греческое, римское или средневѣковое. Но въ чемъ же заключается существо правового государства, каковымъ является и государство союзное? Авторъ утверждаетъ, что не слѣдуетъ смѣшивать государства правового съ государствомъ конституціоннымъ; съ другой стороны и народное представительство является политическимъ, а не юридическимъ признакомъ правового государства. Государство правовое отличается отъ другихъ его видовъ исключительно тѣмъ, что связь, соединяющая совокупность его частей, есть связь правовая. Но этотъ критерій правового государства не можетъ быть признанъ удачно избраннымъ. Правовая связь между внутренними союзами, входящими въ составъ современнаго государства, не есть признакъ, свойственный только нашему времени: его не были лишены и государства прошлаго. Правовая связь между частями и цѣлымъ свойственна государству вообще, на всѣхъ стадіяхъ человѣческаго развитія; она неразрывно связана съ самой идеей государства, которое безъ нея не можетъ существовать. Право образуетъ тѣ невидимыя нити, которыми люди связываются въ одно государственное цѣлое. Правовая связь есть отличительный признакъ государ-

ства по сравненію съ другими формами человѣческаго общенія, основанными на принципѣ интересовъ экономическихъ, религіозныхъ, умственныхъ и т. д. Эта правовая связь можетъ нарушаться и множество страницъ человѣческой исторіи переполнены эпизодами государственнаго произвола и насилія. Но и насиліе облекалось обыкновенно въ легальныя формы, и оно не выходило за предѣлы юридическихъ рамокъ, являясь осуществленіемъ правъ власти. Разница между государствомъ 17 и 18 столѣтія и современнымъ правовымъ съ принципіальной юридической точки зрѣнія не такъ существенна, какъ разница политическая. Несомнѣнно существуетъ различіе и съ юридической точки зрѣнія; но различіе количественное, заключающееся въ большей твердости правопорядка, въ ненарушимости закона, въ уменьшеніи случаевъ отступленія отъ него. Гораздо болѣе важнымъ представляется различіе въ самой организаціи власти и въ содержаніи правовыхъ нормъ, издаваемыхъ теперь при участіи факторовъ, призванныхъ въ современномъ государствѣ къ участію въ государственной дѣятельности. Но, не смотря на измѣненія въ организаціи воли, правовая природа государства не измѣнилась, такъ-же точно, какъ не измѣнилась абсолютная сфера его могущества. Съ формально юридической точки зрѣнія, государство осталось тѣмъ-же самымъ правовымъ союзомъ, который и въ прошломъ объединялъ людей. Оно осталось тѣмъ-же общежитіемъ, организованнымъ при помощи власти и удержало свои прежнія формы волеизъявленія, которыя въ

свою очередь сохранили свою прежнюю силу. Государство является тѣмъ-же субъектомъ международнаго права, оно не измѣнило своей воле- и дѣеспособности. Чтобы обосновать свою теорію H. Preuss прибѣгаетъ къ очевидно неправильному утвержденію, что абсолютное государство не знаетъ международнаго права. Но гдѣ-же тѣ внѣшніе симптомы, на основаніи которыхъ мы могли-бы противопоставить данное государство, какъ правовое, другимъ видамъ государства? Считая конституцію и народное представительство элементами несущественными, Preuss не даетъ взамѣнъ ихъ никакого другого критерія, при помощи котораго можно было-бы съ увѣренностью сказать, гдѣ кончается періодъ исторіи абсолютнаго государства и гдѣ начинается эпоха государства правового. Противопоставленіе „сувереннаго“ государства государству правовому оказывается такимъ образомъ ни на чемъ неоснованнымъ.

Несправедливы далѣе упреки, которые авторъ дѣлаетъ по адресу изслѣдователей, отправляющихся сверху— отъ союзнаго государства и переходящихъ затѣмъ къ государству и общинѣ. Этотъ пріемъ обусловливался состояніемъ изслѣдуемаго объекта и самою цѣлью изслѣдованія. Первоначально она заключалась въ разграниченіи разныхъ видовъ союзовъ, субстратомъ которыхъ являются государства. При наличности столь характернаго признака государства, какъ суверенитетъ, не зачѣмъ было уклоняться отъ прямой цѣли изслѣдованіемъ составныхъ частей государства. Исходя отъ послѣдняго, изслѣдованіе направлялось вверхъ и восходило къ высшимъ формамъ

образованій, слагающихся изъ государствъ. И только впослѣдствіи, когда этотъ признакъ суверенитета потерялъ свой незыблемый характеръ единственнаго критерія государства и когда пришлось въ немъ искать другія отличительныя черты—только тогда явилась необходимость сравнить государство съ общиной и юридически изслѣдовать эту послѣднюю. Но и теперь цѣли изслѣдованія не могли бы быть достигнуты путемъ восхожденія отъ низшихъ формъ къ высшимъ, какъ рекомендуетъ Preuss по принципу Genossenschaftstheorie, ибо по его же собственнымъ словамъ, это эволюціонно историческое восхожденіе можетъ констатировать только черты сходства, между тѣмъ какъ въ данномъ случаѣ задача заключается въ обратномъ—въ установленіи пунктовъ различія и въ разграниченіи разнообразныхъ видовъ союзовъ [1]). Это разграниченіе можетъ быть достигнуто только путемъ противопостановленія однихъ образованій другимъ. Но самый характеръ изслѣдованія заставляетъ и нашего автора слѣдовать по пути, противоположному тому, который онъ рекомендуетъ. Достаточно прослѣдить оглавленіе третьей, созидательной части его труда, которую онъ называетъ синтезомъ, чтобы убѣдиться въ правильности нашего утвержденія. Она начинается не съ общины, а съ ислѣдованія права и государства, правового государства и самоуправленія.

Вопросъ о происхожденіи государства, т. е. о тѣхъ

[1]) Hänel, Zur Revision der Methode und Grundbegriffe des Staatsrechts, Arch. f. œffentl. Recht., 1890, стр. 457.

ближайшихъ причинахъ, которыя непосредственно предшествуютъ возникновенію государства, и о тѣхъ формахъ, въ которыя выливается при этомъ человѣческая дѣятельность, Preuss сводитъ къ вопросу о происхожденіи идеи государства. Замѣнивъ реальную и ясную постановку вопроса какимъ-то изысканіемъ конечныхъ причинъ, авторъ не даетъ, конечно, опредѣленнаго отвѣта, а ограничивается замѣчаніемъ, что хотя государство возникаетъ путемъ договора, но послѣдній представляется только выраженіемъ болѣе глубокой и опять-таки неуказанной имъ причины. Органическое воззрѣніе отвергаетъ мысль, что государство есть продуктъ сознательной воли человѣка. Это все—что, по мнѣнію автора, наука можетъ въ настоящее время сказать по вопросу о происхожденіи идеи государства. Но факты вполнѣ сознательнаго образованія государствъ національныхъ и союзныхъ; случаи предусмотрѣннаго въ конституціи возведенія отдѣльныхъ территорій Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, по достиженіи ими извѣстной густоты населенія, въ равноправныя съ другими Штатами государства [1]), наконецъ, постепенный процессъ превращенія Эльзаса-Лотарингіи въ государство—опровергаютъ эту теорію возникновенія государства, внѣ содѣйствія сознательной воли человѣка. Такъ-же неправильно утвержденіе автора, что вопросъ о томъ, чѣмъ отличается государство, входящее въ составъ союзнаго государства, отъ общиннаго союза децентрализированнаго государства можетъ быть только разрѣшенъ въ формѣ во-

[1]) Конст. Сѣв.-Ам. Соед. Шт., ст. 4, секц. 3. Holst, стр. 101.

проса о различіи между государствами, входящими въ составъ Германской Имперіи и ея общинными союзами. Оно неправильно потому, что противорѣчитъ общеизвѣстной истинѣ, согласно которой достоинство научныхъ выводовъ стоитъ въ прямомъ отношеніи къ широтѣ круга наблюденій. Это въ особенности относится къ данному случаю, гдѣ рѣчь идетъ объ установленіи существенныхъ признаковъ общаго понятія путемъ сравненія объектовъ одной категоріи съ объектами другой—государства съ общинами. Задача научнаго изслѣдованія не исчерпывается установленіемъ пунктовъ различія между государствами и общинами Германской Имперіи, гдѣ моменты существенные могутъ быть смѣшаны съ случайными, свойственными только этому конкретному объекту. Задача заключается въ констатированіи такихъ различій, которыя входятъ въ составъ самого понятія. Мы должны поэтому гарантировать себя отъ ошибокъ, отъ внесенія въ понятіе случайныхъ признаковъ, свойственныхъ тому или другому конкретному образованію. Соотвѣтственно этому, кругъ изслѣдованія долженъ быть по возможности расширенъ, или, по крайней мѣрѣ, теорія, построенная на учрежденіяхъ одного общежитія, должна быть провѣрена путемъ приложенія ея къ учрежденіямъ другихъ общежитій. Такимъ единственно правильнымъ путемъ шли Лабандъ, Еллинекъ и др.

Власть не есть, по Preuss'у, отличительное свойство государства; она присуща всякой коллективной личности и знаменуетъ собою отношеніе цѣлаго къ его части. Также точно свойство самоуправленія обще государству и вхо-

дящимъ въ его составъ коллективнымъ лицамъ. На этихъ моментахъ не можетъ такимъ образомъ основываться различіе между государствами и общиной. Опредѣливъ понятія ассоціаціи и учрежденія, авторъ комбинируетъ ихъ признаки и созданное такимъ образомъ понятіе корпораціи примѣняетъ къ общинѣ, государству и имперіи. Характерное свойство корпораціи заключается въ ея способности быть организмомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ высшаго организма. Ея органы являются вмѣстѣ съ тѣмъ органами высшаго организма. Ея воля имманентна и вмѣстѣ съ тѣмъ трансцедентна. Эту конструкцію, приложимую къ общинѣ и къ государству, автору удается приспособить къ Германской Имперіи только цѣною недопустимой натяжки. Для этой цѣли автору приходится отвергнуть самостоятельное значеніе международныхъ отношеній и смотрѣть на нихъ, какъ на переходной моментъ къ образованію коллективной личности, организма. Преступая поставленныя себѣ границы изслѣдованія, Preuss постулируетъ неосуществимый и едва-ли даже желательный идеалъ всемірно-политическаго единства. Такимъ образомъ всѣ формы человѣческаго общенія принимаютъ въ глазахъ автора однообразный характеръ организма. Не менѣе искусственнымъ представляется намъ дѣленіе корпорацій на „произвольныя“, которыя служатъ опредѣленнымъ цѣлямъ и „образовавшіяся“, которыя возникли какъ слѣдствіе извѣстныхъ причинъ. Такою „образовавшеюся“ корпораціею является Германская Имперія—та самая Имперія, для образованія которой заключались договоры,

избирался и засѣдалъ рейхстагъ; тотъ самый союзъ, день возникновенія котораго былъ заранѣе обозначенъ, и цѣли образованія провозглашены во введеніи къ дѣйствующей конституціи! Въ заключеніе авторъ приходитъ къ тому выводу, что государство обладаетъ территоріальнымъ верховенствомъ и этимъ свойствомъ отличается отъ общины. Это территоріальное верховенство заключается въ способности себя существенно измѣнять. Но есть-ли это та существенная юридическая разница, для установленія которой было предпринято все изслѣдованіе? Не есть-ли это различіе случайный моментъ, съ устраненіемъ котораго не измѣнился-бы характеръ изслѣдуемаго отношенія? Имперія не можетъ предпринять территоріальныхъ измѣненій иначе, какъ съ согласія подлежащаго государства. Но если-бы не только государства, но и представители уступаемой части территоріи получили-бы право влiять на рѣшеніе ея судьбы—неужели-же часть территоріи обратилась-бы, благодаря этому, въ государство? Или еслибы, напр., самостоятельность общинъ была-бы до такой степени расширена, что онѣ получили-бы право соединяться и вообще самостоятельно измѣнять свои границы—неужели же по одному этому онѣ обратились-бы уже въ государства? Мы сомнѣваемся, чтобы можно было отвѣтить утвердительно на эти вопросы и видимъ поэтому въ ученіи Hugo Preuss'a одну изъ попытокъ, освѣтившихъ нѣкоторыя стороны вопроса, но не разрѣшившихъ поставленной проблемы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Заключеніе.

I. Въ предъидущемъ мы представили очеркъ теорій возникновенія, отличительныхъ свойствъ и юридической природы союзнаго государства, какими онѣ являются въ современной нѣмецкой литературѣ государственнаго права. Предъидущія главы могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить иллюстраціей къ той характеристикѣ научнаго движенія въ Германіи, которую мы пытались дать во введеніи къ настоящему изслѣдованію. Заключая его, мы не можемъ еще разъ не указать на ту общую черту, которая проникаетъ собою все разнообразіе изложенныхъ теорій, на строго юридическую обработку предмета и на послѣдовательность, съ которой выдержана эта точка зрѣнія. Ей слѣдуютъ даже тѣ, которые заявляютъ себя ея противниками. Но помимо своего самостоятельнаго значенія, изложенныя теоріи союзнаго государства представляютъ еще тотъ интересъ, что подвергаютъ изслѣдованію различныя стороны государства вообще и пытаются распознать его юридическое существо. Установленіе понятія го-

сударства должно предшествовать всякому изслѣдованію институтовъ государственнаго права. Этимъ понятіемъ опредѣляются дальнѣйшій ходъ и результаты предпринятой работы. Но юридическое изслѣдованіе не можетъ исчерпать сущности государства, во всей его полнотѣ и многосторонности. Юриспруденція имѣетъ дѣло только съ внѣшними отношеніями личностей; она нуждается поэтому въ формальныхъ признакахъ, по которымъ можно было бы распознать государство въ отличіе его отъ другихъ формъ общежитія. Съ этой точки зрѣнія *государство есть общежитіе осѣдлыхъ людей, организованное единою властью*. Власть не создала этого общежитія; она даетъ ему только организацію и опредѣляетъ его границы. Какъ бы ни были разнообразны интересы, соединяющіе людей и раздѣляющіе ихъ на группы, но въ государство, опредѣляемое территоріальными границами, они соединяются только общими политическими учрежденіями, сходящимися въ господствующей надъ ними власти. Если юриспруденція и не можетъ постигнуть послѣдняго основанія, на которомъ зиждется возникновеніе государства, если это возникновеніе и не укладывается въ юридическія рамки, а представляетъ собою историческій фактъ, лишь завершеніемъ котораго обусловливается квалифицирующая и конструирующая задача юриспруденціи, то процессъ образованія государства представляетъ для науки государственнаго права все-таки существенный интересъ съ точки зрѣнія опредѣленія тѣхъ элементовъ, наличностью которыхъ обусловливается наличность и самаго государства. Такимъ

существеннымъ моментомъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что процессъ образованія государства завершился, является съ юридической точки зрѣнія появленіе элемента власти. Образованіемъ власти надъ опредѣленной территоріей и населеніемъ заканчивается процессъ образованія государства. Какъ мы видѣли выше, власть есть возможность повелѣвать людьми. Возможностью безусловныхъ повелѣній обладаетъ одно только государство [1]. Въ силу политическихъ соображеній, государство снабжаетъ этою властью подчиненные ему союзы и корпораціи; но власть послѣднихъ не носитъ уже безусловнаго характера—она делегирована имъ, она не принадлежитъ имъ въ силу собственнаго права. Но обладая способностью повелѣвать, государство обладаетъ и необходимою для этого волею. Благодаря этой единой волѣ, государство является личностью, субъектомъ, лицомъ въ юридическомъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ нѣтъ ничего фиктивнаго, ничего мистическаго; ибо не всякая абстракція

---

[1]) По нашему мнѣнію, власть есть одинъ изъ моментовъ въ понятіи государства. Мы говоримъ поэтому о власти государства. По Зейделю, какъ было упомянуто выше, власть господствуетъ «надъ» государствомъ. (См. возраженія проф. Коркунова, Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ 1890, стр. 18). Проф. Сокольскій, Краткій учебникъ русскаго государственнаго права, 1890, стр. 5, говоритъ о власти «въ государствѣ» и вмѣстѣ съ тѣмъ о принадлежности ея одному изъ «органовъ» государства. Но въ такомъ случаѣ субъектомъ власти является само государство, ибо то, что принадлежитъ органу, хотя бы и въ силу собственнаго права, принадлежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самому субъекту.

есть въ то-же время фикція. Фикція навязываетъ извѣстному составу то, чего въ немъ на самомъ дѣлѣ не существуетъ; она находится, поэтому, въ противорѣчіи съ дѣйствительностью и этимъ отличается отъ абстракціи, которая создаетъ понятіе, соотвѣтствующее реальному явленію [1]). Такою абстракціею является юридическое лицо. Лицо въ юридическомъ смыслѣ не обладаетъ этимъ свойствомъ отъ природы. Это понятіе лица не всегда совпадаетъ съ физическою индивидуальностью; доказательствомъ могутъ служить римскіе рабы, которые не были субъектами правъ, а считались вещью. Но въ настоящее время это свойство связано съ индивидомъ. Оно имѣетъ мѣсто повсюду, гдѣ есть единая, безпрерывная и разумная воля. Эта воля дается природой; при отсутствіи ея, она замѣщается волею другого, которая въ правовыхъ актахъ функціонируетъ такъ, какъ еслибы она была собственной. Но подобно тому, какъ можно замѣстить волю индивида, такъ же точно можно представить волю многихъ. При наличности самостоятельной воли, множество обращается въ единство, а это коллективное единство становится лицомъ, субъектомъ. Такимъ волеспособнымъ и дѣеспособнымъ лицомъ, такимъ субъектомъ въ юридическомъ смыслѣ представляется государство. Этотъ взглядъ на государство, какъ на субъекта, долженъ быть поставленъ во главу угла всякаго юридическаго изслѣдованія. Нельзя опредѣлять государство, какъ

[1]) Dernburg, Pandekten, I, 1884, стр. 135.

юридическое отношеніе [1]), ибо послѣднее предполагаетъ наличность права [2]); а тамъ, гдѣ существуетъ государство, право находитъ себѣ послѣднее основаніе въ волѣ этого государства. Мы должны, поэтому, постигнуть это послѣднее въ цѣломъ, какимъ оно представляется какъ единство, охватывающее своихъ членовъ; мы должны усмотрѣть въ немъ прежде всего субъекта, снабженнаго волею, обладающаго способностью производить физическія и психическія измѣненія и, слѣдовательно, созидать право.

Въ отличіе отъ другихъ субъектовъ, государство обладаетъ способностью самоопредѣленія. Въ то время какъ права и обязанности отдѣльныхъ лицъ пріобрѣтаютъ силу въ признаніи ихъ объективнымъ правомъ, права и обязанности государства коренятся въ его собственной волѣ. Въ этомъ самоопредѣленіи государства заключается вмѣстѣ съ тѣмъ способность самоограниченія. Вступая въ сношенія съ другими лицами, признавая въ нихъ свойства субъектовъ, государство создаетъ право во внутреннихъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ. Въ этомъ признанномъ имъ правѣ другихъ оно находитъ себѣ предѣлъ. Право государства представляется такимъ образомъ болѣе узкимъ, нежели его могущество. Потенціально связанное только предѣлами своей силы, оно фактически при-

---

[1]) Коркуновъ, стр. 21.

[2]) Ein Rechtsverhältniss ist ein rechtlich bestimmtes Verhältniss. Windscheid, 5 Aufl., стр. 94. Unter einem Rechtsverhältnisse ist zu verstehen eine rechtlich begründete Beziehung einer Person zu anderen Personen.... Dernburg, Pandekten, I, 1884, стр. 86.

знаетъ для своей воли иныя границы [1]). Такъ установляетъ государство формы своей организаціи, отдѣляетъ сферу своей дѣятельности отъ дѣятельности частныхъ лицъ и связываетъ свою волю, вступая въ международныя сношенія.

Если государственная власть есть высшая въ предѣлахъ ея территоріи, если надъ нею не возвышается никакой другой власти и способность самоопредѣленія имѣетъ исчерпывающій характеръ въ томъ смыслѣ, что простирается на всѣ сферы его дѣятельности, такъ что ни въ одномъ пунктѣ оно не подлежитъ чужому господству,— то такое государство есть государство суверенное. Суверенная власть есть власть высшая, независимая. Только суверенное государство можетъ опредѣлять границы своего вѣдомства. Въ силу своего суверенитета государство потенціально господствуетъ надъ всѣми сторонами человѣческаго общежитія. Но въ силу того же суверенитета государство можетъ изъять изъ своего вѣдомства извѣстныя функціи индивидуальной и общественной жизни. Государство можетъ, но не должно подчинять всѣ стороны общественной дѣятельности своему руководству и надзору. Какъ далеко идетъ власть въ этомъ отношеніи—это вопросъ положительнаго государственнаго права. Путемъ такого изъятія государствомъ изъ своего вѣдомства опредѣленныхъ проявленій человѣческой жизни и дѣятельности, возникли такъ-называемыя основныя права гражданъ, нашедшія себѣ мѣсто во всѣхъ основныхъ за-

[1]) Jellinek, Gesetz und Verordnung, стр. 198.

конахъ западно-европейскихъ государствъ, за исключеніемъ конституціи Германской. Эти права имѣютъ историческое значеніе и не зная ихъ происхожденія, трудно было бы понять, почему конституціи трактуютъ о свободѣ собраній, свободѣ выраженія мыслей и ни словомъ не упоминаютъ о возможности вступать въ договоры, обязываться векселями, вообще заключать гражданскія сдѣлки, завѣщать. Не отрицая всей важности указанныхъ гарантій, нельзя, однако, видѣть въ нихъ субъективныхъ правъ въ техническомъ смыслѣ этого слова [1].

---

[1]) Съ этимъ не соглашается проф. Коркуновъ: «Отличительный признакъ права въ субъективномъ смыслѣ отъ простой незапрещенности чего-либо заключается въ томъ, что праву соотвѣтствуетъ опредѣленная обязанность, исполненіе которой обезпечиваетъ осуществленіе интересовъ, составляющихъ содержаніе права. Спать никому не запрещено: но вмѣстѣ съ тѣмъ ни на кого и не наложено обязанности содѣйствовать усыпленію, или сну других. Постановленія же законодательства о правахъ гражданской свободы именно налагаютъ на органовъ власти обязанность не нарушать свободы гражданъ, и дѣйствительное исполненіе этой обязанности обезпечено иногда, какъ, напр., англійскимъ актомъ Habeas corpus, даже правомъ судебнаго иска. Гражданинъ не можетъ привлечь къ отвѣтственности брантмейстера, произведшаго ночью въ сосѣдней части ложную тревогу и тѣмъ помѣшавшаго его сну, но можетъ это сдѣлать въ отношеніи къ полицейскому, арестовавшему его или вторгшемуся въ его жилище безъ законнаго къ тому основанія». Цитиров. соч., стр. 91. Но если считать условіемъ субъективнаго права существованіе обязанности, исполненіе которой обезпечиваетъ осуществленіе даннаго интереса, то и сонъ окажется субъективнымъ правомъ, ибо несомнѣнно, что праву на сонъ соотвѣтствуетъ обязанность охранять этотъ сонъ (а не содѣйствовать усыпленію), вытекающая

государство освободило личность отъ тяготѣвшихъ надъ нею ограниченій; оно изъяло изъ своего надзора опредѣленныя функціи индивидуальной и общественной жизни, и эти объекты прежняго воздѣйствія смѣшались теперь съ тою безграничною сферою человѣческихъ отправленій, на которыя государство и прежде никогда не посягало. Этого рода постановленія относятся къ организаціи государственной власти и создаютъ нормы для нея и для ея учрежденій. Само собою разумѣется, что не только съ политической, но и съ юридической точки зрѣнія, они тогда получаютъ практическое значеніе, когда не остаются только во введеніи конституціи, а проникаютъ также въ законы, ближайшимъ образомъ регулирующіе

изъ общей обязанности государства охранять личную безопасность и водворять тишину и спокойствіе. Брантмейстеръ, произведшій ложную тревогу и помѣшавшій чьему-либо сну, можетъ быть безусловно привлеченъ къ отвѣтственности, если дѣйствія его были именно на то направлены, чтобы нарушить покой даннаго лица. Съ другой стороны полицейскій, арестовавшій кого-либо безъ законнаго къ тому основанія, будетъ освобожденъ отъ отвѣтственности даже въ Англіи, если окажется, напр., что онъ былъ введенъ въ заблужденіе предписаніемъ судьи, оказавшимся подложнымъ; если дѣйствія его были результатомъ извинительной ошибки, а не умысла, или неосторожности. Защита интересовъ представляется такимъ образомъ въ обоихъ случаяхъ одинаковой. Между правомъ на сонъ и правомъ на личную, или домашнюю неприкосновенность не оказывается никакой существенной разницы. Ни то, ни другое не можетъ быть признано правомъ въ субъективномъ смыслѣ; это суть дѣйствительно «простыя незапрещенности», которымъ соотвѣтствуетъ одна только отрицательная обязанность, обязанность невмѣшательства.

подлежащіе матеріи [1]). Но имѣя характеръ самоограниченія государства, эти нормы не имѣютъ, конечно, безусловнаго значенія. Съ согласія факторовъ, призванныхъ къ участію въ законодательствѣ и съ соблюденіемъ условій, опредѣляющихъ ревизію основныхъ законовъ, они могутъ быть измѣнены. Кромѣ соблюденія предписанныхъ формъ для такого рода измѣненій нѣтъ никакихъ другихъ юридическихъ препятствій [2]). Въ силу исходящаго отъ него опредѣленія своей компетенціи, суверенное государство обладаетъ такимъ образомъ такою долею правъ, какую оно само для себя установляетъ. Потенціально обладая всѣми верховными правами, государство фактически осуществляетъ только тѣ изъ нихъ, которыми оно овладѣло въ дѣйствительности. Суверенитетъ не есть поэтому комплексъ всѣхъ верховныхъ правъ; онъ представляетъ собою только возможность обладать ими. Для того, чтобы осуществить ихъ, всегда требуется актъ оккупаціи со стороны государства.

Осуществляя свои задачи, государство не всегда дѣйствуетъ при помощи своихъ собственныхъ органовъ. Въ

[1]) Что эти основныя права можетъ въ дѣйствительности постигнуть участь «монологовъ, которымъ никто не внимаетъ», объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., австрійскій законъ о печати, установляющій концессіи, залоги и т. д. См. у Manz'a, Oesterreich. Gesetze, 4, 1888, стр. 325; Ulbrich, Lehrbuch des oesterreichischen Staatsrechts, 1883, стр. 480.

[2]) Но не слѣдуетъ забывать, что отсутствіе юридическихъ препятствій не означаетъ отсутствія препятствій вообще. Мы изслѣдуемъ здѣсь только юридическую природу государства.

силу историко-политическихъ условій, оно пользуется для этого существующими, или же вновь созданными мѣстными союзами. Снабжая ихъ извѣстною долею власти, опредѣляя границы ихъ дѣятельности закономъ, государство активно не вмѣшивается въ осуществленіе предоставленныхъ имъ задачъ, а ограничивается только надзоромъ и субсидіарнымъ понужденіемъ, или замѣщеніемъ ихъ, въ случаѣ неисполненія ими возложенныхъ на нихъ государственныхъ задачъ. Въ этомъ правѣ управляться при помощи своихъ собственныхъ органовъ и заключается существо самоуправленія [1]).

Но государство можетъ ограничить себя въ осуществленіи тѣхъ верховныхъ правъ, которыя принадлежатъ ему соотвѣтственно стадіи историческаго развитія, на которой оно въ данный моментъ находится. Этимъ самымъ оно предоставляетъ ихъ осуществленію другихъ властей и, если власти эти олицетворяются въ самостоятельныхъ органахъ, которые не назначаются и не утверждаются сувереннымъ государствомъ, если онѣ властвуютъ, т. е. устанавливаютъ для подданныхъ обязательныя нормы въ силу собственнаго усмотрѣнія, а не въ силу порученія, или уступки, и ихъ верховныя права принадлежатъ имъ такимъ образомъ въ силу ихъ собственнаго права, а не выведены изъ правовой сферы стоящаго надъ ними государства, то эти власти суть власти государственныя и образованія, органами которыхъ они служатъ, имѣютъ характеръ государства.

[1]) Oscar Gluth, Die Lehre von der Selbstverwaltung im Lichte formaler Begriffsbestimmung, 1887.

Но эти государства несуверенны, ибо, какъ исключительное свойство, суверенитетъ въ предѣлахъ одной и той-же территоріи можетъ принадлежать одному только субъекту. Эти несуверенныя государства существенно отличаются отъ самоуправляющихся союзовъ. Они осуществляютъ свои верховныя права безотвѣтственно; правовое основаніе своимъ повелѣніямъ они находятъ въ собственной волѣ. Ихъ верховныя права не делегированы имъ сувереннымъ государствомъ, ибо послѣднее не считаетъ ихъ входящими въ его компетенцію. Осуществляемыя ими задачи не подлежатъ осуществленію суверенной власти, въ то время какъ функціи, осуществляемыя общинными союзами, суть функціи господствующаго надъ ними государства. Дѣятельность несувереннаго государства нельзя вынудить; ее нельзя замѣстить, ибо суверенное государство можетъ только къ тому принудить, на что активно распространяется его верховенство и только то замѣстить, что входитъ въ сферу его власти. Въ предѣлахъ своей компетенціи суверенное государство можетъ пользоваться несуверенными, какъ непосредственными своими органами, какъ объектами своей власти, или какъ общинными союзами, обладающими правомъ самоуправленія. Но въ другихъ отношеніяхъ суверенное государство можетъ осуществлять только отрицательный контроль надъ дѣятельностью несувереннаго государства съ цѣлью предупрежденія нарушенія установленныхъ для нея границъ. Германская имперія не распространяетъ, напр., своихъ верховныхъ правъ на народное просвѣщеніе; она не обла-

даетъ, поэтому средствомъ понужденія отдѣльныхъ государствъ къ какимъ-либо дѣйствіямъ, или замѣны ихъ въ этой области собственными. Управленіе этой сферой есть собственное право членовъ союза; оно не является въ отношеніи его обязанностью [1]). Таковы отличительныя свойства самоуправляющихся союзовъ и государствъ суверенныхъ и несуверенныхъ [2]).

II. Какъ государство, союзное государство представляется субъектомъ, юридическимъ лицомъ въ противоположность его къ юридическому отношенію. Этотъ характеръ союзнаго государства имѣютъ Швейцарскій союзъ, Германская Имперія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Входящія въ ихъ составъ государства образуютъ союзъ корпоративный, въ противоположность союзу общественному [3]). Рѣшающее значеніе имѣютъ въ данномъ случаѣ не объемъ и не важность правомочій союза [4]), а неза-

---

[1]) Iellinek, Gesetz und Verordnung, стр. 203.

[2]) Проф. Сокольскій употребляетъ терминъ «государствоподобный организмъ» для обозначенія понятія несувереннаго государства, которое онъ не считаетъ государствомъ. Цит. соч., стр. 12.

[3]) О различіи между корпораціей и обществомъ см. Baron Pandekten, 1885, стр. 62; Windscheid, 148, 152

[4]) Laband, I, стр. 81 и сл. Проф. Мартенсъ признаетъ за Швейцарскимъ союзомъ и Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами характеръ союзнаго государства, но отказываетъ въ немъ Германіи, считая ее союзомъ государствъ на томъ основаніи, что имперія не отнимаетъ международнаго представительства у отдѣльныхъ ея членовъ. Такъ за Баваріей, Виртембергомъ, Баденамъ и Саксоніей признано право имѣть своихъ уполномоченныхъ при иностранныхъ дворахъ и т. д. Совр. межд. право, I, стр. 240, 244.

висимость волевой и правовой сферы его отъ сферы отдѣльныхъ государствъ. Эта самостоятельность вытекаетъ изъ слѣдующаго. Для образованія своей воли, союзное государство имѣетъ свои органы, не являющіеся ни соединеніемъ органовъ воли отдѣльныхъ государствъ, ни общими органами правительствъ и населенія отдѣльныхъ государствъ. Постановленіе Германскаго союзнаго совѣта не можетъ быть замѣнено обмѣномъ согласныхъ постановленій всѣхъ правительствъ отдѣльныхъ государствъ, такъ же точно, какъ постановленіе рейхстага не можетъ быть замѣнено согласными постановленіями всѣхъ ландтаговъ отдѣльныхъ государствъ. Законъ, изданный во всѣхъ государствахъ и одинаковый по своему содержанію, не станетъ союзнымъ закономъ и не будетъ имѣть его силы, если государства даже согласятся между собою не подвергать его измѣненіямъ иначе, какъ со всеобщаго согласія; такой законъ стоитъ на одинаковой ступени съ мѣстными законами и посредствомъ акта союзной законодательной власти онъ можетъ быть отмѣненъ во всѣхъ государствахъ. Съ другой стороны, законъ союзный не можетъ быть отмѣненъ постановленіемъ всѣхъ государствъ, если органъ союзной законодательной власти не согласится на его отмѣну. Союзный совѣтъ и рейхстагъ въ Германіи, Сѣверо-Американскій конгрессъ, національное собраніе и союзный совѣтъ въ Швецаріи не суть такимъ образомъ аппараты, собирающіе отдѣльныя воли государствъ и установляющіе результаты этихъ подсчитанныхъ отдѣльныхъ воль, а являются органами самостоятельной

воли, могущей стать въ противорѣчіе съ согласными постановленіями всѣхъ отдѣльныхъ государствъ. Это и есть рѣшающій пунктъ. На немъ становится вполнѣ очевиднымъ, что воля союза не представляетъ собою ни суммы воль отдѣльныхъ государствъ, ни ихъ большинства.

Важнымъ моментомъ въ вопросѣ о самостоятельности правовой и волевой способности союзнаго государства и его суверенной власти надъ отдѣльными государствами является далѣе постановленіе союзныхъ конституцій, въ силу котораго союзъ можетъ расширить свою компетенцію рѣшеніемъ большинства и въ формѣ закона [1]. Вѣдомство, предоставленное напр. Германской Имперіи ст. 4 конституціи [2]) представляется настолько обширнымъ,

[1]) Конст. Герм. Имп., ст. 78, Швейцарск. конс. ст. 119. «Ревизія конституціи производится въ порядкѣ союзнаго законодательства». Конституція Сѣверо-Американскихъ Соед. Шт. требуетъ для дѣйствительности поправокъ, внесенныхъ въ союзную конституцію, утвержденія ихъ тремя четвертями законодательныхъ собраній или конвентовъ отдѣльныхъ штатовъ. Согласія всѣхъ членовъ такимъ образомъ не требуется, за исключеніемъ случая, когда рѣчь идетъ объ измѣненіи условій представительства отдѣльныхъ штатовъ въ сенатѣ. Ни одинъ изъ штатовъ не можетъ быть лишенъ одинаковаго съ другими права голоса безъ его согласія. Ст. 5. Но съ согласія требуемаго большинства трехъ четвертей штатовъ и этотъ пунктъ конституціи можетъ быть общимъ образомъ измѣненъ. Срав. Holst, Das Staatsrecht der Vereinigten Staaten von Amerika, стр. 30.

[2]) «Надзору и законодательству Имперіи подлежатъ нижеслѣдующіе предметы: 1) постановленія о свободѣ передвиженія, объ условіяхъ осѣдлости, о правахъ гражданства, о паспортахъ и полиціи иностранцевъ, о промыслахъ и страхованіи, насколько

что не остается почти ни одной стороны государственной жизни, которой бы оно прямо или косвенно не касалось. Для договорныхъ отношенiй германскихъ государствъ съ цѣлью осуществленiя извѣстныхъ верховныхъ правъ уже эта компетенцiя является слишкомъ обширной и слишкомъ

эти предметы не регулированы уже ст. 3 конституцiи; о колонизацiи и эмиграцiи во внѣгерманскiя земли. 2) Таможенное и торговое законодательство, а также налоги, идущiе на удовлетворенiе потребностей Имперiи. 3) Установленiе системы мѣръ, монетъ и вѣсовъ и основныя начала касательно выпуска бумажныхъ денегъ. 4) Общiя постановленiя касательно банковъ. 5) Патенты на изобрѣтенiя. 6) Охрана духовной собственности. 7) Организацiя общей защиты германской торговли заграницей, германскаго мореходства и его флота; установленiе общаго представительства чрезъ консуловъ, которые назначаются имперiей. 8) Желѣзныя дороги; проложенiе сухихъ и водныхъ путей въ интересахъ защиты страны и передвиженiя. 9) Сплавъ и судоходство по водамъ, прилегающимъ къ нѣсколькимъ государствамъ, ихъ состоянiе, а также рѣчныя и водныя пошлины. 10) Почта и телеграфъ. 11) Постановленiя касательно взаимнаго исполненiя приговоровъ по гражданскимъ дѣламъ и исполненiе судебныхъ порученiй; 12) Также точно относительно засвидѣтельствованiя оффицiальныхъ документовъ. 13) Общее законодательство по обязательственному, уголовному, торговому и вексельному праву и судопроизводству. 14) Имперское войско и его флотъ. 15) Мѣры медицинской и ветеринарной полицiи. 16) Постановленiя о печати и собранiяхъ. О государственномъ устройствѣ Германской Имперiи см. соч. А. Д. Градовскаго, Германская конституцiя 1876, т. II. Первый томъ посвященъ политической исторiи Германiи съ начала нынѣшняго вѣка и до образованiя Сѣверо-Германскаго союза и Германской Имперiи включительно. Срав. конст. Сѣв. Ам. Соед. Шт., ст. 1, секц. 8 и ст. 3; конст. Швейцарск. союза: ст. 8, 16, 12, 20, 22—28, 31, 33—34, 36—51, 55, 64, 66—70, 110—115.

неопредѣленной въ своихъ границахъ. То обстоятельство, что отдѣльное государство отказывается отъ своего индивидуальнаго согласія и признаетъ за рѣшеніемъ большинства членовъ союзнаго законодательнаго собранія значеніе связующей его нормы, это обстоятельство создаетъ высшую волю, стоящую надъ волею отдѣльныхъ государствъ. Совокупность предметовъ, предоставленныхъ имперіи статьею 4, не есть только извѣстное количество отдѣльныхъ государственныхъ задачъ и верховныхъ правъ, какъ это было въ союзахъ таможенномъ, почтовомъ и др.; она охватываетъ государство во всѣхъ частяхъ его жизненной дѣятельности. Если въ обществѣ, понимая его въ смыслѣ противопоставленія корпораціи, и признается принципъ большинства, то предѣлы воли большинства такъ точно ограничены извѣстными предметами, что всѣ возможныя постановленія большинства являются только незначительными колебаніями въ точныхъ предѣлахъ, установленныхъ договорнымъ образомъ, т. е. единогласно. По сравненію съ цѣлями и жизненными задачами членовъ, цѣли и задачи самаго общества представляются подчиненными, или по крайней мѣрѣ точно установленными и ограниченными. Кругъ предметовъ, предоставленныхъ рѣшенію большинства является здѣсь до такой степени незначительнымъ, что каждый членъ общества, заключая договоръ, не придаетъ большаго значенія тому, что въ предѣлахъ этихъ границъ онъ съ своимъ мнѣніемъ останется подчасъ въ меньшинствѣ. Ближайшій примѣръ такихъ отношеній представляетъ собою

Германскій Таможенный Союзъ, въ которомъ, признавался принципъ большинства, но который не только ограничивался дѣятельностью, исчезавшей по своей незначительности предъ совокупностью жизненныхъ задачъ государства, но и по этимъ предметамъ предоставлялъ большинству рѣшающій голосъ только въ установленныхъ договоромъ границахъ. Если же Германская конституція подчиняетъ законодательству имперіи все гражданское, уголовное и процессуальное право, то уже однимъ этимъ Германскому союзу предоставлена столь широкая компетенція, что она можетъ коснуться всякой жизненной задачи, всякой отрасли дѣятельности, всякаго права и всякой обязанности отдѣльнаго государства. При томъ объемѣ имперскаго вѣдомства, который установленъ ст. 4, всякое государство подчинило не отдѣльные предметы, а себя въ цѣломъ, въ самомъ корнѣ своего существованія такимъ постановленіямъ, которыя могутъ стать въ противорѣчіе съ его волей. Никакое государство не можетъ предусмотрѣть, по какому пути поведетъ его имперское законодательство въ своихъ важнѣйшихъ экономическихъ и политическихъ задачахъ. Признать при столь обширной компетенціи союза принципъ рѣшенія большинствомъ значитъ не соединиться съ равными себѣ для совмѣстнаго осуществленія опредѣленныхъ цѣлей, какъ это бываетъ въ международномъ союзѣ государствъ, а подчиниться цѣлому, какъ высшей волѣ [1]).

Нельзя придавать значенія только тому обстоятель-

[1]) Laband, I, стр. 85.

ству, что компетенція союза вообще ограничена и игнорировать способъ, какимъ она ограничена; нельзя смотрѣть на предметы, предоставленные союзной власти, какъ на точно опредѣленныя верховныя права, ибо эта точка зрѣнія совершенно невозможна въ виду тѣхъ постановленій союзныхъ конституцій, которыя предоставляютъ союзу безграничное право расширенія своей компетенціи. Если для этого требуется усиленное большинство, то это является сильной политической гарантіей; но съ точки зрѣнія права важно только то, что отдѣльное государство можетъ остаться въ меньшинствѣ и что оно, хотя-бы высказалось противъ расширенія компетенціи союза, обязано терпѣть его воздѣйствіе на такія свои верховныя права, которыя при образованіи союза не были ему предоставлены. Это дѣлаетъ государства объектомъ высшей воли. Вліяніе, которое они оказываютъ на образованіе и осуществленіе этой воли, можетъ быть наградой за потерянную независимость и можетъ представлять даже большія для нихъ выгоды; но для юридической конструкціи имѣетъ значеніе только то обстоятельство, что отдѣльное государство можетъ остаться въ меньшинствѣ и что его воля не есть воля высшая, послѣдняя, окончательная.

Расширеніе союзной компетенціи производится путемъ закона, а не посредствомъ договора, т. е. не въ видѣ выраженія воли отдѣльныхъ государствъ, а въ формѣ связующей ихъ правовой нормы, которая исходитъ отъ стоящей надъ ними власти. Неотразимымъ послѣдствіемъ этого права союза является то, что вся правовая сфера

отдѣльныхъ государствъ находится въ распоряженіи его воли, выраженной съ соблюденіемъ условій, означенныхъ въ конституціи.

Въ связи съ этимъ стоитъ положеніе, согласно которому союзные законы имѣютъ преимущество передъ законами мѣстными [1]). Это есть логическое послѣдствіе того, что союзъ обладаетъ суверенной, т. е. высшей властью, такъ какъ изданный имъ законъ является въ отношеніи мѣстнаго закона приказомъ высшей власти. Признаніе этого положенія конституціей есть симптомъ, изъ котораго можно заключить о природѣ союза и объ отношеніяхъ, существующихъ между нимъ и отдѣльными государствами. Въ союзѣ государствъ не можетъ быть авторитета высшаго, нежели авторитетъ мѣстнаго закона; такъ называемые союзные законы суть единогласные, по своему содержанію одинаковые мѣстные законы. Они дѣйствуютъ въ каждомъ, принадлежащемъ къ союзу государствѣ въ силу партикулярной санкціи. Поэтому мѣстные законы имѣютъ предпочтеніе передъ законами, выработанными союзными органами. Это преимущество мѣстнаго законодательства передъ постановленіями союза является несомнѣннымъ признакомъ, свидѣтельствующимъ о договорномъ, международномъ характерѣ союзныхъ отношеній; и наоборотъ, безусловное преимущество союзныхъ законовъ передъ мѣстными, какъ его установляютъ конституціи союзныхъ государствъ, есть

---

[1]) Конст. Герм. Имп., ст. 2; Швейцарская конст., Uebergangsbestimmungen, ст. 2, сравн. ст. 174; Конст. Сѣв.-Ам. Соед. Штатовъ, ст. VI.

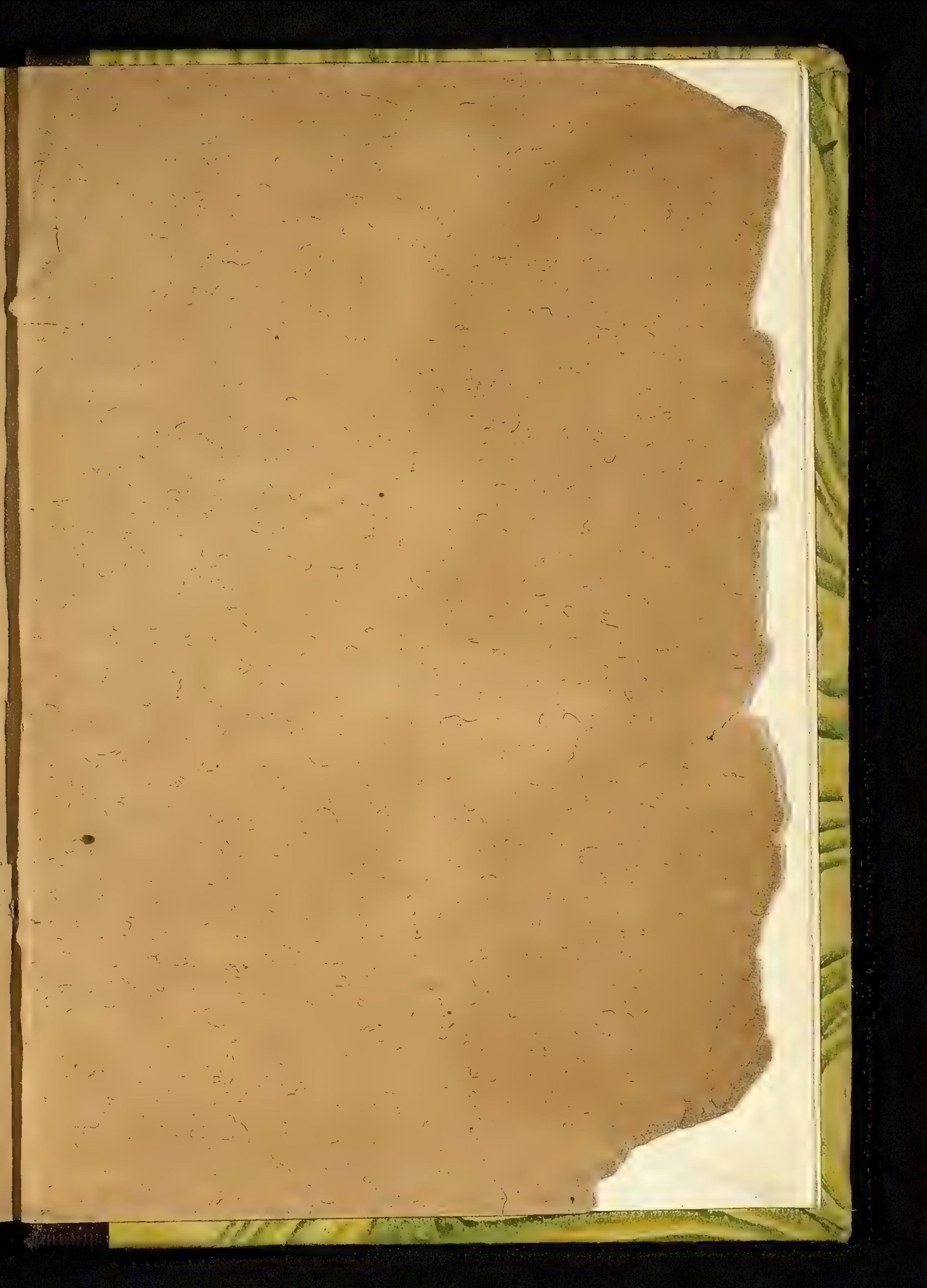
отрицаніе суверенитета отдѣльныхъ членовъ и признаніе стоящей надъ ними и правовымъ образомъ обязывающей ихъ власти.

Современныя союзныя государства возникли путемъ соединенія цѣлаго ряда прежде суверенныхъ государствъ въ одно политическое цѣлое. Нельзя однако отрицать возможности и обратнаго процесса образованія союзнаго государства. Суверенное государство можетъ снабдить внутренніе подчиненные ему союзы такою долею автономіи, которая выходитъ за предѣлы понятія самоуправленія. Если эти автономные союзы, обладающіе самостоятельными органами и собственными правами власти будутъ, кромѣ того, принимать участіе въ образованіи воли сувереннаго цѣлаго, то эти несуверенныя общежитія образуютъ союзное государство. Въ противоположность къ процессу образованія союзнаго государства на территоріи, гдѣ существовали общежитія суверенныя, процессъ превращенія простого государства въ сложное путемъ сообщенія внутреннимъ союзамъ характера государства можетъ совершиться въ формахъ, выработанныхъ правовою жизнью. Съ другой стороны, юридическій порядокъ не создаетъ препятствій для перехода союзнаго государства въ простое, подобно тому, какъ онъ не создаетъ безусловныхъ гарантій и для личной свободы. Возможность расширенія своего вѣдомства до полнаго поглощенія отдѣльныхъ государствъ, которою обладаютъ всѣ современныя союзныя государства, знаетъ только фактическое препятствіе въ согласіи усиленнаго большинства. Но именно въ томъ и сказывается

свойство суверенитета, что, при соблюденіи означенныхъ въ конституціи условій, союзное государство можетъ самымъ легальнымъ образомъ превратиться какъ въ простое единое государство, такъ и въ международный союзъ государствъ.

Опечатки.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
5	7 св.	становились	становилась
21	9 »	съ 18	съ 13
30	3 »	постнивленія	постановленія
—	— »	Besehlüsse	Beschlüsse
77	16 »	еще 4-го	еще до 4-го
—	выноска	des Schweiz.	der Schweiz.
85	6 св.	признаніе	признаки
102	8 сн.	собственности	собственнаго
105	выноска	Selbstverwoltung	Selbstverwaltung
120	выноска	Bundesstra atsbegriff	Bundesstaatsbegriff
140	15 св.	карпоративныхъ	корпоративныхъ
173	9 »	соотвѣтствеоно	соотвѣтственно



Цѣна 1 руб. 25 коп.